

САМАЯ ОЖИДАЕМАЯ КНИГА ГОДА!

#YoungFantasy

Мелисса Алберт

Ореховый лес

«АСТ»

2018

УДК 821.111-31 (73)
ББК 84(7Coe)-44

Алберт М.

Ореховый лес / М. Алберт — «АСТ», 2018 — (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-107141-7

Семнадцатилетняя Алиса провела почти всю свою жизнь в разъездах: словно злой рок преследует их с матерью, заставляя раз за разом искать новый дом. Известие о смерти бабушки, Алтеи Прозерпины, ни разу не видевшей внучку, расстраивает девушку, и одновременно дает надежду: имение «Ореховый лес», перешедшее по наследству ее матери Элле, может стать для них не временным убежищем, а настоящим домом. Но надеждам Алисы не суждено сбыться: кто-то похищает Эллу, пока ее дочь находится в школе. В поисках единственного дорогого ей человека Алисе придется заново открыть старые сказки и себя, а еще – пренебречь последними словами матери: «ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ОРЕХОВОГО ЛЕСА!»

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107141-7

© Алберт М., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	22
5	26
6	31
7	35
8	49
9	52
10	55
11	61
12	66
13	73
14	82
15	86
16	92
17	98
18	103
19	112
20	118
21	121
22	130
23	136
24	143
25	150
26	160
27	166
28	171
29	174
30	186
31	190
Благодарности	196

Мелисса Алберт

Ореховый лес

Melissa Albert
The Hazel Wood

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств The Book Group и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© 2018 by Melissa Albert
© А. Дубинина, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

10 недель в списке бестселлеров New York Times

Самая ожидаемая книга 2018 года по версии Entertainment Weekly, BuzzFeed, Esquire, Seventeen

У романа «Ореховый лес» странное, в лучшем смысле этого слова, начало и еще более странное продолжение, Альберт легко сочетает современный реализм и фэнтези, размывая их границы и подчеркивая, как встречаются сказки и реальная жизнь, как магия правдива, а реальный мир фальшив, и может случиться все что угодно – особенно на страницах хорошей книги. Это захватывающий дебют.

The New York Times Book Review

Оригинальная и образная сказка: в равной степени захватывающая, очаровательная и проникновенная.

Entertainment Weekly, Best New Books

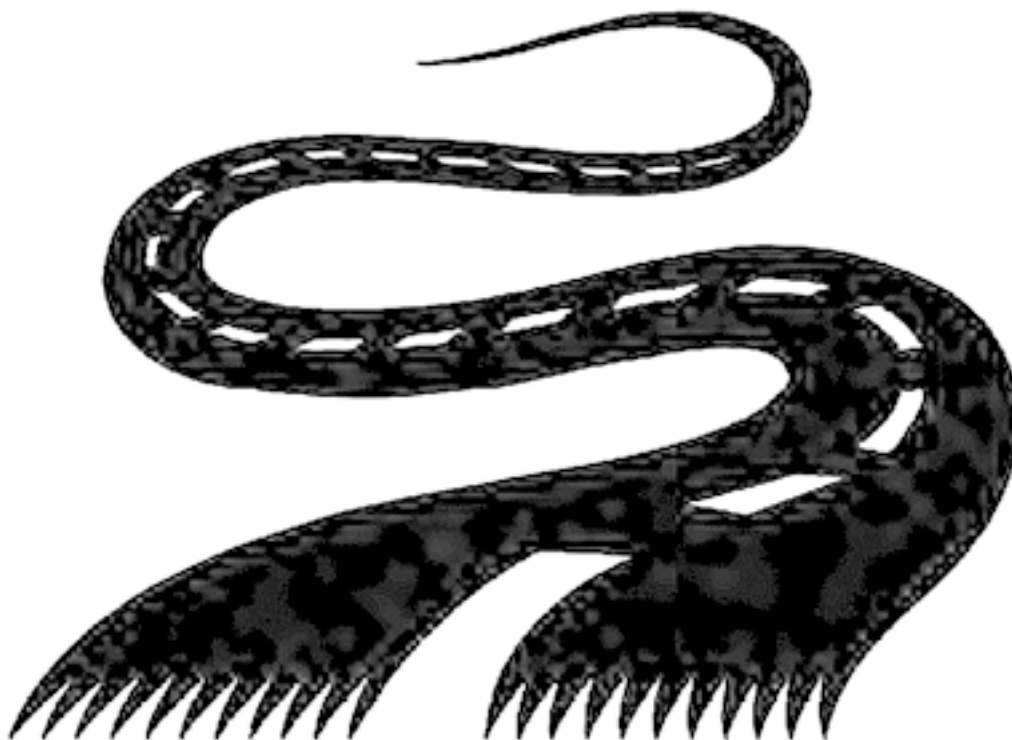
*С любовью и благодарностью посвящается моим родителям,
которые никогда не мешали мне читать.*

*Я вышел в мглистый лес ночной,
Чтоб лоб горячий остудить...*

У. Б. Йейтс, «Песня скитальца Энгуса»¹

¹ Пер. Г. М. Кружкова.

1

Алтея Прозерпина кормит свою дочь волшебными сказками. «Жила-была на белом свете девушка по имени Анна Паркс – одна из множества мечтательниц середины века, в поисках своей судьбы приезжавших в Манхэттен с чемоданчиком, полным надежд. А потом она пропала, и никто не знал, куда она подевалась. Когда же наша героиня наконец объявилась вновь, она снискала себе странную славу: так посмотришь – сияет, а этак – зловеще темнеет. Теперь же она снова удалилась от мира, бежала в дремучий лес, где в доме с башенками уединенно живет с пятилетней дочерью и мужем, членом одной из королевских семей Европы – как видно, сказки по-прежнему не оставляют ее. Я позвонила ей по телефону – ее голос полон тем же обаянием, которым светится ее знаменитая фотография, та самая, с перстнем и сигаретой. Я спросила, можно ли будет поговорить с ней лично, – и ее смех заструился, как обжигающий виски, льющийся на кубики льда. «Если попробуете приехать ко мне, непременно заблудитесь, – уверяет она. – Захватите с собой горсть хлебных крошек и клубок ниток».

Статья «Королева Сопредельных земель»,

Ярмарка тщеславия, 1987

Моя мать была вскормлена волшебными сказками в уединенном особняке, а я выросла на автострадах. Мое самое раннее воспоминание – запах горячего асфальта и клочок неба сквозь откидную крышу машины – живое озерцо синевы. Мама говорит, что я путаю: у нашей машины никогда не было откидной крыши. Но я могу четко увидеть этот образ, едва закрою глаза, так что по-прежнему считаю его правдивым.

Мы пересекли страну из конца в конец не менее сотни раз в своей развалюхе, пропахшей картошкой фри, несвежим кофе и фальшивой клубникой – этот неистребимый запах поселился в машине с того дня, когда я скормила свою детскую помаду «Фея Динь-Динь» вентиляционной решетке обогревателя. Нам приходилось так часто менять дома и окружение, что

я даже не представляла себе, как это – неуверенно чувствовать себя на новом месте, опасаться незнакомцев.

Именно поэтому в шесть лет я спокойно уселась в старый синий «бьюик» рыжеволосого мужчины, которого видела в первый раз, и позволила ему увезти себя – мы провели в дороге целых четырнадцать часов с двумя перерывами на туалет и еще одним – на обед, состоявший из очень вкусных блинчиков. Через четырнадцать часов нас догнала полиция – ее вызвала официантка, которая узнала меня в описании, к тому времени уже передававшемся по радио.

Тогда я и узнала, что рыжий мужчина не был тем, кем он представился, то есть – другом моей бабушки Алтеи, который приехал специально, чтобы отвезти меня к ней. Алтея к тому времени уже скрылась от всех посетителей в своем большом доме, и я никогда ее не видела. У нее не было друзей, только фанаты, и мама объяснила мне, что рыжий мужчина – один из них. Фанат, который хотел использовать меня, чтобы таким образом добраться до моей бабушки.

Когда полицейские убедились, что мне не причинили никакого вреда, и опознали рыжего похитителя как безработного, который угнал машину неподалеку от нашего временного жилья в Юте, мама решила, что больше мы об этом говорить никогда не будем. Она не желала слушать, когда я пыталась ей объяснить, что он был добрый, рассказывал мне интересные сказки и смеялся таким теплым смехом, что я, шестилетка, втайне уверовала, что он на самом деле мой папа, который меня наконец нашел. В участке маме показали этого человека сквозь зеркальное стекло, чтобы он не мог ее разглядеть, и она поклялась, что раньше никогда его не видела.

Несколько лет я отчаянно верила, что он – мой папа. Когда мы после его ареста уехали из Юты и на несколько месяцев поселились в санатории для художников в Темпе, я волновалась, что теперь он не сможет снова меня отыскать.

Но он больше не появлялся. Когда мне исполнилось девять, я осознала истинную сущность моей тайной веры: детская фантазия, не более того. И я оставила ее, как поступала со всем, что переросла: со старыми игрушками, ночными страхами, одеждой, которая больше не подходила. Мы с мамой жили, как бродяги – надолго останавливались у друзей, пока их гостеприимство не начинало трещать по швам, мыкались по временным пристанищам. Мы не могли позволить себе такую роскошь, как ностальгия. У нас не было шансов просто остановиться где-нибудь и устроить себе долгую передышку – вплоть до года, когда мне исполнилось семнадцать. Года, когда Алтея умерла в Ореховом лесу.

Когда Элла, моя мать, получила письмо, по всему ее телу пробежала дрожь. Причем это случилось раньше, чем она распечатала конверт. Конверт был кремово-зеленый, с напечатанным ее именем и нашим тогдашним адресом. Мы приехали в тот дом всего-то предыдущей ночью, и я поразилась, что письмо вообще смогло нас отыскать.

Мама взяла со стола нож для бумаги, сделанный из слоновой кости: мы ведь устроились присматривать за домом богатых людей, которые украшали свои апартаменты кусочками мертвых слонов. Дрожащими руками мама вскрыла конверт. Лак на ее ногтях казался таким красным, будто она порезалась.

Она вытащила письмо на свет, и я различила черные строчки текста, но прочесть его не могла. Элла издала звук, какого я от нее еще не слышала – вздох подавленной боли, от которого у меня замерло сердце. Она так близко поднесла листок к глазам, что зеленый цвет бумаги отбрасывал блик на ее лицо. Она снова и снова перечитывала сообщение, чуть заметно шевеля губами, а потом скомкала письмо и бросила его в мусорную корзину.

Курить в этом доме запрещалось – роскошная квартира в нью-йоркском Верхнем Вест-Сайде пахла чем-то вроде дорогого французского мыла и мокрыми йоркширскими терьерами. Но Элла все равно вытащила из пачки сигарету и прикурила ее от антикварной хрустальной зажигалки. Она втянула дым, как молочный коктейль через соломинку, а пальцы ее свобод-

ной руки крутили тяжелый зеленый камень, который она носила на короткой цепочке между ключицами.

– Моя мать умерла, – выдохнула она и закашлялась.

Новость разорвалась во мне, как глубинная бомба, от эпицентра где-то внутри расходились волны боли. Хотя времена, когда я могла часами мечтать о встрече с Алтеей, давно миновали, и подобное известие вроде бы не должно было меня ранить.

Элла присела передо мной на корточки и положила руки мне на колени. Глаза ее блестели, но оставались сухими.

– Это не... прости, но это не плохая новость. *Совсем* не плохая. Она может все для нас изменить, она может... – она остановилась на половине фразы. Элла уткнулась головой мне в колени и всхлипнула – это был странный одинокий звук родом не отсюда, из каких-то далеких мест, где темные дороги пахнут прелыми листьями, такой неуместный в ярко освещенной комнате посреди огромного шумного города.

Я поцеловала ее волосы, пахнувшие обеденным кофе и дымом, струившимся с кончика сигареты. Элла прерывисто вздохнула и подняла лицо.

– Знаешь, что это значит для нас?

Я посмотрела на нее, потом обвела взглядом богатую, набитую дорогими вещами и совершенно чужую комнату.

– погоди. Ты хочешь сказать, что нам достается «Ореховый лес»?

Особняк моей бабушки, который я видела только на фотографиях, всегда оставался колыбелью моего альтернативного придуманного детства. Там я каталась на лошадях, ездила в летние лагеря. Это была моя воображаемая страна, в которую я убегала отдохнуть от бесконечных автодорог, новых школ и запаха чужих домов. Я уже начала было рисовать себя в далеком мире усадьбы с фонтанами и живыми изгородями, коктейлями в высоких бокалах и чистым прудом, таким сверкающим, что на него нельзя взглянуть, не сощурившись.

Но худая рука моей матери обхватила мое запястье, вытаскивая меня из мира ослепительных лужаек «Орехового леса».

– О Господи, нет. Это значит, что мы *свободны*.

– Свободны от чего? – глупо спросила я, но она не ответила. Она резко встала, бросив недокуренную сигарету в корзину, прямо поверх письма, и целеустремленно вышла из комнаты, будто спеша заняться чем-то срочным.

Едва Элла ступила за порог, я вылила остывший кофе в мусорную корзину, загасив уже разгоравшееся там пламя, и вытащила мокрое письмо. Частично оно успело сгореть, но я разгладила обугленный остаток листка на коленях и попыталась его прочесть. Шрифт, которым письмо было напечатано, казался странным, будто у старой телеграммы.

Вообще письмо не выглядело новым. Даже пахло оно как-то залежало. Я представила, как некто печатает его на старинной машинке *Selectric* – как на открытке с портретом Франсуазы Саган, которую я вешала над кроватью в каждом новом доме, где нам случалось жить. Исследуя то, что осталось от письма, я вдохнула запах пепла и странных духов. Особенно исследовать было нечего, читались лишь обрывки текста – *С глубокими соболезнованиямиезжайте как можно скорее...*

И еще одно темно-коричневое слово среди моря обгоревшей бумаги: *Алиса*. Мое имя. Кроме него я ничего не могла разобрать в этой строке, и больше упоминаний обо мне, похоже, не было. Скатав мокрый лист в комок, я бросила его обратно в корзину.

2

До одинокой смерти Алтеи Прозерпины (урожденной Анны Паркс) в огромном особняке под названием «Ореховый лес» наша с мамой жизнь была чередой неудач. Мы переезжали самое малое дважды в год, чаще больше, но злая судьба находила нас повсюду.

В Провиденсе, где мама работала арт-терапевтом в доме престарелых, весь первый этаж нашего съемного дома был затоплен одной августовской ночью, когда мы спали, – причем ночь была совершенно ясная. Дикая кошка ворвалась в наш трейлер в Такоме, разбив окно, обгадила все наши вещи и сожрала остатки моего именинного торта.

В Лос-Анджелесе мы пытались продержаться хотя бы один полный учебный год. Элла снимала там флигель у серьезной хиппи с трастовым фондом, но через четыре месяца после нашего приезда муж хозяйки заболел синдромом хронической усталости, и мы с мамой переехали к ней в основное здание, чтоб помогать по дому. Вскоре после этого в хозяйской спальне обвалился потолок, а хиппи начала ходить во сне и на одной из подобных прогулок упала в бассейн и чуть не утонула. Не дожидаясь, когда начнется отсчет смертей, мы снова пустились в дорогу.

Когда мы были в пути, я постоянно следила за машинами в зеркало заднего вида: как будто злая судьба могла принять человеческое обличье и катить за нами по пятам в мини-вэне. Но судьба всегда была коварнее нас. Провести ее было невозможно – только снова и снова бежать, едва завидев ее приметы.

После смерти Алтеи мы покончили с переездами. Элла удивила меня, преподнесла мне ключ от новой съемной квартиры в Бруклине, и вскоре мы въехали туда со всеми своими жалкими пожитками. Недели шли за неделями, перетекали в месяцы... Я по-прежнему не теряла бдительности, но наши дорожные чемоданы все еще оставались под кроватью. Свет в нашем новом жилище был цвета всех металлов – слепяще-платиновый поутру, золотой на закате и бронзовый по ночам, когда в окна светили уличные фонари. Я часами могла любоваться игрой света на наших стенах, его переменами. Этот свет принадлежал мне.

Но я все еще видела повсюду тени злой судьбы. Однажды в букинистическом магазине за мной долго следила женщина, которая в конце концов стянула у меня из кармана мобильник,

шепнула мне в ухо непристойность и убежала. Как-то я шла по улице ночью, и над моей головой один за другим гасли фонари. Целую неделю подряд мне попадался в вагоне метро один и тот же нищий музыкант с гитарой, при виде меня всякий раз заводивший жутковатым тенором «Иди спроси Алису»².

– Пф, – презрительно фыркала Элла. – Это никакая не злая судьба, это просто Нью-Йорк. Она здорово изменилась со смерти матери. Стала меньше курить, набрала вес. Даже купила несколько цветных футболок – в противовес своим обычным, без вариантов черным.

Как-то раз, вернувшись вечером, мы обнаружили, что все окна в нашей квартире перебиты. В них зияли звездообразные дыры. Элла сжала губы и посмотрела на меня. Я уже готовилась услышать, что мы немедленно уезжаем, – но она покачала головой.

– Нью-Йорк, – в голосе ее звучала сталь. – Больше нет никакой злой судьбы, Алиса. Слышишь меня? С этим покончено.

Итак, я ходила в бесплатную государственную школу. Я развесила гирлянды с фонариками на полочке над кроватью и нашла себе работу в кафе, которое после заката превращалось в бар. А Элла начала заговаривать на темы, прежде у нас не поднимавшиеся: о покраске стен в квартире, о покупке нового дивана. О подаче заявления в колледж.

Это нас и подвело – мечта Эллы о нормальной жизни для меня, о настоящей жизни со стабильным будущим. Потому что, если проводить всю жизнь в бегах, как научиться неподвижности? Как превратить свой соломенный домик в каменный?

Элла выбрала способ, известный ей по кинофильмам – всем этим экранным фальшивкам, которыми мы развлекались в комнатах мотелей, в съемных бунгало, в бывших летних домиках для туристов и даже в студенческих общежитиях.

Она вышла замуж.

Поезд метро грохотал по Бруклинскому мосту. Глаза резал пронзительный свет октябрьского солнца. Голова моя была занята неудачным браком мамы, зубы болели – кажется, в нескольких из них были трещины. Приступы гнева случались у меня и раньше, Элла привыкла справляться с ними с помощью медитаций, дешевой терапии Рэйки, которой она выучилась по книгам, и спортивной капы на зубы – предполагалось, что я буду носить ее, но я ее ненавидела. Каждый день я тратила кучу усилий, чтобы не выпустить наружу ни одного резкого слова об отчине. Каждую ночь я вымещала гнев на своих зубах, сжимая их и скрипя ими изо всех сил.

Мужчина, за которого вышла замуж моя мать – месяца через четыре после их первой встречи на торжественном приеме, где она подрабатывала официанткой, – жил на предпоследнем этаже высотки на Пятой авеню. Его звали Гарольд, он был богат как Крез и думал, что Лорри Мур – это марка промышленных красок³. Вот и все, что следует знать о Гарольде.

Я ехала в «Соленую собаку» – в кафе, ставшее моим первым местом работы: наконец-то я прожила где-то достаточно времени, чтобы таковой обзавестись. Владельцы кафе, супруги из Рейкьявика, провели со мной шестичасовой технический семинар, прежде чем допустили хотя бы почистить кофемашину. Работа мне нравилась тем, что я могла выкладываться на ней ровно настолько, насколько считала нужным. Если хотела – старалась, готовила кофейные шедевры и мило общалась с каждым клиентом. Если не хотела – исполняла обязанности на автопилоте, ни с кем не разговаривая, и просто получала чуть меньше чаевых.

Сегодня я старалась отвлечься, раствориться в успокаивающем ритме кафе, делая коктейли и пуроверы, подхватывая печенья серебряными щипцами и вдыхая карамельный запах кофейных зерен.

² «Go Ask Alice» – строка из песни «White Rabbit» группы Jefferson Airplane, основанной на аллюзиях на «Алису в стране чудес» и на ассоциациях этой книги с приемом наркотиков.

³ Мур, Лорри – американская писательница, лауреат многих литературных премий.

– Не смотри туда, к нам приперся Чувак-в-Шляпе, – шепнула мне на ухо вторая официантка, Лана. Она была второкурсницей в Пратте, училась на отделении керамики и выглядела как сестра Дэвида Боуи, переплывшая его по части красоты. Одевалась она при этом совершенно ужасно, что парадоксальным образом ее только красило. Сегодня она была в мешковатом оранжевом комбинезоне в стиле Альянса из «Звездных войн» и пахла так, как, должно быть, пах Микеланджело – гипсовой пылью и потом. Поразительно, но этот запах тоже ее не портил.

Чувак-в-Шляпе был нашим самым нелюбимым посетителем. Лана старательно притворилась, что чистит аппарат для кипячения молока, так что клиент, ясное дело, доставался мне.

– Привет, Алисочка, – сообщил он, внимательно прочитав имя на моем бейдже – это он проделывал каждый раз, хотя приходил сюда каждый день. Он склонил голову на плечо, прислушиваясь к музыке, которую Лана поставила на своем мобильнике – «T. Rex», к слову сказать. – Ничего так песенка. Это «Stone Roses»?

– Господи боже мой, – театральным шепотом сказала Лана у меня за спиной.

Клиент долго пялился в меню – минуты две, не меньше, – пальцами отбивая дробь по стойке. Я ждала, пока он сделает заказ, а под кожей у меня вызревал гнев, вызывая легкий озноб. Наконец он заказал то же, что и всегда. Я поспешно затолкала в пакет его бискотти, добавила бутылочку воды «Pellegino» и поспешно отодвинулась подальше от стойки, чтобы не дать ему шансов развести меня на прощальный шлепок ладонью о ладонь, которому он пытался меня обучить в течение последних пяти смен.

Я смотрела, как он уходит, и ненавидела в нем все – короткую шею, белые волоски на руках, его манеру сцеплять пальцы и ими отвратительно хрустеть. Кровь прилила к моей голове, когда он по пути запнулся о стул женщины за столиком и в качестве извинения панибратски похлопал ее по плечу.

– Блин, какая же он задница, – в полный голос сказала Лана, наблюдая, как Чувак-в-Шляпе сражается с входной дверью. Потом подтолкнула меня бедром:

– Алиса, да остынь. У тебя такой вид, будто ты собираешься его придушить. Это же просто старина Дурацкая Федора.

Гнев отхлынул, оставив после себя жар смущения.

– Я не собиралась... – начала было я, но Лана меня перебила. Это ей всегда отлично удавалось.

– Я тебе уже говорила, что видела Кристиана совершенно голым? – она подперла подбородок кулачком.

Кристианом звали нашего босса. У него были миниатюрная красавица-жена и здоровенный краснолицый ребенок, похожий на лубочного демона. Я попыталась представить невинную причину столь близкого знакомства Ланы с боссом, но мне это не удалось.

– У вас что... Вы что, занимались сексом?

Лана расхохоталась, как будто с высоты ее жизненного опыта я была маленькой дурочкой – даже если и так, какого черта?

– Ты можешь такое себе представить? Да нет, тогда бы Луиза натравила на меня их жуткого ребеночка! Кристиан просто заказал мне скульптурный портрет всей семьи.

– Голышом?

– Ага, – отозвалась Лана, стремительно теряя интерес к собственному рассказу.

– И какой он... Как оно получается? Очень неприлично?

Лана пожала плечами, глядя на экран своего телефона.

Когда Элла только начала встречаться с Гарольдом, у меня была идея сдружиться с Ланой, чтобы тоже обзавестись своим собственным близким, но ничего не вышло. Лана больше нуждалась в слушателях, чем в друзьях.

Я взяла тряпку и пошла в зал протирать столики – исключительно для того, чтобы Лана для разнообразия сменила меня у кофемашины. По пути меня охватило странное чувство – острое физическое ощущение чьего-то взгляда. Кто-то смотрел на меня. Я не Лана, чаще всего меня не замечают, так что чувство было очень тревожное. Отвлекаясь на него, я наткнулась на столик и выругалась вслух. Собирая тряпкой крошки, я быстро оглядывала посетителей.

За одним столиком – компания женщин, как на подбор, с обручальными кольцами на пальцах. Перед каждой – чашка зеленого чая, посредине – один-единственный пончик с кокосовой стружкой и четыре вилки. За двумя отдельными столами – двое мужчин с одинаковыми бородами, в одинаковых клетчатых рубашках, согнувшиеся над одинаковыми ноутбуками и совершенно друг друга не замечающие. Еще женщина, которая пытается читать «Джейн Эйр», но взамен следит краем глаза за мамашей с двухлетним малышом, громко стучащим ложкой по соседнему столику. И, наконец, мужчина в куртке от *Carchartt* и в темных очках, сидящий у самых дверей. На голове у него, несмотря на жару, вязаная шапочка, перед ним на столике – стакан воды.

Тут-то и случилось три вещи: Лана уронила тарелку, и та с грохотом разбилась о шахматную плитку пола; человек в шапочке взглянул поверх очков в направлении шума; и я немедленно узнала его – ударная волна узнавания прокатилась по мне и через меня, вгоняя в дрожь.

Мы уставились друг на друга – я и мужчина у дверей – и я видела, что он понял, что я его узнала. Когда наши взгляды встретились, я резко вспомнила то, что совершенно забыла: тогда, десять лет назад, его машина пахла, как рождественская елка. Когда мы остановились позавтракать, он заказал для меня не только блинчики, но и яичницу. На мне тогда была малиновая вельветовая курточка поверх полосатой футболки, обтягивающие штанишки и белые ковбойские сапожки с серебряными шпорами, которыми я страшно гордилась. Он рассказывал мне сказки – некоторые я уже знала, а некоторые нет. Я так никогда и не вспомнила их содержания, зато помнила ощущение от них: такое же чувство возникает при чтении стихов – *настоящих* стихов, от которых встают дыбом волоски на шее, а в глазах закипают слезы.

Это был тот самый человек, который увез меня в голубом «бьюике», мужчина, которого я представляла своим отцом. Шапка скрывала рыжие волосы, но глаза было невозможно не узнать. Тогда я была ребенком и все, что могла сказать о его возрасте, – это что он взрослый. Только теперь я заметила, насколько он молодой – лет двадцать, ну, самое большее, двадцать пять. С момента нашей встречи прошло десять лет, а он совершенно не изменился, ничуть не постарел. Это было невозможно. Однако я была совершенно уверена, что это он – и что он явился сюда из-за меня.

Пока я переваривала всю эту информацию, он встал из-за стола, подхватил книгу, которая лежала перед ним, и вышел из кафе. Колокольчик на двери еще не успел утихнуть, как я бросилась за ним – и запнулась о провод чьего-то ноутбука, так что едва не своротила компьютер на пол. К тому моменту, как я закончила извиняться перед владельцем и добралась наконец до двери, загадочный человек уже исчез. Я отчаянно прочесывала взглядом пустой тротуар, и пальцы тщетно искали в воздухе сигарету – мы с мамой одновременно бросили курить, когда переехали к Гарольду.

Мужчина в шапочке ушел. Простояв на пороге несколько минут, я наконец вернулась в кафе.

После него на столе остались пустой стакан, смятая салфетка... А еще перо, расческа и кость. Перо было темно-золотое, с зеленоватым кончиком. Расческа – красная, пластиковая. А кость – наверное, куриная, да только походила по форме на человеческий палец. Она была вычищена добела. Эти три предмета были выложены на столешницу так, что напоминали иероглиф – странный знак, запечатлевшийся у меня в уме, когда я смахнула свои находки в карман форменного фартука.

– О'кей, кто это был? – я до сих пор никогда не видела в глазах Ланы такого интереса к своей персоне. – Слушай, у тебя губы... Они совершенно белые. Он тебе что-то сделал, тот парень?

Да, похитил меня, когда мне было шесть. Я думаю, он из Повелителей Времени.

– Да так, никто. В смысле, не знаю кто. Я ошиблась, подумала, что это один знакомый... и обозналась.

– Никто, значит? Я не верю ни одному твоему слову, но неважно. Давай-ка ты сядешь, а я принесу тебе чего-нибудь поесть, и ты не вернешься к работе, пока не перестанешь так погано выглядеть. В смысле, до конца моей смены осталось двадцать минут, и я надеюсь, этого тебе хватит, чтоб прийти в чувство.

Я тяжело опустилась на стул – колени у меня подогнулись сами. Одна из женщин, тех, с обручальными кольцами, оглянулась на меня и постучала чашкой о блюдце, как будто требуя бесплатно долить ей чай. «Только дай мне повод разозлиться», – подумала я, хотя чувствовала себя слишком слабой, чтоб действительно выйти из себя.

Слишком испуганной. Давай называть вещи своими именами, Алиса. Может, мне бы и удалось уговорить себя поверить в то, во что так безумно хотелось верить – что я никогда раньше не видела этого человека, просто немного похожего на того знакомого десятилетней давности. А потом, может, у меня получилось бы даже забыть о нем, если бы не книга у него в руках. Книга, которую он взял со стола перед тем, как стремительно выйти.

Долгие годы я не видела эту книгу, но узнала ее сразу же, едва различив знакомую зеленую обложку.

Мужчина в кафе читал «Истории Сопредельных земель», конечно же. А что бы еще он мог читать?

3

Впервые эта книга попала мне на глаза, когда мне было десять. Небольшая, карманного формата, в зеленой твердой обложке с золотым тиснением. Под странным заголовком – имя моей бабушки, все заглавными буквами.

Я уже была таким ребенком, который с закрытыми глазами ощупывает задние стенки шкафов в поисках потайных дверей и загадывает желание при виде падающей звезды. Так что находка – зелено-золотая книга со сказочным названием – в самом нижнем ящике комода, такого скучного на первый взгляд, очаровала меня. Я играла в мансарде дома, где нас приютили – наши хозяева, супруги, по шею загруженные работой, были не против нанять для своего двухлетнего сынишки няньку с проживанием, пусть даже при наличии у няньки собственного ребенка. Мы занимали в их доме гостевую спальню все первое полугодие моего пятого класса – как ни странно, без единого инцидента, пока отец семейства не начал делать Элле определенные намеки, вынудившие нас покинуть насиженное местечко.

Я уселась, скрестив ноги, на ветхий ковер мансарды и благоговейно открыла книгу, водя пальцем по странице с содержанием. Конечно, я знала, что моя бабушка – писательница, но как-то никогда ей особо не интересовалась до этого момента. Мне о ней почти ничего не рассказывали, так что я думала, что она пишет скучные книжки для взрослых, которые мне все равно бы не понравились. Но это явно была книга интересных историй, причем самого лучшего толка – волшебных сказок! Всего сказок в книге оказалось двенадцать.

Дверь, которой не было
Ханса-Странница
Механическая невеста
Джесси и Ночные женичины
Девушка без кожи
Трижды-Алиса
Дом под лестницей
Ожидание Ильзы
Морской погреб

*Мать и кинжал
Дважды-Убитая Катерина
Смерть и лесничиха*

Конечно же, меня сразу привлекла сказка «Трижды-Алиса» – ведь меня саму звали Алисой. Страницы были волнистыми, как будто когда-то их намочили и высушили, и пахли пыльными фиалковыми конфетами, которые я терпеть не могла, а мама любила. Я до сих пор помню первую строчку истории – все, что я успела прочесть до того момента, как вошла Элла, которой подал сигнал внутренний материнский радар, и сразу же вырвала книгу у меня из рук.

«Алиса родилась с глазами черными-черными, без белков, и повитуха сбежала от рожицы сразу, даже не потрудившись обмыть новорожденную».

Начало было такое страшное, что мое сердце сжалось, и я была рада увидеть Эллу. Я только не поняла, почему ее глаза так сверкали, почему она дышала так тяжело.

– Эта книга – не для детей, – резко заявила она.

Я даже не знала, как на это реагировать. До сих пор мама никогда не говорила мне, что я слишком маленькая для какой-нибудь книги – да и вообще для любого рода информации. Когда я спросила ее, откуда берутся дети, она мне все объяснила в подробностях, достойных канала «Природа». Если кто-то из ее друзей пытался сменить тему, когда я входила в комнату, Элла не давала это сделать. «Алиса отлично знает, что такое передоз, – могла сказать она. – Не надо недооценивать ее умственные способности». После чего она, скорее всего, постучала бы по краю бокала и кивнула мне в направлении кухни, и я бы отправилась смешивать ей очередной превосходный martini.

То, что Элла впервые на моей памяти разыграла «возрастную» карту, разожгло во мне пылающее, нестерпимое любопытство. Я просто *должна* была прочитать эту книгу. Не могла оставить ее непрочитанной. Книгу из мансарды я больше никогда не видела, но запомнила название и выжидала благоприятного случая. Я обшаривала все доступные мне библиотеки и книжные магазины, а также книжные шкафы во всех домах, где нам случалось жить, но нигде не находила искомого. Я даже как-то поучаствовала в аукционе *eBay* – у меня к тому времени был установлен *Google alert*, – но цена лота быстро превысила мои покупательские возможности.

Так что я взамен чтения книги стала читать о ее авторе все, что могла найти. Так началась моя одержимость собственной бабушкой, Алтеей Прозерпиной.

~ ~ ~

Лана ушла, и ее сменил парень по имени Норм. Так что следующие три часа мне пришлось слушать его рассказы о вечеринке, на которой он был вместе с Ланой и теперь пытался выяснить, можно ли это назвать свиданием – «не то чтобы это важно, сама понимаешь, но, все-таки, ты случаем не помнишь, может, после того вечера Лана меня разок-другой упоминала?»

Я пыталась отвечать уклончивыми фразами, но наконец взорвалась.

– Господи боже, Норм. Хочешь, я тебе покажу танец «Не застревай и двигайся вперед»? – я изобразила что-то вроде мчащегося поезда. – Ну как, помогло тебе? Лана ни разу не говорила о тебе в моем присутствии, если что.

Выражение обиды на его лице вызвало во мне вспышку мрачного удовлетворения.

– Черт, Алиса, могла бы что получше сказать.

Он снял кепку, заломил ее козырек, чтобы выглядеть поувереннее, и снова водрузил ее на голову.

До конца рабочего дня он больше со мной не разговаривал, и у меня было время подумать в тишине. Время еще раз проиграть перед внутренним взором всю сцену, и снова, и снова. Наконец моя смена закончилась, и я вышла в ночь, чувствуя себя человеком без кожи. Было темно, дома по сторонам дороги к метро выглядели крепко запертыми и негостеприимными – в такой дом ни за что не постучишься на Хэллоуин. Я вздрогнула, когда по тротуару слишком близко от меня зашагал прохожий. Мне показалось, что от него пахнет паленым, а глаза светятся в темноте.

Прохожий все шел неподалеку, не обращая на меня внимания. Я начинала вести себя как параноик. Повсюду я высматривала вязаную шапочку, голубые глаза. Нет. Пусто.

На остановке маршрута «Q» ждали несколько человек. Я встала поближе к женщине с коляской, чтобы со стороны могло показаться, что мы с ней вместе. Она не оглянулась на меня, но я увидела, как напряглись ее плечи. Когда подошел поезд, я быстро вошла в него – и выпрыгнула обратно на платформу в последний момент, как делали герои фильмов.

Но теперь платформа была совсем пуста. Я вставила в одно ухо наушник и включила запись белого шума – Элла поставила это приложение на мой мобильник и велела мне запускать его каждый раз, когда я начинаю чувствовать себя ружьем со взведенным курком.

Подошел следующий поезд, и я практически запрыгнула в него. В голове прокручивалась, как кинопленка, сцена из кафе: грохот разбитой тарелки, синие глаза, стремительное движение к дверям, книга под мышкой... Но воспоминание уже начинало размазываться по углам, терять свою яркость. Я чувствовала, как оно увядает у меня в руках.

Шея у меня занемела – настолько я старалась держать ее не расслабляя, реагировать на каждое движение вокруг. От постоянного напряжения где-то по ту сторону глаз молоточками билась кровь. Когда дверь между вагонами раскрылась, пропуская парня с саксофоном, в груди у меня разорвалась шаровая молния паники.

Может, есть какое-то рациональное объяснение молодости этого человека, его лица, не тронутого ни единой морщинкой? Ботокс, французский увлажнитель кожи, игра света?... Или черная дыра у меня в голове, из-за которой образ прошлого наложился на лицо в настоящем.

Даже если так, у него была с собой книга, которую нигде невозможно найти. Этот мужчина десять лет назад сказал мне, что он знает бабушку и собирается меня к ней отвезти. Что, если это правда? Что, если Элла ошиблась, приняв его за чужака?

А что, если Элла солгала?

Я-то думала, что давно похоронила свою прежнюю одержимость, но она снова зашевелилась в мне. Когда поезд наконец выехал из туннеля на мост, я открыла на телефоне старую статью об Алтее. Когда-то это была моя любимая статья, самая длинная, какую удалось найти. У меня даже имелся журнал, в котором она изначально была напечатана – я чудом отыскала его в букинистической лавочке в Салеме. «Ярмарка тщеславия», номер за сентябрь 1987 года. Целых шесть страниц занимало интервью с моей бабушкой, рассказывающее об особняке «Ореховый лес», который она только что купила. На фотографиях бабушка была тонкой, как сигарета у нее в руке; тончайшая талия, укороченные брючки, ярко-красная помада и взгляд, которым можно резать стекло. У коленей бабушки – моя мама, размазанная фигурка черноволосого ребенка, колеблющаяся тень на глади сверкающего пруда.

Статья начинается так: «Алтея Прозерпина кормит свою дочь волшебными сказками». Странное начало, потому что дальше о маме нет почти ни слова; наверное, журналистке понравилась двусмысленность фразы. Имелось в виду, конечно, что маме, как и любому ребенку, рассказывают сказки, – но также и то, что родительница растит ее на деньги, заработанные на этих самых сказках. Особняк Алтеи, «Ореховый лес», тоже был куплен на «сказочные» деньги.

До того, как стать автором маленького загадочного томика, сделавшего ей имя, моя бабушка зарабатывала статьями для женских журналов – в те времена скорее пестревших заго-

ловками «Как вывести ужасное пятно с белой рубашки мужа», чем «20 сексуальных игр с кубиком льда».

Но все резко изменилось в 1966 году, когда бабушка отправилась в путешествие. В интервью она не называет имен, но подробностей не скрывает: она путешествовала с женатым мужчиной старше себя – редактором одного популярного мужского журнала. Вместе они отправились в круиз вокруг континента с группой скушающих богатеньких американских туристов. После девяти дней распития теплых коктейлей (бабушка не доверяла ледяным кубикам) и написания писем домой они с ее женатым спутником крупно поссорились, и она отделилась от группы. Тут-то все и произошло.

Что именно произошло, Алтея не рассказывает. «Я нашла очень старую дверь, ведущую к новому типу литературы, – говорит она в интервью. – Путь обратно занял у меня много времени». И больше ни слова о том, чем она занималась в период между 1966 и 1969 годами, за который ее комнатные цветы засохли и умерли, а ее нью-йоркская жизнь покрылась паутиной и была сметена, как мусор.

Когда Алтея вернулась в Штаты, мир уже успел ее позабыть. Она говорит, что ощущала себя «призраком, бродившим по музею своей прошлой жизни» (по ее речи очень заметно, что она лучше знала книги, чем людей). Она нашла подругу по Барнард-колледжу, у которой можно было остановиться, поставила в гостевой комнате ее квартиры пишущую машинку, села за нее и напечатала свои двенадцать историй. Они и составили книгу, озаглавленную «Истории Сопредельных земель», и ее вскоре купило маленькое независимое издательство в Гринвич-Виллидж, специализировавшееся на женской прозе, которую никто не читал.

Но по неизвестной причине бабушкину книгу стали читать. Ее красивое лицо на задней обложке не могло не привлекать внимания: большие честные глаза, на самом деле голубые и светло-серые на черно-белом фото. Насмешливо приподнятая бровь, красиво очерченные полуоткрытые губы. На Алтее мужская белая рубашка, расстегнутая сверху на одну пуговку больше, чем следует, а на указательном пальце правой руки – тяжелый перстень с ониксом. В этой руке она, конечно же, держит сигарету.

Книга получила несколько хвалебных отзывов в небольших журналах, о ней заговорили, она стала сенсацией. Тогда нашелся французский режиссер, который искал подходящий сюжет для своего первого американского фильма.

Работа над фильмом шла из рук вон плохо – съемку омрачали закулисные интриги, профессиональные скандалы и, наконец, два независимых друг от друга исчезновения членов съемочной группы. Но сам фильм в итоге оказался хитом арт-хауса. Сценарий был психологической драмой – главная героиня просыпается в лесу и ничего не помнит о своей прошлой жизни: истории из бабушкиной книги выступают в качестве ее сновидений или внезапных воспоминаний. Согласно рецензиям, которые мне удалось найти, сюжет фильма не имеет ничего общего с исходным материалом.

Успех фильма, отчасти подогреваемый скандальной историей его создания, породил несколько театральных спектаклей-однодневок, а также мини-сериал, который так и не сняли, и краткую и неудачную карьеру Алтеи в качестве телевизионного консультанта в Лос-Анджелесе. Вернувшись в Нью-Йорк, она сразу же купила «Ореховый лес»: он продавался за бесценок после странной смерти своего последнего владельца – тот погиб при пожаре, который еще и повредил часть особняка.

Алтея пару раз побывала замужем – сначала за актером, с которым они познакомились на съемках фильма. Чтобы жениться на Алтее, он развелся со своей первой женой и вскоре был убит сумасшедшим наркоманом на собственной квартире в Виллидж, когда Алтея еще была беременна Эллой. В Лос-Анджелесе она встретила своего второго мужа – члена греческой королевской семьи в изгнании – и увезла его с собой в «Ореховый лес».

Так что, в некотором смысле, мою маму вскормили волшебными сказками, но смерть тоже играла в ее судьбе важную роль. И деньги. Деньги покойного мужа и деньги, заработанные на сказках. Часть этих денег все же осела в карманах мамы, помогая нам продержаться и оплачивать бесконечную череду съемных квартир, – спонтанных и не особенно денежных попыток моей мамы что-то заработать нам явно не хватило бы. Постоянное движение было такой же неотъемлемой частью нашей жизни, как резкий мамин смех и мои приступы гнева. И злая судьба, которая ослабляла хватку при каждом новом переезде, но потом снова прицеплялась к нам, как красная глина, налипающая на башмаки.

Независимо от того, насколько плохо шли наши дела, за нашими спинами всегда оставался «Ореховый лес». Место, куда Элла не собиралась возвращаться ни за что в жизни. Она заботилась обо мне, а я – о ней. Нас связывали симбиотические сестринские отношения, которые очень трогательно смотрятся в телесериалах, но на самом деле жутко выматывают, когда приходится переезжать третий раз в год, а у тебя нет даже двери собственной комнаты, чтобы ей как следует хлопнуть.

В сотый раз я перечитала статью об Алтее – и на этот раз она читалась совсем иначе, чем прежде. Когда-то я представляла себе бабушку как далекую, но все же благоволящую ко мне звезду, сказочную фею-крестную, наблюдавшую за мной издалека. Мой горячечный детский мозг создал гремучую смесь из прочитанных сказок, отсутствующей бабушки и загадочного мужчины, внушившего мне подозрения, о которых я никогда не говорила вслух. Глядя в зеркало, я втайне верила, что Алтея может меня видеть. Когда какой-нибудь мужчина слишком надолго задерживал на мне взгляд через окно машины или в продуктовом магазине, я видела в нем не опасного извращенца и не вестника приближающейся злой судьбы, а тайного посланца Алтеи. Она наблюдала за мной, любила меня и собиралась однажды предстать передо мной во плоти.

Но теперь я читала ее интервью другими глазами. Это была не восхитительная королева фей, а амбициозная и высокомерная писательница. Которая ни разу, с моего рождения и до своей смерти, не попыталась связаться с Эллой. С Эллой, которая родила меня в девятнадцать и с тех пор не имела, кроме меня, никакой опоры на свете.

Вот о чем в статье нет ни слова. Через несколько месяцев после ее выхода второй муж Алтеи покончил с собой в «Ореховом лесу». После его смерти Алтея перестала пускать к себе кого бы то ни было. Они с Эллой затворились в особняке и кормились волшебными сказками и бог весть чем еще, не имея никакой компании, кроме друг друга. Об этой части своей жизни Элла никогда не рассказывает – о четырнадцати годах, которые она провела полностью отрезанной от мира. Она даже в школу не ходила. А кто мой отец и как они с ним познакомились – это секрет, сокрытый так глубоко, что я даже и спрашивать о нем давно перестала.

Когда я добралась наконец до нашей квартиры, голова моя гудела, как котел.

Погодите. Слово «квартира» может создать у вас неправильное впечатление. Скажем так: апартаменты. Это уже ближе, хотя и не совсем то.

Жилище Гарольда пахло дорогими моющими средствами, духами моей приемной сестры и едой, которую на этот раз Элла заказала из ресторана. Думаю, у Гарольда сначала были иллюзии, что она будет готовить ему ужин – на это намекала кухонная коробочка с рецептами, унаследованная от его матери. Но его ждало разочарование: мы с Эллой привыкли неделями жить на овсянке, поп-корне и вареных соевых бобах.

Еще в холле я услышала отдаленные звуки ссоры – голоса доносились из-за закрытой двери родительской спальни. Возле двери их было слышно гораздо лучше.

– Ты не меня сегодня опозорила, а только себя саму.

На звуках «с» Гарольд шипел, как змей. По голосам я смогла определить местоположение ссорящихся – он слева от меня, а слабое движение, обозначающее присутствие Эллы, – справа, на кровати.

Я прижалась спиной к стене. *Пусть только попробует подойти к маме ближе.*

– Когда ты одна, можешь выглядеть как бомжиха, это не мое дело, – но сегодня вечером ты выступала в роли моей жены! – Слово «жена» прозвучало даже хуже, чем «бомжиха», но я еще не двигалась с места, сглатывая холодный металлический вкус гнева. Элла снова и снова просила меня доверять ей. Верить, что она может сама разобраться с Гарольдом. Что она любит его. Что эта попытка стабильности предпринята не только ради меня.

Ее молчание звучало громче, чем голос Гарольда. Это ее главное оружие, хотя против меня она его никогда не использовала. Она просто смотрит на вас, пока вы пытаетесь собраться с мыслями, подобрать слова, чтобы достучаться до нее, и никогда не отвечает. Я видела, как она вытягивала из людей все, что ей было нужно – тайны, признания, обещания потерпеть нас в доме лишний месяц – одним своим молчанием. Она им владела в совершенстве.

– Элла, – в голосе Гарольда зазвучало отчаяние. Мне даже стало его жалко, хотя жалеть его я не хотела. – Элла, скажи хоть что-нибудь, черт побери!

Я услышала движение – он пересек комнату, двигаясь к кровати, где сидела моя мать.

Я вдохнула, выдохнула и надавила на ручку двери.

Заперто.

– Мам! Что там происходит?

– Боже *мой*, это опять твоя дочь?

– Мам! – я ударила в дверь рукой. – Пусти меня!

Тишина, скрип кровати, потом голос Эллы – совсем близко:

– Все в порядке, детка. Иди спать.

– Открой дверь.

– Алиса. Я в порядке. Мы просто разговариваем. Лучшее, что ты можешь сделать, – это пойти спать.

Гнев клокотал в моей крови.

– Он назвал тебя бомжихой. Открой дверь!

Дверь рывком отворил Гарольд, и я отшатнулась. Он был растрепанный, полураздетый. Его бритое лицо казалось темным, глаза были налиты кровью. У Гарольда глаза, как у Капитана Крюка – грустные и голубые, как васильки, а стоит ему разозлиться – сразу поблескивают красным.

Рядом с ним Элла, в облегающем черном платье, с копной темных непослушных волос, казалась похожей на черный мак. Платье было сшито будто специально, чтобы привлекать внимание к татуировке у нее на плече, поднимающейся почти до самого горла: психоделический цветок на колючем стебле, из которого могла бы получиться отличная иллюстрация для марсианского ботанического атласа. Близнец этого цветка был вытатуирован у меня на плече, в зеркальном отражении: это был мой подарок Элле как-то на День Матери – подарок крайне неудачный, потому что она мою татуировку сразу возненавидела.

В тусклом свете ламп из холла она выглядела хищником, а Гарольд – добычей. Мой гнев отхлынул.

– Я не называл ее бомжихой. Я только сказал... – Гарольд взъерошил волосы ладонью. – Эти званые ужины очень важны. В них участвуют потенциальные клиенты, они определяют курс – ох, Господи, да с какой стати я перед тобой оправдываюсь?

Элла прислонилась к дверному косяку, холодно глядя на мужа.

– Я была точно так же одета в вечер нашего знакомства. Ты не забыл?

– Да, но тогда ты была *официанткой*. Да плевать, я не намерен тут стоять и защищаться от вас обеих! – Гарольд перевел взгляд на меня. – Я не злодей, Алиса. Почему ты всегда смотришь на меня, как на какого-то чертова монстра?

Он развернулся на пятках и удалился в уборную.

– Мама.

Элла повернула голову, мгновение смотрела на меня, будто хотела задать вопрос. Но вместо этого долго и тяжело вздохнула.

– Иди спать, Алиса. Поговорим с утра, ладно?

Она наклонилась и ласково прижалась своим лбом к моему, а потом закрыла разделявшую нас дверь.

На меня навалилась резкая тишина. Звук жилища, отделенного от шумного города, вакуум богатства.

Я прошла в кухню тихо, как воровка, и начала в темноте шарить по кухонным шкафчикам.

– Что это там – белка явилась поискать орешков?

Я посмотрела на пакетик пеканов у себя в руке и положила его обратно на полку. Одри всегда комментировала то, что едят другие, особенно если порция оказывалась меньше ее собственной. Сейчас она сидела в темной гостиной; ее присутствие выдавал только пучок темных волос, видневшийся над спинкой дивана. Когда я подошла ближе, она не обернулась, только слегка напряглась.

Моя приемная сестра была сексуальной, миленькой, никогда не затыкавшейся кисонькой, рядом с которой я чувствовала себя нелепой нескладухой. Одри потянулась; она была одета в спортивные шортики и короткий топик и даже дома умудрялась напускать на себя томный вид. Сейчас она сидела за ноутбуком и прокручивала на экране какой-то длинный каталог. Через ее плечо я разглядела фотографии женщин в дорогих костюмах. Одри снова заказывала себе одежду, которую она, как всегда, с трудом узнает, когда покупки будут доставлены. Я невольно подумала об игроках в казино.

– Опять изображаешь супергероиню? – спросила Одри бодрым голосом. – Ну как, удалось спасти мамочку от моего отца-злодея?

Я плюхнулась в кресло напротив нее.

– Гарольд для злодея слишком скучный. Он просто недостаточно хорош.

Это заставило ее оторваться от компьютера. Глаза ее казались черными в бледном свете экрана.

– Значит, ты считаешь, что мой папа недостаточно хорош для твоей матушки? – два последних слова она произнесла как какое-то ругательство. – Если бы не он, ты бы до сих пор жила в машине. И носила бы джинсы из «Уолмарта»⁴.

Меня впечатлило, что она вообще запомнила название «Уолмарт». Я злилась на себя, что хотя бы раз в жизни рассказала ей что-то правдивое.

– Да ладно, нам случалось жить и в бытовках, – сообщила я. – И в трейлерах. А однажды вообще в гараже.

Одри подхватила игру.

– Однажды мне пришлось так долго ждать доставки трюфельных фрикаделек, что они остыли по дороге. И я их сразу выкинула.

– Однажды у нас в машине разбилось стекло, и Элла заклеила его скотчем и закрыла дыру куском картона.

Одри тихонько вздохнула, рука ее все еще лежала на клавиатуре.

⁴ Walmart – сеть универсальных магазинов, торгующих товарами по ценам ниже среднего. Это название стало идиоматическим – например, выражение Walmart family означает «семья с доходом чуть ниже среднего».

– Однажды папа купил мне яхту и назвал ее «Моя Одри». Но он забыл встроить туда залу для танцев, так что я обиделась и утопила яхту.

– Однажды... – в моей голове вспыхнул яркий образ – тройной удар злой судьбы, из-за которого нам пришлось уехать из Чикаго. Я закрыла глаза, чтобы изгнать воспоминание, потом резко встала. – Ладно, ты победила.

Одри помрачнела и снова уставилась в свой ноутбук.

– Спокойной ночи, сестричка, – буркнула она мне в спину.

– Ночи, Одри, – отозвалась я, но слишком тихо, так, что она не расслышала.

Проходя мимо спальни Эллы и Гарольда, я прислушалась – там было тихо. Я попыталась вслушаться в тишину, прочесть ее тайны – но сквозь резную дубовую дверь это было трудно. Так что я продолжила свой путь в гостевую комнату, которую Гарольд наскоро приспособил для меня.

Каждое утро я забывала свой карандаш для подводки глаз на краю раковины в своей личной уборной. Я оставляла на кровати открытые книги, носки – под одеялом, сброшенные джинсы – гармошкой на полу. Каждой ночью все это исчезало, возвращалось обратно на туалетный столик, в гардероб, на книжные полки. Просыпаться в доме Гарольда – все равно что угодить в День Сурка. Что бы я ни делала, мне не удавалось оставить ни следа.

Чистя зубы, я старалась не смотреть в глаза своему отражению. Потом забралась в постель с томиком «Слепого убийцы», потому что, если у вас под рукой нет книги, которую вы хотите, всегда можно взамен захотеть книгу, которая у вас есть. Но на тексте сосредоточиться не удавалось, и в конце концов я сдалась и переключилась на перо, расческу и кость из кармана моего рабочего фартука. Некоторое время я просто подержала их на ладони, а потом убрала в бархатный мешочек, где раньше лежали фишки для «Эрудита», и положила все это в школьный рюкзачок.

Я лежала на спине и думала, что наверняка не смогу заснуть, но в какой-то момент обнаружила, что я спала – и только что проснулась от какого-то звука. Было темно. Еще не открыв глаза, я почувствовала присутствие мамы где-то рядом. Она беззвучно скользнула в постель рядом со мной, и я подвинулась, чтобы поделиться с ней одеялом. Я лежала тихонько, когда она поцеловала меня в щеку. Губы Эллы были сухими и пахли янтарем. Ее легкий серебряный вздох пощекотал мое ухо. Я молчала, пока могла сдерживаться, но наконец повернулась к ней лицом.

– Почему именно он?

Она сжалась, как будто готовилась принять удар. Я не била маму со своих десяти лет, но при виде этой готовности невольно зажала руки между коленями. Я ждала, что она уйдет от ответа, предложит поговорить потом, при свете, но она неожиданно ответила.

Она повернулась ко мне, глаза ее блестели знакомым блеском.

– Я думала, что влюблена в него, – прошептала она. – Клянусь, это правда.

– А сейчас?

Элла перекаtilась на спину, сцепила тонкие пальцы поверх одеяла.

– Сейчас здесь достаточно хорошо, чтобы остаться и отдохнуть. Разве нет? Иногда так важно просто отдохнуть.

Крик, поднимавшийся во мне – обо всем, что случилось, о мужчине в кафе, о его книге, пере, расческе и кости, – умер, как будто внутри повернули регулятор громкости. Потому что Элла это заслужила, верно? Заслужила покой и отдых в городе настолько большом и ярком, что его фонари разгоняли злую судьбу, как разгоняли темноту.

Все не сказанное царапало мое горло, но постепенно утихло. Я решила дать ей еще один день. Еще один день отдыха и тишины, прежде чем оповестить ее, что старое проклятье снова нашло нас в новой форме, которую я еще не до конца поняла.

Мы молча лежали в темноте и заснули одновременно.

4

На поверхность из глубины сна меня вытащило острое желание выпить кофе. Когда я открыла глаза, Эллы рядом уже не было.

Главная причина просыпаться раньше всех в доме Гарольда – это шанс попасть на кухню первой. Я все еще чувствовала себя здесь гостьей, так что предпочитала заниматься своими делами, когда никто не видел. Через несколько минут после того, как я налила себе кофе и добавила в чашку молоко и мед, в кухню вошел Гарольд – в костюме-тройке, застегнутом до последней пуговицы, как будто он компенсировал то, что вчера я видела его расхристанным. Он демонстративно взял молоко со стола и поставил его обратно в холодильник.

– Я еще не закончила, – возразила я, откинувшись на спинку стула и заливая пульсацию гнева глотком горячего кофе.

Отчим косо поглядел на меня.

– Кофе затормаживает рост, – сообщил он наконец. – Ты что, хочешь всю жизнь выглядеть как подросток?

Я со стуком поставила чашку, но Гарольд уже вышел из кухни. Я подавила желание швырнуть чашку ему в спину, вместо этого допила кофе одним обжигающим глотком. Мне нужно было подзаправиться. Во сне я видела того рыжеволосого человека – его лицо смотрело сквозь запотевшее стекло окна, его голос нашептывал сказку в трубку телефона-автомата. Сны мешались с тем, что случилось в «Соленой собаке», и все это переставало быть реальным. Все, кроме пера, расчески и кости, вполне материальных, лежавших на дне моего рюкзака.

Заслышав пронзительный голос Одри, предупреждавший меня о ее приближении, я схватила батончик мюсли из собственного тайника в буфете Гарольда и выскользнула из кухни. Свою дозу сестрицы я и так получу по дороге в школу – тем более что я не знала, с каким из вариантов Одри мне предстоит иметь дело сегодня. Может, она будет меня полностью игнорировать, может, будет не затыкаясь рассказывать о какой-нибудь своей подруге, нарушившей такой и сякой пункт неписаного кодекса девушек. А может, решит отыгаться на мне за вчерашнее – я ведь без ее согласия оборвала нашу ритуальную извращенную игру.

Я заранее ждала на подъездной дорожке – неистребимая привычка курильщика. Одри вышла из дома в 8:35, и мы вместе усадились в черный лимузин Гарольда.

– Папа сегодня взял выходной на работе, – сказала она своему телефону, прокручивая на нем сообщение длиной с библейскую главу. – И ты отлично знаешь, что это значит.

– Правда знаю?

– Это значит, – пояснила Одри, понизив голос до шепота, – что надвигается неизбежное. Р-А-З-В-О-Д.

Я откинула голову на кожаный подголовник сиденья, пахнувший недавно убитой дичью, и приготовилась ощутить торжество. Но никакого торжества не ощущалось. Наоборот, одолело извращенное желание поспорить.

– Но они только что поженились. Какое отношение к разводу имеет выходной? Они что, прямо сегодня будут разводиться?

Одри трагически вздохнула, как будто разговаривать со мной было непосильным бременем.

– Сегодня он позвонит брачному консультанту, причем обязательно женщине. Он всегда так делает, чтобы потом сказать себе самому, что пытался все спасти. Если история и правда повторяется, через шесть месяцев – начиная с сегодняшнего дня – он бросит твою мать ради консультантки. Впрочем, неважно, ради кого. Либо Элла первая взбрыкнет, либо он непременно свяжется с кем-нибудь еще, просто потому что он так устроен. Он предсказуем, как долбаный учебник. Так что не надо делать вид, что ты не понимаешь, о чем я.

Закончив эту речь и все еще тяжело дыша, она уставилась в свой телефон с таким видом, будто хотела его убить.

Я помолчала, потом протянула ей руку мизинцем вперед.

– Не бойся, Одри. Мы-то с тобой всегда останемся сестрами. Клянусь мизинцем.

Она фыркнула.

– О да, конечно, мы постоянно будем видеться. Я зайду в гости в твоё новое жилище и притащу оттуда клопов.

– По-твоему, в коробках от холодильников живут клопы?

– Остро.

Тут ее телефон подал сигнал, и она снова погрузилась в обмен сообщениями. А я – в легкую тошноту, сопровождавшую мысли о разводе.

Я знала, что брак Эллы обречен. Гарольд – последний мужчина на свете, с которым она могла бы прожить всю жизнь. Его литературные предпочтения, его инертность, его заикленность на внешней стороне вещей – все это было прямо противоположно самой сущности моей мамы.

Но в самом начале их отношений я порой приходила домой – и заставляла их в обнимку на диване, он без галстука, она – босиком... Когда он наклонялся поцеловать ее в лоб, ее лицо поворачивалось ему навстречу, как цветок подсолнуха. Такие сцены бросали меня одновременно в жар и в холод – это как потеть холодной зимой в слишком жаркой шубе. Сейчас воздух между ними звенел напряжением, но все равно порой в нем пробегали искры чего-то горячего и интимного. Хотя становилось ясно, что им не остаться парой надолго, все же в Гарольде было нечто, в чем Элла нуждалась. Не для меня нуждалась – для самой себя.

Я почувствовала укол вины и передернула плечами, чтобы от нее избавиться.

Телефон Одри снова загудел, и нечто, что она прочла на экране – полное, как я могла разглядеть, орфографических ошибок и картинок-эмодзи, – сделало ее голос еще более резким.

– Просто к твоему сведению: ни один брак моего отца не длился меньше года. Так что у твоей мамочки очевидный талант золотодобытчицы.

Я безучастно смотрела на нее, чувствуя, как вина уступает место гневу. Чистому белому гневу. Она уловила эту перемену, и руки ее еще более нервно забегали по экрану, набирая текст.

Я представила, что вот сейчас срежу ее несколькими словами – одним прицельным ударом в какое-нибудь слабое место. А их было немало – россыпь прыщей на подбородке, разливаемая даже под слоем макияжа; грубый комментарий ее отца насчет того, как на ней сидят новые джинсы; собственная мать Одри, с которой они не общались, что не мешало ей ежемесячно тянуть из Гарольда деньги. Точечный словесный удар – перед полным разгромом противника.

Но я не могла так поступить – на плечах ощущались теплые руки Эллы, а в ушах звучал ее голос: «*Вдыхай свет, Алиса. И выдыхай гнев*».

Как же я ненавидела всю эту хипповскую фигню!

– Просто к *твоему* сведению, – сказала я куда вежливее, чем мне хотелось, – Элла никогда до сих пор не встречалась с мужчиной, у которого было бы больше имущества, чем старый мотоцикл. Так что это ее первый выход в качестве золотодобытчицы.

Одри сделала снисходительное лицо, принимая мой слабый ответный выпад, и вернулась к своему телефону – теперь она использовала его как зеркальце, чтобы поправить макияж, включив фронтальную камеру.

Вот сценарий романа моей мамы и отца Одри в трех актах.

Акт первый: Гарольд замечает Эллу на коктейльной вечеринке. «Я думал, она – одна из гостей, – позже с удовольствием рассказывал он. – Мне в голову не могло прийти, что она из obsługi!» В исполнении Гарольда это должно было считаться за комплимент.

Только когда море людей между ними расступилось, он рассмотрел, что она одета в фартук официантки и держит на уровне талии поднос. Как-то она объясняла мне, что, если держать поднос выше, у мужчин появляется приличный повод заглядывать тебе в вырез блузки.

Гарольд съел с ее подноса кусочек спанакопиты и попросил Эллу записать на салфетке номер ее телефона. И она записала. Вот этой части истории я до сих пор не понимаю. Что ее привлекло в нем – джерсийский акцент? Темные волосы, видневшиеся в вырезе рубашки? По моей версии, это могли быть дорогие часы, блестящие на его толстом запястье – или, если попробовать судить менее цинично, его глаза. Они у Гарольда глубокого меланхолического голубого цвета, с многообещающим блеском в глубине. Правда, я ни разу не видела, чтобы обещание было выполнено.

Акт второй: первое свидание. Гарольд пригласил Эллу выпить по коктейлю, она вышла из нашей квартиры в восемь – и застала у дверей ждущий ее черный лимузин. Вечерний коктейль плавно перешел в ужин в ресторане, а ужин – в телефонный звонок домой в два часа ночи. Пьяным голосом Элла сообщила мне, что вернется только утром. Такой Эллу я не помнила со своих девяти лет, когда среди тихой августовской ночи она босиком каталась на мотоцикле своего тогдашнего парня и заехала в пруд для домашних уток. Этот случай так ее перепугал – она позже рассказывала, что чуть не поседела от мысли о том, что было бы, если бы позади сидела я? И она дала клятву возвращаться домой до полуночи и хотя бы относительно трезвой.

Со свидания с Гарольдом она вернулась почти через сутки после выхода из дома, без туфель (всегда опасный признак) и в накинутом на плечи мужском пиджаке поверх платья. Я понюхала этот пиджак, когда она не видела. Его запах напомнил мне нетрезвых банковских клерков, которые в час пик в метро старались прижаться ко мне поплотнее. Я встряхнула головой, чтоб избавиться от этого запаха. Бедный Гарольд. Элла явно собралась съесть тебя живьем.

Акт третий: ураган ухаживаний. Гурманские рестораны с пятнадцатью переменами блюд, уик-энды в Хэмптонсе, неловкий ужин в компании меня и Одри. И, конечно же, решающее свидание – поход в оперный театр, который начался в буквальном смысле с вешалки: Гарольд прислал моей матери платье.

– Такая дешевка, меня чуть не стошнило, – сообщила я Элле.

– Мы можем его сдать в ломбард, если свидание не удастся, – парировала она, разглаживая платье на бедрах. Когда она рассматривала себя в зеркало, глаза ее странно блестели. Я вспомнила об этом, когда по ее возвращении увидела такой же блеск на ее правой руке – кольцо с огромным, как на приеме в «Ритце», камнем.

Мои воспоминания об этой ночи по большей части обрывочны – сплошные экранные помехи. Блеск камня попал мне в глаз, как осколок зеркала тролля, и меня накрыло гневом. Помню перекошенное лицо Эллы, когда она захлопнула дверь ванной у меня перед носом, помню, как брызнули щепки дешевой древесины, когда я ударом ноги выбила эту дверь. Помню вкус виски с медом – с утра мама лечила им мое горло, саднившее от вчерашних воплей, и горячечную пелену тоски перед глазами, когда я увидела наутро, что она и не подумала снять кольцо.

Женщина, которая спустя шесть недель вышла замуж за Гарольда, не была моей матерью. А вот женщина, которая сейчас делала его несчастным, куда больше походила на знакомую мне Эллу, выходящую из долгой спячки.

Водитель Гарольда затормозил у входа в Уайтчепел, и мой желудок подпрыгнул, как на американских горках. Одри убрала телефон в сумку и выскочила из машины так стремительно, что к тому времени, как я коснулась ногой асфальта, она уже растворилась в толпе богатеньких подруг.

Всю свою школьную жизнь я провела в качестве новенькой – и это всегда было отвратительно. И неважно, идешь ты в начальную школу в каком-нибудь захолустье или в предпоследний перед выпуском класс в Уайтчепеле – элитной академии в Верхнем Ист-Сайде, которую тебе оплачивает Гарольд. Везде одно и то же: замкнутые группки, оценивающие взгляды, ни единой души, способной вести себя независимо.

Мою обычную понедельничную апатию усугублял глубинный страх. Я везде высматривала рыжеволосого мужчину. Он проломил ограду, отделявшую меня от самого странного, похожего на сон дня из моего детства, и снова приблизил его. Единжды обнаружив свое присутствие, он мог оказаться где угодно, кем угодно: парнем, который вроде бы говорит по телефону на углу Восемьдесят Шестой улицы... Утренним бегуном со стаканчиком из «Старбакса» в руке... Может, я войду в свой класс и встречу его там в облике замещающего учителя, с зеленой книгой в руках. Я нервно разгладила форменную юбку и перевела дыхание.

Расписание на первую половину дня включало литературное мастерство, средневековую литературу, матанализ – а потом обед. После обеда меня ждало сценическое мастерство в компании Одри и ее компашки Будущих Жен Миллионеров. Это был единственный урок, который она никогда не прогуливала – скорее всего, по той причине, что вел его бывший телеактер с пышной шевелюрой, который требовал у учеников называть его просто Тоби.

Но сегодня, вопреки обыкновению, Одри где-то застряла. Ее отсутствие означало, в частности, что в классе осталось четное количество учеников, чтобы разбить их по парам для чтения диалогов в конце урока.

И когда Тоби начал размахивать своими вельветовыми руками, спонтанно назначая каждому партнера, сбылось мое дурное предчувствие: я попала в пару с Эллери Финчем.

5

Вообще-то бедные в Уайтчепеле не учились, но богатство семьи Финча – это был совсем другой уровень. Еще в те времена, когда Одри надеялась меня впечатлить, она устроила мне Гугл-ликбез о лучших людях школы (читай: самых богатых). Она показала мне фотографию Финча на каком-то мероприятии. На снимке он был на пару лет младше и выглядел эксцентричным ботаником, зажатым между роскошной блондинкой и красивой темнокожей женщиной с ожерельем, которое понравилось бы Элле: что-то вроде падающих звезд, нанизанных на цепь.

Финч был худой и невысокий – чуть выше меня, но весь его облик так и кипел энергией, которая окружала его, словно аура. Волосы его, казалось, растут сразу во всех направлениях, быстрые глаза были кофейного цвета – чуть светлее, чем его кожа. Одевался он примерно как Боб Дилан на старых фотках: тяжелые рабочие ботинки и штаны с высокой талией. Представления не имею, как он добивался, чтобы форменные школьные штаны сидели на нем так высоко.

Все это не имело для меня абсолютно никакого значения – все, кроме одного: Финч знал, кто я такая. Большинство этого не знало, а если бы и знало – вряд ли кто озаботился бы. Подумаешь, внучка какой-то давно забытой литературной знаменитости, почти никому не интересной в современном мире – особенно в школе, где в благотворительных целях порой объявлялись мероприятия вроде уроков игры на гитаре, даваемых звездным родителем кого-нибудь из учеников. Только своим обычным невезением я могу объяснить тот факт, что в Уайтчепеле обнаружился целый один представитель вымирающего вида фанатов Алтеи Прозерпины, и именно он умудрился выяснить, кем я ей прихожусь. Финч подкараулил меня у шкафчика в раздевалке еще в мою первую неделю в новой школе.

– Привет, ты ведь Алиса Прозерпина?

– Кто тебе это сказал?

Финч просиял. Я уже видела его на уроках, он даже показался мне симпатичным парнем, – но в тот момент мне ужасно хотелось стереть эту ухмылку с его лица.

– Одри. Не то чтобы она мне именно сказала... – он сделал боб-диланский жест рукой – достаточно красноречивый, чтобы объяснить без слов, почему Одри скорее пойдет закупаться одеждой в секонд-хенде, чем снизойдет до разговора с ним.

– Я – Алиса Кру, – тихо поправила я, глядя ему через плечо. Мама давным-давно решила отказаться от претенциозной бабушкиной фамилии ее собственного изобретения и щедро предложила мне выбрать себе любую фамилию по вкусу. Я выбрала эту в восемь лет, после того как прочла «Маленькую принцессу»⁵.

Парень согласно кивнул.

– Понял. Прозерпина – это немного слишком. В смысле, уж я-то знаю. Технически, я сам – Эллери Оливер Джан-Нельсон-Абрамс-Финч. – Он заметил выражение ужаса на моем лице и усмехнулся. – Да, честно. Часто интересуются, что выходит, если женятся двое людей, у каждого из которых составная фамилия с дефисами. Вот это самое и выходит. Я решил остановиться на Финче.

Проходящие мимо нас ребята кивали Финчу, а меня мерили специальными взглядами «для новеньких». Я должна была давно к этому привыкнуть, но никак не могла.

– Очень увлекательно, Финч, – сказала я более ядовито, чем собиралась. Он сморгнул, но не отступил.

– Книга твоей бабушки – это нечто особенное, – сообщил он, понизив голос. Я отлично знала этот тон: благоговейное бормотание религиозного фанатика. Он всегда вызывал у меня острый дискомфорт – и еще что-то вроде ревности, в исследование которой я не хотела углубляться.

– Я ее никогда не видела, – отрезала я, шумно захлопнув шкафчик. – Ты наверняка знаешь о ней больше моего.

Я даже не была уверена, что это ложь. Загвоздка была в том, что наверняка мы знали об Алтее одно и то же и из одинаковых источников – из вторых рук. С тем исключением, что Финчу посчастливилось прочесть книгу. Прежде, чем он успел сказать что-нибудь еще, я протолкалась сквозь толпу в раздевалке и ретировалась по коридору.

Судя по всему, наш первый разговор должен был бы стать и последним, но Финч обладал талантом всюду попадаться мне на пути.

Сперва я наткнулась на него в парке – он совершал пробежку. Сначала я подумала, что он убегает от хулиганов, но разглядела на его ногах противоестественно белые кроссовки и догадалась, что красивая вельветовая курточка и джинсы – это его тренировочная одежда.

– Алиса! – окликнул он меня на бегу счастливым голосом; волосы летели за ним по воздуху, лишь слегка придерживаемые наушниками.

Неделю спустя я наткнулась на него в книжном на Пятьдесят седьмой улице. Получилось, как в плохом кино: я вытащила с полки толстенный потрепанный том Йейтса – и в отверстии между книгами обнаружился Финч, вернее, кусочек Финча в окошке с Йейтса шириной. Он задумчиво грыз ноготь и читал Пэтти Смит.

В третий раз я встретила его под маркизой дорогого ресторана в квартале от дома Гарольда. Высокие окна были распахнуты, но все равно большинство посетителей сидело за мраморными столиками, вынесенными наружу. Финч делил столик с мужчиной, в котором я по фото в Интернете опознала его отца, и костлявой стриженной блондинкой, ковырявшейся ножом в мисочке с крем-брюле. Финч поймал мой взгляд раньше, чем я успела отвернуться, и вскочил, как на пружинках. Не прошло и пары секунд, а он уже вылетел из-за стола и зашагал рядом со мной.

⁵ «Маленькая принцесса» – классический детский роман Ф. Э. Бернетт. Главную героиню зовут Сара Кру.

– Ты меня просто спасла, – сообщил он. – Я там уже отключаться начал. Думал, моя жизнь прошла в созерцании, как моя мачеха четверть часа заталкивает в себя кусочек десерта, а все воспоминания о прошлом – просто программа Матрицы. Привет, Алиса!

– Привет, – нервно отозвалась я. Я как раз шла с работы, так что моя блузка была вся в крошках печенья, а волосы от пота торчали, как иглы.

– Ты пахнешь кофейными зернами, – сказал парень, когда мы дошли до угла. – Прекрасный запах! – Он с тоской оглянулся на ресторан, лицо его было таким страдальческим, что я чуть не рассмеялась. – Ладно, боюсь, мне придется вернуться туда.

– Наблюдать за мучительными пытками десерта.

Его улыбка на долю секунды коснулась глаз, как солнечный блик на темной воде. Потом он развернулся и пошел обратно.

После той встречи он взял за обыкновение по утрам поджидать меня у шкафчика в раздевалке, прислонясь к нему в характерной позе, напоминающей фильмы восьмидесятых.

– Привет, Кру, – обычно говорил он, пока я жонглировала учебниками, выбирая нужные на сегодня, и в конце непременно подхватывал книжку-другую, чтобы помочь мне донести их до класса. У дверей класса он возвращал учебник с таким видом, будто это была понятная только нам двоим шутка. Внимание Финча служило мне щитом. Теперь в школе я была не только странненькой приемной сестрой Одри, но и приходилась кем-то Финчу... Только вот кем? Объектом благотворительности?

Подругой?

Не совсем то слово – но довольно близко к действительности. Я почти ни с кем не общалась. Не потому, что другие не пытались идти на контакт – в любой школе найдется доброхот, готовый удочерить новенькую. К тому же я выгляжу безобидно – миниатюрная блондинка с темными глазами, с мягким и удивленным взглядом, который меняется только когда я злюсь.

«Какая же ты милая, просто сладкая кисонька, – как-то раз сказал мне один учитель – тихонько, чтобы никто не расслышал. Это было в Нэшвилле, в мою первую неделю в девятом классе. Слова учителя и то, как он на меня при этом смотрел, проникли мне под кожу, как яд. Я нашла способ излить этот яд наружу – выплеснула термос горячего кофе на клавиатуру его ноутбука. Меня не поймали. Однако с тех пор я страстно возненавидела несоответствие моего отражения в зеркале тому, как я себя на самом деле ощущала.

Но с Эллери Финчем все было иначе. Я выросла в атмосфере, пропитанной волшебными сказками и злой судьбой, работавшей точно, как механизм, так что не особо верила в совпадения. С Финчем нас действительно *что-то* связывало. Я никогда не могла определить, что именно, однако это нечто заключалось в самом его существовании. Может, это была наша связь через Алтею, может, то, как постоянно пересекались наши пути – словно у конькобежцев, выписывающих восьмерку. А может, мне просто хотелось снова и снова видеть игру света в его глазах, от которой по моей коже пробегала волна жара.

Странно, что место Одри пустовало – она никогда не пропускала сценическое мастерство, – однако я приняла ее загадочное отсутствие как дар небес. Она слишком любила находить в людях слабые места и тыкать в них пальчиком. За нами с Финчем, например, она с удовольствием наблюдала с таким выражением, будто смотрела сериал.

Мое предчувствие оправдалось – Тоби определил нас в пару, при этом подмигнув со значением. Это меня страшно смутило, я так и вспыхнула от стыда – не только за себя, но и за него. Учителя, которые любят сватать учеников друг другу, – зрелище столь же жалкое, как и те, что позволяют бегать за собой девочкам-подросткам с крашеными губами.

Я притворилась, что ищу что-то на дне рюкзака, ожидая, когда краска отхлынет от щек. Наконец я пересела к Финчу, который уже открыл для нас книгу – «Стеклянный зверинец» Теннесси Уильямса.

– Привет, Кру.

– Привет, Финч, – отозвалась я.

– Будешь читать за Лору – или давай я?

Я терпеть не могла Лору – она слишком походила на персонажа сказки. Не такой, как писала моя бабушка – насколько я знала, ее женские персонажи пили кровь или устраивали еще что покруче. Нет, Лора принадлежала к худшему виду красоток из сказок братьев Гримм: нежная, тихая, ожидающая, когда наконец прискачет на коне кавалер и спасет ее. И внешность у нее наверняка была вроде моей.

– Бери Лору ты, – быстро сказала я.

Следующую четверть часа мы читали диалоги. Финчу это удавалось на редкость хорошо. Большинство учеников не старалось, а те, кто старался, переигрывали и говорили ненатуральными сценическими голосами – виной тому был школьный миф, что Тоби на самом деле тайно ищет среди нас актерские таланты. Надо было видеть, как, например, та же Одри натужно кривляется в роли Кошки Мэгги⁶.

Когда прозвенел звонок, Финч подчеркнуто протянул мне руку на прощание – как будто пародируя собственный жест. Это была черта его характера – постоянная нотка самоиронии. Как будто он приглашал других посмеяться над ним раньше, чем это произойдет без его участия. Постоянная роль новенькой располагает к углубленному изучению антропологии на примере американских школьников, и парни такого типа мне уже попадались в прошлом. Собственно, мне попадались парни любого типа.

Я чуть помедлила, но ответила на его пожатие.

– Надо бы нам как-нибудь встретиться не случайно, а намеренно, – предложил Финч, слегка задержав мою руку в своей. – И где-нибудь вне школы. Как тебе такая идея?

Я отняла руку, лихорадочно перебирая в уме причины ответить отказом. Я постоянно нужна Элле... Мы все равно скоро уезжаем... Нас преследует злая судьба... Может, Элла и думала, что это все – лишь сон, но после прошлой ночи я не собиралась на это покупаться.

Финч явно нервничал. Голос его слегка дрожал, так что последнее слово растянулось, будто он заикался. Его приятели наблюдали за нами от дверей – длинный тощий парень, чьего имени я не помнила, потому что оно было одним из немногих нормальных в этой школе – Майк? Марк? – и Астрид, девчонка с косой, которая почему-то смотрела на меня глубоко уязвленным взглядом.

– Ладно, – сказала я. – Давай.

Он улыбнулся и отступил на несколько шагов, засунув руки в карманы. Мимо проскочила, слегка толкнув меня, одна из подружек Одри – со специальным смешком, намекающим, что она слышала наш разговор. Финч нервно обернулся, я проигнорировала ее и кивнула ему на дверь, стараясь поскорее собрать вещи в рюкзачок – от смущения руки плохо меня слушались.

Неужели это все? Посетившая меня мысль была похожа на строчку песни. Загадочное нечто между нами, которое росло, как живое, и притом не пугало, мерцая где-то на задворках разума, как радостная тайна... Неужели это всего-навсего такая глупость, как школьный романчик? Мы усядемся рядом за столиком в кофейне, и Финч попытается взять меня за руку?

Я быстро прокрутила в уме историю нашего общения – вот я ему грублю, вот он пытается быть смешным, вот мы молча идем рядом по коридору – и мысль о том, что ему этого мало, что ему нужно от меня что-то еще, пробежала по моей коже, как чьи-то потные пальцы.

Я вспомнила слухи о Финче, которые дошли до меня вскоре после нашего первого разговора, – такие истории всегда лезут из щелей в маленьких школьных сообществах вроде Уайт-чепела. Из-за этих слухов я прекратила отшивать Финча – потом появились и другие причины, но эта была первая. Кое-что о новой жизни отца Финча с новой женой. Кое-что о его матери,

⁶ «Кошка» Мэгги Поллит – главная героиня пьесы Т. Уильямса «Кошка на раскаленной крыше».

о таблетках, о ванной, запертой изнутри... Мама Финча была в своем роде знаменитостью в узком кругу, так что подробности ее смерти обсуждались в новостях.

Все это заставило меня подмечать некоторые мелочи – то, как внезапно погасали глаза Финча, когда он не шутил и не смеялся. И то, что он шутил и смеялся больше всех, кого я знала. Может быть, между нами и впрямь наблюдалось некоторое сходство. Мы оба вели себя на людях наилучшим для выживания образом, а истинную сердцевину держали в тайне даже от себя самих.

6

После занятий я долго топталась у школьных ворот в ожидании Одри. Но ни она, ни лимузин Гарольда что-то не появлялись. Я проверила время на телефоне, набрала половину сообщения и удалила его. С каждой минутой росла вероятность того, что сейчас из школы выйдет Финч и заметит меня. Когда желание избежать этой встречи стало нестерпимым, я пошла пешком.

Звук мотора я услышала раньше, чем увидела сам автомобиль – старую развалюху-такси желтого цвета, медленно тащившееся рядом с мной по дороге. Слишком большие автомобильные крылья придавали этой колымаге такой вид, будто она сбежала из старого фильма. С зеркала заднего вида свешивалось украшение – плюшевая игральная кость.

Сердце мое подпрыгнуло – но волосы водителя были черными, не рыжими. Он показался мне не сильно старше меня самой, когда опустил переднее стекло и высунулся наружу.

– Вас подвезти? – парень выглядел из-под козырька странной кепки, которую иначе как таксистской назвать язык не поворачивался.

Обычный нью-йоркский таксист так никогда не спросит. Он голосом робота пробубнит: «Куда едете?» – а если ответ ему не понравится, то он помотает головой и потеряет к вам интерес.

– Нет, спасибо, – ответила я. – Мне не нужно.

– Уверены? – карие глаза водителя были хитрыми. – Мне кажется, за вами сегодня не приедут.

Что-то в его интонации задело кнопку тревоги в самой потаенной части моего сознания. Той части, которая на темной улице внезапно приказывает перейти на другую сторону или немедленно сменить вагон метро, когда входит кто-то подозрительный.

– Я и не ждала, что за мной приедут, – соврала я.

– Тогда почему бы самой не взять такси?

Я взглянула прямо на него – в его узкое, смуглое лицо, в насмешливые глаза, – и пошатнулась от внезапного головокружения. Я никогда не встречала этого парня – но *знала* его. Просто не могла вспомнить, откуда и каким образом мы познакомились. Манера речи тоже чем-то его выдавала – он говорил со мной как со знакомой, как будто этот диалог мы вели не в первый раз.

Я отступила на шаг. И еще на шаг, и еще, – а потом просто развернулась и побежала по улице. Рюкзачок болтался у меня в руке и колотил по лодыжкам. Какая-то ярко накрашенная старуха в мехах попробовала нахмуриться, когда я ее толкнула, но ботокс не дал ее коже собраться в морщины. Я втиснулась в толпу туристов, дружно фотографировавших огромный капкейк, словно специально похожий на Печенькового Монстра, вписалась плечом в угол, но умудрилась сохранить равновесие и продолжить бег. Двухэтажный автобус вывернул из-за угла и промчался так близко от меня, что поднятый им ветер откинул назад мои волосы. Желудок у меня внутри подпрыгнул, мальчишка в автобусе успел показать мне средний палец. Я почувствовала себя так, словно надралась вусмерть.

Еще квартал я прошла на ватных ногах. Похожим образом я чувствовала себя много лет назад, когда пронесившийся мимо фургон задел мой велосипед, так что я вылетела из седла и приземлилась на тротуаре, среди припаркованных машин. Элла тогда выронила сигарету, мигом подхватила упавший велосипед и погналась на нем следом за фургоном, во все горло выкрикивая угрозы. Я поднялась на ноги, колено и локоть были разбиты в кровь, и с удовольствием следила за погоней – Элла знала, что я предпочту месть утешению.

Дыхание мое восстановилось, но во рту страшно пересохло. Я остановилась купить бутылку воды у киоска и бегло просмотрела первые страницы свежих газет, пока продавец отсчитывал сдачу. *«Сенатор замешан в крупном финансовом скандале на фоне кампании...», «В серии убийств на севере штата отмечена закономерность...»*

– Купи и читай сколько влезет, – продавец хлопнул загорелой ладонью по странице, на которую я смотрела.

Я картинно закатила глаза, взяла свою воду и решила срезать дорогу через парк. Мне отчаянно хотелось домой, к Элле, причем сию минуту. Таксист, автобус, рыжеволосый мужчина – я должна немедленно обо всем ей рассказать. На самом деле следовало поговорить с ней еще вчера ночью, не теряя времени. Нетерпение подгоняло меня, так что последний квартал я пробежала; от тревожных новостей меня просто распирало изнутри.

Дверь в подъезд Гарольдова дома оказалась приоткрыта, и за столом не было видно консьержа. Я чуть замедлила шаг при виде этого, как ни глупо – ведь подъезд изнутри и снаружи просматривался тысяча и одной скрытой камерой, а для того, чтобы подняться на лифте – частном, поднимавшем непосредственно в квартиру Гарольда, – нужно было воспользоваться ключом, который вставлялся в отверстие внизу панели.

Я была на взводе, кожей чувствуя нервное возбуждение. И еще кое-что – ни на что не похожее присутствие злой судьбы, беды на подходе: ощущение, знакомое мне не хуже, чем запах маминых духов. Как будто кто-то проводит ладонью вдоль твоей руки, не касаясь ее, но все волоски на коже встают дыбом. Как будтоходишь в комнату, еще полную присутствием того, кто только что из нее вышел.

Может быть, Элла в этот момент уже пакует наши вещи. Я представила ее огромный чемодан в пятнах краски, распахнутый поперек Гарольдовой огромной кровати. Может, еще до вечера мы навсегда оставим Нью-Йорк, и все это – Одри, Гарольд, Финч, «Соленая собака», кофе и бискотти, жизнь в просторной квартире, где пахнет, как в супермаркете – растает и выцветет, как краски на палитре. В памяти останутся мелочи – особое «утреннее чувство», когда в шесть утра открываешь кафе, бруклинский ужин – китайская еда с доставкой на дом прямо в постели, чтение «Тэм Лина» на скамейке в Проспект-парке... Остальное развеется на автостраде.

Двери лифта разъехались в стороны, и я вышла в прихожую.

Первое, что меня поразило, – это запах. Влажный и какой-то гниlostный, напоминающий о диких зверях, о бурной растительности. Запах мгновенно проник мне под кожу и заставил сердце колотиться как бешеное.

– Эгей?

Квартира казалась угнетающе пустой; тяжелая тишина давила на барабанные перепонки. Она поглотила мой голос, как темная вода. Я сделала несколько шагов вперед по вестибюлю – стены мягкого кремового цвета, мраморный пол без единого пятнышка.

И этот запах. Откуда он вообще? Я вытащила телефон и позвонила маме – телефон сразу перешел к голосовой почте. Позвонила Гарольду – то же самое. Помедлив минутку и борясь с дурным предчувствием, я набрала Одри.

Конфетно-сладкая попса из глубины квартиры разорвала тишину. Телефон Одри! Я никогда не видела, чтобы эта девчонка хоть где-нибудь появилась без него. Впрочем, я сегодня ее вообще не видела, кроме как утром, по дороге в школу. Мой мозг лихорадочно перебирал версии, одна ужаснее другой. Одри мертва? Откуда этот ужасный запах? Злая судьба выследила нас и на тридцать пятом этаже высотки? Старый ужас растекался по моему телу изнутри.

Я беззвучно двинулась дальше, как будто, если двигаться тише, это могло защитить меня от ожидавшего внутри. В комнатах висело зловещее ощущение чьего-то недавнего присутствия, знакомое мне по тому случаю, когда в нашей съемной квартире побывал взломщик. Он тогда зачем-то снял все книги с полок и на их местах разложил еду из холодильника. Постели были засыпаны сухой листвой, зеркала разбиты... Ничего ценного не пропало, зато взломщик зачем-то прибил над нашей с Эллой кроватью меховую шубку, распылив ее, как шкуру убитого животного, и воткнул посередине разделочный нож.

Наша квартирная хозяйка тогда не затыкаясь повторяла, какая удача, что ничего не пропало, но ее фальшиво-бодрому голосу невозможно было верить. Самое неприятное было, что я с тех пор уже не могла перестать воспринимать наш дом глазами того, кого там быть не должно. Я постоянно представляла, каково это – вторгаться в чужое пространство и позволять себе там любые странные действия, какие можешь придумать. Это ощущение будило во мне голод. И очень ослабляло мой самоконтроль.

Но здесь все вроде бы лежало по местам. Никаких мокрых кусков мяса на книжных полках, никаких шубок, распыленных на стенах.

Только одно: на кухонной стойке для готовки – опрокинутый винный бокал. Я подошла достаточно близко, чтобы различить мазок помады Эллы на его крае. На одну ужасную, странно растянувшуюся секунду воображение нарисовало мне ее тело здесь же, на кухонном полу – но нет, был только бокал и натекшая лужица вина. Кухня была белоснежным сердцем невротически чистого дома Гарольда, так что разлитое вино выглядело в нем, как кровавая бойня.

Я бросилась в спальню мамы и Гарольда в ужасе от того, что вот сейчас я войду – и увижу хрупкую фигурку Эллы на этой ужасной антикварной кровати...

Это видение так ясно представлялось мне, что, когда я рывком распахнула дверь, мне потребовалась пара мгновений, чтобы осознать, что комната пуста. На прикроватном столике Гарольда высились аккуратные стопки «Экономиста» и электронная книга *Kindle*, битком набитая космической фантастикой, как мне было известно из-за привычки совать нос в чужие гаджеты. На стороне кровати, принадлежавшей Элле, лежали слаксы и кардиган, явно приготовленные в качестве утренней домашней одежды. Я наклонилась и заглянула под кровать, приподняв кружева покрывала. Пусто.

Комната Одри выглядела как место генерального сражения компаний *Sephora* и *Barney's*, но это было в норме вещей. Под туалетным столиком не прятался никакой маньяк, вонь исходила явно не от остатков недопитого сока *BluePrint* в бутылочке. Розовый, как клубничная жвачка, телефон валялся на кровати, на экране мигали непрочитанные сообщения и пропущенные звонки. *Сучка, ты где?*

Свою комнату я оставила напоследок. Здесь запах был сильнее всего – бешеное сочетание дикого леса и гнили, отупляющее, будто кто-то обхватил мой мозг грязными руками. Я осторожно опустилась на пол, готовая в любой момент сигануть в ближайшее окно, если кто-нибудь обнаружится под кроватью. Но там был только квадрат вычищенного ковра. Дверь

шкафа была распахнута, и в нем, слава Богу, не было ничего более страшного, чем мимозное платье подружки невесты, которое я надевала на свадьбу Эллы и Гарольда.

И наконец я заметила это. Письмо у меня на подушке. Я подобралась к нему маленькими шажками и наклонилась. На конверте от руки был написан адресат – *Алиса Прозерпина*. И никакого обратного адреса.

Кажется, все внутри у меня лопнуло осколками и завертелось, как в калейдоскопе. Как сквозь пелену я увидела собственную руку, берущую письмо, подносящую его к лицу. Дешевые чернила, старая бумага. Лицо мое горело, а руки покрылись гусиной кожей. Я разорвала конверт.

Внутри лежал лист бумаги, мягкий от постоянного использования, сложенный пополам. Меня накрыло острым дежавю.

Да, это была титульная страница из книги, которую я уже видела много лет назад. «Трижды-Алиса», гласила надпись курсивом. Заголовок был украшен фрактальным орнаментом, напоминавшим кристаллы льда. Один край страницы был неровным – там, где ее поспешно вырвали из книги.

7

Я так сильно вцепилась в страницу, что порвала ее. Наконец я осторожно присела на край кровати.

«Трижды-Алиса», сказка, которую я так и не дочитала. Все это выглядело как детская игра – девчонки играют в такое по ночам в детских лагерях, шепчут загадочные слова в зеркало, когда свет погашен. Давным-давно, когда я держала в руках книгу моей бабушки в первый и последний раз, я понадеялась, что меня назвали Алисой в честь ее персонажа, что она имела отношение ко мне. Теперь я молилась, чтобы это оказалось не так.

Губы мои были сухими, как земля. Наверное, здесь побывал рыжий мужчина. Это все его рук дело. У него ведь есть экземпляр книги. И он явился Бог весть откуда, чтобы меня отыскать.

Нужно было срочно выбираться из квартиры. Ее стены начинали на меня давить, смыкались вокруг, молчаливо наблюдая. Я затолкала книжную страницу в рюкзак и побежала к лифту.

В подъезде все еще не было консьержа, так что я не могла спросить, не видел ли он, как Элла уходит. Консьерж, впрочем, всякий раз смотрел на меня особым взглядом – как на доставщицу пиццы, которая однажды вечером привезла заказ и до сих пор не удосужилась убратся, так что, пожалуй, я в любом случае не стала бы его спрашивать.

Я мерила вестибюль шагами, то и дело поглядывая на улицу. Я трижды позвонила Элле – она не брала трубку. Я проклинала себя за то, что у меня нет никаких контактов ее знакомых – например, коллег с бывшей официантской работы, хотя в последнее время мама с ними никак не общалась. Я попробовала еще раз набрать Гарольда – тот же результат.

В раннем детстве меня постоянно мучил страх, что мама может уехать и не взять меня с собой. Когда однажды этот страх настолько усилился, что не давал мне уснуть, я вышла к машине и пристегнулась на пассажирском сиденье, чтобы мама меня точно не забыла, если ей придет в голову уехать ночью. Теперь меня охватило похожее желание – убедиться, что наша машина все еще стоит у Гарольда в подземном гараже.

Гарольд еще не сделал для Эллы копию ключа от гаражного лифта – должно быть, боялся, как я в детстве, что она внезапно уедет из города. Но запасной ключ точно был у консьержа, и я пошла обыскивать его стол.

Огромная связка ключей лежала рядом с недоеденной порцией суши из японской забе-галовки. Я быстро огляделась на случай, если он вдруг нарисуетя у меня за спиной с палоч-ками для еды в руке, но вестибюль оставался пустым. Прижав связку ключей к груди, чтобы они не звенели, я прокралась к лифту, спускавшему в гараж.

Когда мы спускались на парковочный этаж впервые, я ожидала, что гараж Гарольда ока-жется беломраморным, с узорной плиткой на полу. Но он был таким же, как все на свете под-земные гаражи – бетонной коробкой, слегка пахнувшей автомобильными выхлопами. Нашу машину я разглядела еще из дверей лифта – она скромно притулилась между «мерседесом» и «БМВ». Какой-то придурочный ребенок богатеньких родителей пальцем вывел матерное слово на ее грязном заднем стекле.

Я долго смотрела на машину, словно пытаюсь себя убедить, что она и правда здесь. Доста-точно долго, чтобы тени в гараже стали казаться слишком длинными, а на языке появился привкус пыли и железа – привкус злой судьбы. Я отступила в глубь лифта и давила на кнопку «Вестибюль» до тех пор, пока двери не закрылись.

Когда я вернулась на улицу, было около пяти. Как и всяким погожим ранним вечером, Нью-Йорк разыгрывал свою любимую пьесу, выступая в роли самого себя. В такие вечера он заставляет вас забыть кучи мусора на улицах, или ужасные сэндвичи по двадцатке за штуку, или парня, который в час пик в поезде метро расстегнул перед вами ширинку... А всего-то линия горизонта подергивается золотом, в лицо ударяет запах жареных орешков, а рядом на тротуаре вырисовывается брат-близнец Леонардо ди Каприо, что-то бормочущий в свой мобильник. Дешевый трюк, но всегда срабатывает.

Однако сегодня он не сработал, потому что в моей крови кипел адреналин, а мозг все старался заглянуть за угол чужого нового мира, в котором я даже не представляла, как жить. Мира, в котором моя мама попросту *исчезла*. Я сходила с ума. Пропажу матери я обнаружила не более часа назад. Но этот конверт на подушке, казавшийся таким *неправильным*, и страх, угнездившийся у меня внутри, говорили, что я имею право паниковать.

Титульная страница. Что это – предупреждение? Приглашение? Ключ? Тот, кто оставил ее, заходил в мою комнату. Его рука зависла над моей подушкой, прежде чем опустить письмо.

Может, это насмешка? Он дразнит меня: *я тебя вижу, я неподалеку, запертые двери и ключи от лифта для меня не препятствие*. Но если это все-таки ключ к разгадке – и в сказке содержится нечто, намек или подсказка, – я должна ее прочитать. Где мне взять «Истории Сопредельных земель»? Я могла придумать только одно место.

Я пробежала восемь кварталов – хотелось слегка растратить тревожную энергию, элек-тризовавшую тело. Я знала, где живет Эллери Финч, потому что его отец, Джонатан Абрамс-Финч, был богаче Господа Бога и поэтому жил в доме, по сравнению с которым дом Гарольда казался лачугой. О доме Финчей дважды писали в «Нью-Йорк Таймс», в разделе про стиль жизни. Не то чтобы я увлекалась чтением о том, как живут богачи, – зато этой темой живо интересовалась Одри, которую каждое упоминание мистера Абрамс-Финча заставляло долго и громко рассуждать о том, что такое удивительное богатство достается совершенно не сексу-альным и скучным парням.

Консьерж в доме Финчей был похож на нашего, разве что старше. Завидев меня, он слегка скривил рот под роскошными седыми усами.

– Мне нужен Эллери Финч, – сообщила я.

Он сощурился.

– Кто-кто?

Я вздохнула.

– Эллери Джан-что-то-там-Абрамс-Финч.

Консьерж тоже вздохнул в ответ, как будто я прошла некий сложный тест, хотя он и был уверен в моем провале.

– Как вас представить?

– Алиса Кру. Нет, погодите – Алиса Прозерпина. Скажите, что его ждет Алиса Прозерпина.

Он поднял трубку антикварного телефона с диском и нажал на кнопку, а потом заговорил, зачем-то изображая – клянусь – британский акцент. Он извинялся в трубку за мое посещение и существование до тех пор, пока его собеседник не изъявил явного согласия спуститься ко мне, что заставило консьержа разочарованно задвигать усами.

Я не сводила глаз с лифта, украшенного в стиле ар-деко – такого красивого, что его хотелось разобрать на бижутерию. Урок сценического мастерства ощущался безумно далеким, но я все же вспомнила предложение Финча. И мой ответ. Накатила неловкость с любопытством вперемешку: как он может воспринять мое появление тут?

Я постаралась придать лицу бесстрастное выражение, но когда двери лифта разъехались, ничего не могла с собой поделать: мир подернулся слезами. Знакомое лицо Финча было как спасительный остров для тонущего пловца.

Глаза его расширились, он подался вперед, будто желая меня приобнять. Не давая ему на это времени, я с ледяной физиономией прошествовала мимо него в лифт.

– Э-гм, спасибо, что вышел. Я могу подняться наверх?

– Конечно, – ответил он. – Конечно, Алиса.

Я заметила, что ему нравится называть меня по имени. Или по фамилии, или использовать и то и другое. Наверное, в реальном мире это признак дружелюбия, но в сказках имена несут в себе опасность. Когда-то я размышляла, не потому ли Алтея сменила свое на нечто столь экстравагантное. Потемкинская деревня, роскошный фасад, за который никому не захочется заглядывать.

Я стряхнула с лица сказочную паутину. Это не какая-нибудь книжка, а реальная жизнь. Соберись, тряпка. Двери лифта сомкнулись, запечатав нас в небольшой роскошной комнатке. У стены – длинная кушетка в стиле Людовика XV, над головой – хрустальная люстра. Люстра. В лифте. Финч проследил мой взгляд и засмеялся раньше, чем это могла бы сделать я.

– Религиозные взгляды моей мачехи сводятся к тому, что не бывает слишком много шампанского, хитрых диет и уродских бриллиантов. Это вроде бы пословица, но я думаю, что она сама ее изобрела. – Финч снова занервничал, я заметила это даже сквозь собственный страх и жалость к себе, и почему-то от этого почувствовала себя немного спокойнее.

А также от того, что Финч не приставал ко мне с немедленными расспросами, зачем я засоряю своим присутствием его шикарный лифт. Нередко мне в жизни приходилось являться куда-то без приглашения – в компании мамы, с искусственной улыбкой, прилипшей к губам, с чемоданами, притулившимися у ног – и я научилась безошибочно различать, когда мне рады, а когда – нет. Эллери Финч точно не был мне не рад.

До сих пор я не видела апартаментов красивее, чем квартира Гарольда, но дом Финча – это был уже качественно другой уровень. Он как будто сошел со страниц добротного английского романа, где сплошь графские уголья, сезон охоты на фазанов и избирательное право. Так и ждешь, что откуда-нибудь из-за угла выйдет злобный мистер Дарси.

– Дома никого нет, кроме экономки, – сказал Финч. – Мачеха ушла на фитнес или не знаю куда, а отец вообще дома редко бывает. Быть императором потогонных фабрик даже хуже, чем надсмотрщиком на галерах.

Я не знала, что на это ответить, но Финч вроде бы и не ждал ответа. На меня он не смотрел. Я вслед за ним уставилась на ковер, уставленный предметами мебели, каждый из которых заставил бы Гарольда рыдать от зависти. Финч, должно быть, привык показывать дом

гостям, потому что сразу повел меня к смотровой площадке. Так странно было посмотреть из высокого стрельчатого окна – и увидеть внизу не туман над вересковыми болотами, а ранний вечер над Центральным парком. Этот вид заставил меня забыть грубость об отце, которую Финч только что сказал.

Он дал мне несколько минут насладиться зрелищем, потом улыбнулся – снова нервно, как с самого начала.

– Итак. Ты здесь.

– Я здесь.

– Ты хотела... увидеться со мной. Намеренно.

Боже мой. Он повторял слова, которыми в школе приглашал меня на свидание.

– Нет! Я не за этим, я просто...

– Я пошутил. Извини. Я знаю, что шучу ужасно глупо, просто не умею вовремя остановиться.

Он явно ждал, что я заговорю, что-то объясню, а мне хотелось одного – затормозить время. Я не убирала руку с телефона, звонок был поставлен на максимальную громкость, но оскверненная вторжением квартира Гарольда сейчас отошла куда-то очень далеко. До того, как Элла наконец отзвонится, мне было некуда идти. И чем скорее я получу от Финча то, что мне нужно, тем быстрее снова останусь одна.

– Можно мне попить чего-нибудь? – выпалила я.

В глазах его мелькнуло любопытство, прежде чем он вернул им свое обычное спокойно-доброжелательное выражение. То, которое он носил как щит.

– Конечно. А перекусить не хочешь?

– Хочу, – ответила я, слегка покривив душой. – Просто умираю от голода.

Финч повел меня в кухню. Экономка по имени Анна выглядела как девушка Бонда, вышедшая на пенсию... А голос у нее был как у злодейки из бондианы, на пенсию отнюдь не вышедшей. Лет ей было около шестидесяти, и она кудахтала вокруг Финча, как любящая тетюшка, пока пекла для нас бесконечное множество крохотных блинчиков с сахарной пудрой, к которым полагался красный ягодный джем. Мы почти не разговаривали за едой, но тишину естественно заполняли уютное шкворчание масла на сковороде и голос Анны, которым она приговаривала что-то незначущее, взбивая тесто. Когда мы наконец наелись досыта и перемазали руки в джеме, она подала нам изящные чаши для омовения рук, что казалось немного слишком для быстрого перекуса после школы. К 7 часам вечера и наши пальцы, и кухня снова были совершенно чистыми. После чего Анна поцеловала Финча в лоб, подхватила свою огромную сумку Мэри Поппинс и была такова.

Мы остались вдвоем в пустом доме, набитом дорогой техникой и роскошной мебелью.

– Итак, – начала я. – Ты, наверное, удивляешься, зачем я пришла.

– Что меня в самом деле удивляет, так это имя, которым ты назвалась консьержу. Прозерпина.

– Ну да, к слову. Я надеюсь, что ты мне кое с чем можешь помочь.

Мой голос дрогнул, и это не укрылось от внимания Финча, который сразу сосредоточился.

– Мне нужно прочесть книгу моей бабушки. Надеюсь, она у тебя есть.

Он заморгал, слегка обескураженный.

– погоди. Ты хочешь сказать, что никогда ее не читала?

– Угу. Я хотела. Но ее очень трудно найти.

– Неудивительно, что трудно. Мой экземпляр достался мне только благодаря... ну, благодаря возможностям моей семьи. Собственно, это единственный подарок, который я попросил у моего отца на Хануку. Думаю, он специально сгонял кого-то из стажеров за книгой в Грецию.

От облегчения у меня заслезились глаза.

– Значит, она у тебя есть?

– *Была*. Ее украли.

Блинчики с джемом мигом обратились в кислоту у меня в желудке.

– Как? Украли – у тебя из дома?

– Нет. Прямо у меня из *рук*. Я дружу с одним букинистом, владельцем магазина редких книг, так вот он никогда не держал в руках экземпляра «Сопределья». Я сам не идиот и знаю, сколько стоит эта книга, так что я поехал к нему на такси...

К тому же ты слишком богат, чтобы ездить на метро, подумала я – но не сказала.

– Книгу я привез запакованной в специальный пластиковый пакет, а в магазине даже не оставлял моего друга одного с ней в руках – он отличный старичок, я с ним подружился, когда охотился за первыми изданиями, – но все равно некоторые ценности не стоит никогда упускать из вида. Так что он натянул нитяные перчатки и перелистывал страницы осторожно, как в фильме про Индиану Джонса, когда из книги может появиться демон, в общем, впал в прострацию, как бывает с коллекционерами. И тут дверь магазина распахивается – и вбегает этот мальчишка. Мелкий, лет восемь-девять на вид. Я на всякий случай подхватываю книгу – даже не подумав всерьез, что мальчишка может ее украсть, да и вообще разобрать, что это такое. Но маленький говнюк подскочил, прыснул мне что-то в глаза – не газ, к счастью, а какой-то аэрозоль – и выхватил книгу. Я настолько этого не ожидал, что держал ее совсем не крепко. Потом я бросился за ним, но было уже поздно – его за дверью ждало такси, он прыгнул в машину и укатил.

Я таращила на Финча глаза.

– Что за бред.

– К сожалению, не бред, а правда.

– Но зачем ему понадобилась эта конкретная книга? Что вообще ребенок забыл в магазине редких книг?

– Думаю, кто-то ему заплатил за кражу. Какое-то время я даже подозревал, что это все спланировал мой друг-букинист, но мы все же друзья, и нельзя быть таким параноиком. Так что я решил, что третье лицо перехватывало наши с ним сообщения о книге. Может, кто-то, специально настроивший отслеживание любых электронных писем с упоминанием «Историй Сопредельных земель».

– А это, по-твоему, не паранойя?

– Тонко подмечено. В свою защиту скажу, что на самом деле я в это не очень верю. Просто эта книга... особая. На свете полно изданий, которые полностью распроданы, и все же их можно отыскать. «Истории Сопределья» должны встречаться в библиотеках, в читальных залах, на *eBay* – но их там нет. Либо кто-то задался целью собрать у себя весь тираж, либо... – он выразительно пожал плечами. – Либо еще что-то. Даже сканы страниц в сети отсутствуют.

Финч был прав. *Должно* существовать хоть что-то – какой-нибудь фанат мог отсканировать книгу, перепечатать отдельные сказки, рисовать к ним фан-арт... Но не было решительно ничего.

Нет – *почти* ничего. В четырнадцать лет я нашла в сети фрагмент книги – кусочек одной из сказок.

Мы тогда жили в Айова-Сити, и мое увлечение Алтеей было в те времена моим главным – да и единственным – секретом. Четыре года поисков книги по букинистам и сведений об авторе по сети, четыре года пренебрежения книгами, которыми пыталась заинтересовать меня Элла, ради одного вида литературы – волшебных сказок, которые я глотала не жуя. Сперва я ограничивалась классическим пантеоном, потом расширила границы. Чем дальше, тем страннее, тем темнее. Сказки со всего мира. Мне было интересно, как близко с их помощью я смогу подобраться к Алтее.

Но именно в Айове мой секрет довел меня до предательства: в Айове я начала общаться с фанатами Алтеи.

Слово *фанаты* Элла обычно выплевывала, как вишневую косточку. И это имело основание: те фанаты, которых я лично встречала – моя учительница английского в шестом классе, или совершенно чокнутая аспирантка, которая зажала нас в угол в супермаркете «Фейрвей» в наше первое пребывание в Нью-Йорке, или биограф Алтеи, который преследовал Эллу и пытался добраться до нее через меня – собственно, хуже он придумать просто не мог, – все эти люди казались карикатурными психами, их объединяло несвежее дыхание и отсутствие у них своей настоящей жизни.

В сети все выглядело по-другому. Здесь я встречала фанатов, похожих на меня саму: кому-то ужасно понравилась книга Алтеи, кого-то и при невозможности найти книгу зацепила сама личность писательницы. *Идея* Алтеи, тянувшаяся за ней, как хвост кометы, прежде чем исчезнуть во мраке. Я просыпалась – и сразу ныряла в свою интернетную кроличью нору. Голодная, неумытая, едва Элла уходила на работу в бар в пешеходной зоне, я начинала свои поиски в сети. Когда вечером она возвращалась, пропахшая дешевым пивом и жидкостью для розжига, я захлопывала ее ноутбук с деланно скучающим видом.

Она верила мне, потому что мы никогда не лгали друг другу. За исключением тех случаев, когда лгали.

Воспоминания об Айове у меня такие же тоскливые, как сам этот штат. Серая весна, унылые дома, сточные канавы с ярким девчачьим мусором – ленточками, заколками, однажды даже парой розовых трикотажных шорт. Из этой унылой череды выделялась только одна ночь – когда я с головой ушла в Интернет, перескакивая со страницы на страницу, из блога в блог, пока наконец не оказалась на сайте DeviantArt с разделом, полным отрывков из сказок Алтеи, оформленных изысканно, как страницы священной книги.

Я водила по пиксельным картинкам кончиками пальцев. Они были прекрасны – и к тому же содержали больше текста Алтеи, чем мне случалось видеть с того дня в чужой мансарде. Мое сердце отбивало неровные удары, когда я кликом увеличила длинную страницу сказки под названием «Морской погреб».

Я начала читать. Я была слегка нетрезва – приложилась к скверному яблочному вину, которое сделал тогдашний бойфренд Эллы, поставивший у себя на заднем дворе винный пресс. Пить в одиночку было грустно и неприлично, а сказка обеспечивала что-то вроде компании – как будто я в тысячный раз потянулась к далекой Алтее и наконец получила отклик.

История начиналась с того, что юная невеста отправляется в долгий путь к дому своего будущего мужа и по прибытии находит его ярко освещенным, но совершенно пустым. Я успела прочесть несколько абзацев – про невесту, про путешествие, про роскошный покинутый всеми дом, – когда вдруг на ноутбуке сам собой включился огонек камеры.

Замерев, я пару секунд смотрела в ее яблочно-зеленый глазок, прежде чем со стуком захлопнуть крышку ноутбука.

Дома было тихо; в ушах стоял тонкий тревожный звон. Я оглянулась на пустые окна, чувствуя на затылке чей-то взгляд. Страх приковал меня к месту.

Я чуть приподняла крышку ноутбука – достаточно для того, чтобы зажать пальцем глазок камеры – после чего открыла его целиком. Зеленый огонек погас, браузер был закрыт, а история моего поиска – полностью удалена. Я метнулась в кухню, нашла там черную изоленту и залепила ею камеру, потом задернула шторы, включила свет и забралась в кровать, ожидая возвращения Эллы.

К тому моменту я была достаточно взрослой, чтобы понимать, что Алтея не следит за мной. Однако как раз тогда я начала подозревать, что это делает кто-то другой.

Элла ничего не спросила у меня о залепленной изолянтной камере, но где-то неделю спустя я все равно себя выдала – уснула за ноутбуком, где была открыта фанатская дискуссия об использовании Алтеей нумерологии. Проснувшись я от шумного вдоха Эллы и от того, что ее черные волосы щекожут мне лицо. Она наклонилась, чтобы захлопнуть ноутбук ударом кулака.

– Какого. Гребаного. Черта. Алиса?!

Элла никогда так со мной не разговаривала. Таким тоном она могла обратиться к пьяному первокурснику, пытающемуся взять в ее баре виски, или к очередному кавалеру, вышедшему из себя оттого, что мы опять уезжаем. Или к квартирному хозяину, который завел привычку слишком часто к нам заглядывать, и всегда в те моменты, когда одна из нас была завернута в банное полотенце.

«Ты мне никогда этого не запрещала», – дурацкое оправдание, первым пришедшее мне на ум. Конечно, ей не было нужды запрещать. Я и без того знала, что это табу. Оно выражалось во всем, что она умалчивала, в том, как вздрагивали ее плечи и голова наклонялась вперед, словно у боксера перед боем, едва кто-нибудь пытался заговорить с ней об Алтее.

В тот момент я ненавидела свою мать, поэтому сказала кое-что гораздо хуже.

– Почему мы совсем одни? – этот вопрос прорастал во мне годами. Я не думала, что посмею когда-нибудь задать его вслух, пока не сделала это. – Почему мы одни, если мы не обязаны так жить?

Рот Эллы приоткрылся от изумления. Она медленно опустилась на стул, как будто у нее болели кости. Тогда – в первый и последний раз в нашей жизни – она поступила со мной жестоко.

– Думаешь, она хочет быть твоей бабушкой? – спросила она чужим голосом. – Думаешь, я не знаю, что ты смотришь на снимок ее большого дома в том журнальчике и мечтаешь: ах, только бы она позвала меня жить к себе. – Элла помотала головой. – У тебя нет шансов. Алтее ты не нужна. Так что хватит мучить себя пустыми мыслями о том, как все могло бы быть. В *этой* жизни существуем только ты, – она указала на меня пальцем, – и я, – она ткнула себя пальцем в грудь. – Понятно?

Я чувствовала себя так, будто она меня публично раздела. Даже подымавшаяся волна гнева покинула меня. Прошло несколько бесконечных секунд, прежде чем Элла потянулась и прижала меня к себе, уже начиная плакать, но я вывернулась из ее объятий и сбежала в уборную.

Я была маленькой демонстративной душой. Устроила себе в ванной постель из полотенец – только для того, чтобы нас с Эллой разделяла дверь. Но к утру я уже решила, что она права. Довольно держать дверь открытой для совершенно чужого человека.

– С этим покончено.

Это было единственное, что я наутро сказала Элле. Она не сказала в ответ ничего – ни «Дай мне слово», ни «Как я могу тебе верить», ничего подобного. Она просто поверила мне, и все. И я не солгала. Я завязала с Алтеей, как завязывают с наркотиками, и не давала ей места в своей жизни – до вчерашнего дня, когда мой прежний похититель объявился в кафе с ее книгой в руках.

– Алиса?

Я моргнула, глядя на Финча.

– Извини. Так что ты сказал?

– Я спросил, знаешь ли ты, что случилось с фильмом, который сняли по книге. По мотивам сказок.

– Только то, что было в «Ярмарке тщеславия». Таинственные исчезновения, вот это все.

– А что режиссер умер вскоре после окончания съемок, ты слышала?

– Финч, ты знаешь больше моего. Так что просто рассказывай.

Он явно смутился.

– Извини, что я выделываюсь. В общем, так. Режиссер умер, погиб в автокатастрофе, это было где-то в семидесятых. Его имущество продали с аукциона, в том числе – оригинальную пленку «Сопределья». Ее купила богатая коллекционер, которая ее крутила исключительно на частных показах. Потом и она умерла, а пленку завещала американскому Институту кинематографии, но ее так и не нашли.

– Что ты имеешь в виду?

– Что пленку не нашли. Потеряли, или уничтожили, или она попала в какую-нибудь еще частную коллекцию, в общем, никто не знает, где она. Так что «Сопределья» – один из немногих в прямом смысле слова потерянных фильмов того десятилетия.

– Вернемся к книге, – предложила я. – Ты снимал какие-нибудь копии? Фотокопии страниц, например?

– Я об этом думал. Конечно же, думал. Но мне казалось неправильным вот так ими делиться с другими. Как будто это вроде насилия.

– Насилия над кем? Над Алтеей?

– Над историями, – ответил Финч. – Это ведь вроде... вроде договора между людьми, которые их читали. Если тебе удалось добыть книгу, ты заслужил ее, а не удалось – значит, не заслужил.

Лицо его было таким серьезным и благородным, что мне хотелось отвесить ему пощечину.

– Ну и третий вариант – если тебе купил книгу богатый папенька и ты получил все на халяву.

Это его здорово рассердило – я заметила по тому, как напряглись его руки, сжавшие край столешницы. Но он заставил себя рассмеяться и спокойно продолжил:

– Знаешь, утрата этой книги – один из самых больших обломов в моей жизни. Утешает только то, что я успел прочитать ее примерно миллион раз.

– Значит, ты должен помнить все истории, по списку?

– Конечно. Сразу после кражи книги я пришел домой и записал в столбик их названия, чтобы ничего не забыть. Которая тебя интересует?

– «Трижды-Алиса», – автоматически сказала я. – Что это значит? О чем она?

– Да, это одна из самых страшных, – кивнул Финч и нахмурился. – Погоди, а твоя мама тебя случайно не в честь нее назвала?

Мои глаза метнулись к телефону, который беззвучно лежал на столе экраном вниз. Ни единого слова от нее... И ни от кого другого.

– Я так не думаю... Хотя теперь уже не уверена.

Финч внезапно снова смутился.

– Хочешь, я тебе кое-что покажу? Давно хотел с тобой этим поделиться, но передумал, когда...

– Когда я повела себя как задница при твоей попытке заговорить об Алтее?

Финч улыбнулся, но возражать не стал.

– Так ты хочешь теперь посмотреть? Это про нее.

– Да. Однозначно.

– Тогда пошли. Оно наверху, у меня в комнате.

Мы поднялись по винтовой лестнице на третий этаж, который целиком принадлежал Эллери. Ковер здесь был синий, как шкура Гровера из «Малет-шоу», и таким толстым, что ноги в нем утопали. Здесь пахло лучше, чем я могла ожидать от любой комнаты, занимаемой парнем. Честно говоря, это была и не комната, а целая отдельная квартира. Первое помещение было оборудовано под бильярд и домашний кинотеатр; стены здесь украшали подсвеченные

логотипы разных марок пива – ставлю миллион баксов, что эта идея принадлежала не самому Финчу, а какому-нибудь дизайнеру интерьера. Стиль для «юношей из высшей школы».

– Не обращай внимания на этот храм Святого Будвайзера, – попросил Финч, буквально протаскивая меня к дальней двери.

Вот за дверью, действительно, было настоящее жилище Эллери Финча. Студия с высоким потолком, мягким светом из скрытых источников и широким окном во всю стену. В середине высился письменный стол, здоровенный, как саркофаг, но куда более изящный; на столе – книги, ноутбук и лампа с зеленым абажуром – прямо как из штаб-квартиры тайной политической партии. В остальном просторное помещение было практически пусто, как монашеская келья, если не считать того, что три глухие стены были до потолка заставлены книгами.

– Тут не все мое, – пояснил Финч. – Раньше эта комната использовалась как видимость библиотеки, со всеми этими тяжеленными справочниками в кожаных переплетах, купленными на распродажах. Но я годами избавлялся от них, заменяя настоящими ценностями.

Мне захотелось вытолкать хозяина из комнаты и запереться здесь в одиночку на месяц-другой.

– Книги закупаются на складе? – я все же постаралась подать реплику. – Звучит жестоко.

– Так и есть. Это специальная услуга для богачей, которые хотят придать своему дому интеллектуальный вид, а читать не любят. Вот моему отцу тоже религия запрещает книжку открыть. – Он тронул пальцами губы. – Тут по большей части альманахи, старые реестры и тому подобное, но можно случайно наткнуться и на что-нибудь стоящее. Так вот о том, что я хотел тебе показать.

В дальнем конце комнаты была еще одна дверь, приоткрытая на пару дюймов. Наверняка она вела в спальню Финча, и я уже смирилась с тем, что туда заглянуть не удастся. *На что там смотреть?* – сказала я себе. – *Какой-нибудь винтажный постер группы «My Bloody Valentine» над небранной кроватью да старинная пишущая машинка «Underwood» для украшения. То еще зрелище.*

Финч осторожно вытянул из стеллажа книгу. При виде зеленой обложки сердце у меня подпрыгнуло. Но эта книга была больше форматом и затянута в прессованную кожу с декоративными трещинками. Финч аккуратно положил ее на стол.

На обложке блестел словами витиеватый шрифт: «Моя голливудская история».

– Посмотри на этого придурка, – Финч открыл титульную страницу, с которой на нас глянул черно-белый снимок парня вроде Валентино с высоко взбитыми набриолиненными волосами. На лице у него было больше макияжа, чем у Одри после вечеринки в стиле ретро.

– Венсан Каллэ, – представил его Финч. – Французский актер, снялся в паре американских фильмов в сороковых. Один раз сыграл злого бойфренда Мирны Лой, что довольно круто. Вот пишет он так ужасно, что даже смешно, но я в истории кино полный ноль, так что больше половины пролистывал. – Он раскрыл книгу на середине, где была вкладка с фотографиями. – Итак, старичок Венсан с Анитой Экберг на вечеринке... О, тут видно, как делается этот его хохолок на голове... Вот, смотри – вот что я имел в виду.

Я склонилась над страницей. Пожилой Венсан со своей самодовольной ухмылкой за столиком ресторана – слащавый, в неестественной напыщенной позе. Рядом с ним – миленькая блондиночка, сплошные ресницы и пышный бюст, улыбка в камеру. По другую руку Венсана сидел молодой мужчина с завитыми волосами и боксерским телосложением. Его глазам, нацеленным на декольте блондинки, не хватало разве что пририсованных стрелок, как в комиксе. А рядом с этим боксером сидела моя бабушка, совершенно не вяжущаяся с остальной компанией, как будто перенесенная сюда с другой фотографии.

Я глянула на подпись под снимком. «*Слева направо: неизвестная женщина, Каллэ, Теди Шарп, Алтея Прозерпина. 1972*».

Значит, ей двадцать восемь, ее книге – всего год. Я всматривалась в ее лицо. Неуловимая красота того типа, что содержит в себе секрет, так что хочется смотреть снова и снова, пытаясь его вычислить. Характерный изгиб брови, маленький шрам на губе – как если бы она в детстве упала на роликовых коньках. На ней была узорчатая блузка без рукавов, короткая стрижка казалась небрежной – пряди волос беспорядочно спадали на лоб. Пальцами правой руки она рассеянно касалась подбородка, и на указательном виднелось то же самое тяжелое кольцо с ониксом, что и на фотографии на обложке ее книги. На безымянном пальце было еще одно кольцо – в виде свившейся кольцами змейки.

– Она на тебя похожа, – заметил Финч.

Ничего подобного. Если я выгляжу как домашняя «кисонька», то бабушка – вылитая рысь.

– У меня шрам на подбородке, а не на губе, – я потрогала белый рубец на коже – память об одной особенно неприятной встрече со злой судьбой.

– Ты же поняла, что я имею в виду. Это, наверное, взгляд. У тебя такой взгляд, будто ты думаешь сразу миллион мыслей, но вслух не скажешь.

Я терпеть не могла непрошенных комплиментов, если это, конечно, был комплимент, – так что не отвела взгляда от Алтеи.

– В этой книге есть о ней что-нибудь?

– Ничего. Знаешь, как я вообще открыл ее существование? Через эту фотографию. Я прочитал весь раздел о 1970-х, надеясь узнать о ней хоть что-то. – Он задумчиво потер подбородок. – Все из-за... из-за ее лица, понимаешь? Она выглядела так, будто я точно должен ее знать. К тому же это имя... Это странное имя. Наконец я нашел ее в Гугле, с чего и следовало начинать, и так вышел на ее книгу. Книгу нигде не удавалось отыскать – ни оригинала, ни даже репринтов, только старые статьи и прочие мелочи. Все короткие – кроме того интервью для «Ярмарки тщеславия». Я стал просто одержим идеей прочесть эту книгу, главным образом потому, что ее нигде не было.

– Она хорошая?

– Хорошая? – он на миг задумался. – *Хорошая* здесь не совсем подходящее слово. Она просто переносит тебя в очень странное измерение. Я как раз переживал некоторые семейные обстоятельства, когда она попала мне в руки. И это оказалось ровно то, что нужно. Книга создавала определенное состояние сознания... – Финч глянул на меня, чуть сощурившись. – Только не смейся. Примерно так действуют любовные песни, когда влюбляешься. С поправкой на чернуху, потому что настроение у меня тогда было довольно чернушное. В этих историях много тьмы. Хотя теперь я уже не разберу, какая часть этой тьмы была в самих историях, а какая – у меня в голове. В любом случае я в них просто влюбился. И правда ужасно жалею, что не смогу их перечитать.

– А я-то как жалею.

Он, должно быть, услышал настоящую тревогу в моем голосе, потому что и сам серьезнел.

– Почему именно сейчас? Не похоже, чтобы ты... Мне казалось, что ты не особо хочешь о ней разговаривать. О твоей бабушке. Что-то изменилось?

Я открыла рот, и все внутри сжалось от замешательства. Столько всего: рыжий мужчина, вонь в пустой квартире.

– Сегодня я пришла домой из школы, – начала я.

Финч молча ждал. Мы смотрели друг на друга в мягком свете ламп. Его карие глаза смотрели открыто и прямо.

– Я вошла в квартиру и увидела, что там кто-то побывал – кто-то проник туда. Везде висел этот странный запах, ну и по всему было видно.

– Запах? Это было... что это было?

– Не то, что ты думаешь. Тот, кто вломился в квартиру, оставил кое-что для меня. У меня на кровати.

Финча передернуло на слове «кровать».

– Господи. И что это было?

Я вытащила конверт и разгладила книжную страницу на столе. Финч замер, потом медленно протянул руку и коснулся ее, как реликвии.

– Не может быть, – выдохнул он.

– А еще моя мама, – что-то во мне сопротивлялось, не желая произносить это вслух, как будто, если скажу, все, что случилось, станет правдой. – Ее нигде нет. Я не могу до нее дозвониться – ни до нее, ни до кого-либо из родственников. Я не знаю, что делать. И еще случились всякие странные вещи, если я попробую объяснить, ты решишь, что я свихнулась...

Глаза Финча были прикованы к странице. У него был такой вид, будто он хотел ее обнюхать и попробовать на зуб.

– Финч?

Он поднял глаза, и взгляд его изменился – произошел переход из режима фаната обратно в режим друга.

– Погоди-ка. – Он ласково взял меня за руку. Он был ненамного меня выше, так что наши глаза оказались примерно на одном уровне. – Кто-то вломился к вам в квартиру и оставил в твоей комнате нечто довольно редкое – и, с учетом обстоятельств, довольно зловещее. А теперь ты не можешь дозвониться до матери. Что, если она сейчас в полиции, дает показания? Мне очень жаль, что это все с тобой случилось, но не думаю, что стоит паниковать. Ты не пробовала позвонить бабушке? Просто на всякий случай?

Я резко вырвала свою руку.

– Ей позвонить невозможно. Она умерла.

Финч вздрогнул.

– Что? Нет! Я бы об этом знал.

– Почему это *ты* должен был об этом знать?

– Потому что на свете есть Интернет, а она – знаменитость. Ну, бывшая знаменитость. В любом случае, у всех бывает некролог. Она не могла *умереть*.

В груди у меня все горело.

– Вот давай ты мне не будешь сейчас доказывать, что моя мертвая бабушка не умерла, Финч. Это одна из худших на свете тем для спора.

– Черт. Ты права, я сморозил глупость. Но все это очень, очень странно. – Он долго смотрел на меня, будто прикидывая что-то. – Так. Ладно. Но твоя мама наверняка в порядке, я уверен, что есть объяснение.

– Нет, ты не уверен.

– Куда бы все ни подевались, в любом случае тебе не стоит возвращаться домой в одиночку. Давай пойдем вместе, может, кто-то уже вернулся. Или я могу разглядеть на месте что-то, что ты пропустила.

Вот оно. Под маской заботы обо мне скрывалось жгучее любопытство. Голод. Я давала Элле слово держаться подальше от фанатов Алтеи, но это не гарантировало, что они тоже будут держаться подальше от меня.

– Забудь обо всем, что я сказала, – я резко поднялась на ноги, отшатываясь от стола, и подхватила рюкзачок.

– Что-то не так?

– Я не разговариваю с фанатами.

Я думала, что ледяной тон отпугнет его или хотя бы разозлит – и он огрызнется, мол, ну и катись отсюда, я просто хотел тебе помочь. Но он, вопреки моим ожиданиям, смутился.

– Почему?

Я открыла было рот... и снова закрыла. Если разговор с фанатом считать предательством, то предательство уже совершилось. Слишком поздно было отступать.

– Сама не знаю, – наконец ответила я.

– Тогда почему бы нам не попробовать со всем разобраться вместе? Мне кажется, тебе больше не к кому с этим идти.

Финч произнес это мягко, но все равно я почувствовала стыд.

– Вот и неправда. Я могу пожить у своей подруги. У Ланы.

Возможно, я и правда могла пойти к Лане, но она делила съемную квартирку в квартале Гованус с двумя другими студентками-скульпторами, а еще с половиной клезмерской группы. Ну и называть ее подругой было некоторым преувеличением.

– Но ты пошла не к Лане, – отозвался Финч. – Ты пошла ко мне.

Я попробовала вспомнить, когда в последний раз мне случалось так долго смотреть в глаза другому человеку. Кому-нибудь, кроме Эллы. Я страстно желала не нуждаться в нем, но мысль о том, что придется выйти наружу в одиночестве, наполняла меня холодным отчаянием. Квартира Гарольда превратилась в инопланетную пустыню – через нее прокатилось нечто, не принадлежавшее этому миру. Я просто не могла оставаться одна с этим чувством.

Я ненавидела хотеть чего-то от других, не имея ничего, что дать взамен. Хотя можно было бы подумать, что человек с моим детством должен к этому как минимум привыкнуть.

– Ладно, идем, – выдавила я с огромным облегчением. – Извини, что все это случилось посреди учебной недели.

Финч глянул на меня удивленно, будто я ляпнула колоссальную глупость – а даже если и ляпнула, то все равно обидно, – и на минутку отлучился в спальню. Он скользнул туда так быстро, притом прикрыв за собой дверь, что у меня появились новые предположения об убранстве этой комнаты. Что у него там – по стенам постеры с полуголыми красотками на «феррари»? Или разбросанные повсюду носки?

Нет, стоп. Это же не скверный подросток из дурацкого сериала. Это нью-йоркский юноша из богатой семьи, с татуированной на плече цитатой Воннегута.

Надо признать, мне очень нравилась его татуировка.

Через несколько минут Финч вернулся – в синей куртке на молнии, с кожаной сумкой через плечо, знакомой мне по школе.

– Ты готова?

Хотелось бы мне, чтоб его голос не звучал так восторженно, о чем я ему и сказала.

– А он звучит восторженно?

– Да. – Я досчитала до трех, вдыхая мир и выдыхая гнев, как учила меня Элла с того дня, когда я в детском саду сломала палку о голову девочки. Эта мантра слегка помогала. – Это не развлечение, договорились? Не игры в сказки Алтеи Прозерпины. У меня мать пропала.

– Ох, – он опустил глаза. – Я совершенно не хотел выражать восторгов и все такое. Просто мне приятно куда-то пойти с тобой вместе.

Правда, что ли? – хотела усомниться я, но инстинкт самосохранения помог мне сдержаться. Все-таки я умела себя контролировать.

Той же дорогой мы вернулись к дому Гарольда. Стол консьержа по-прежнему пустовал.

– Вот еще что – я с утра не видела нашего консьержа. Странно, да?

– Весьма странно, – тихо подтвердил Финч, осматривая подъезд. Он постоянно оглядывался, стоило нам войти в здание, и старался прикрывать меня собой, как будто в любой момент ожидал стрельбы.

– Пусти-ка меня... не глупи, я собираюсь вызвать лифт!

Он смущенно пропустил меня вперед, и я вставила ключ в отверстие. И не могла не отметить невольно, что по сравнению с лифтом Финча, этот выглядит не лучше, чем уборная на автозаправке.

Мы поднялись в квартиру в тревожном молчании. Когда двери лифта разъехались, все мое тело звенело от напряжения. Я была готова закричать, или затаить дыхание, или сразу наткнуться на маму – на губах у меня уже складывались слова, которые я выкрикну ей в лицо за то, что она меня заставила так волноваться. Но вестибюль был совершенно пуст.

– Боже, этот запах, – прошептал Финч.

И тут я заметила нечто, от чего перехватило дыхание: портфель Гарольда на столике в коридоре.

Головокружительное облегчение нахлынуло на меня – вкупе с острым смущением перед Финчем, которого я напрасно сюда притащила.

– Эгей! – крикнула я в глубь квартиры. – Мама! Гарольд! Кто-нибудь?

Тишина. А за ней – звук быстрых шагов. Из-за угла в вестибюль резко вырулил отчим. Его бритое лицо было багровым. Я никогда еще не была так рада его видеть.

– Гарольд! А где моя ма...

Слова застряли у меня в горле. Гарольд держал в руке пистолет – настолько типичный и похожий на все пистолеты из кинофильмов, что он даже казался игрушечным. И этот пистолет мой отчим направлял прямо мне в грудь. Финч издал придушенный звук и резко задвинул меня себе за спину.

– Гарольд, какого черта, – выдохнула я, сопротивляясь Финчу. – Это же я!

– Я отлично знаю, кто это, – отозвался Гарольд. Он так сильно стискивал зубы, когда не говорил, что кожа вокруг его губ натянулась и побелела. Я за несколько метров чувствовала его запах – смесь одеколона и тошнотворного пота.

Мое сердце выдавало помехи, как сломанный мотор.

– Гарольд. Гарольд, где моя мама?

– И ты еще смеешь смотреть на меня, как будто это я – чудовище, – сказал он.

– Что? – во рту так пересохло, что язык сухо скребся о губы.

– Это все было настоящее, так? И Элла – она и вправду... – он издал какой-то глухой скрежет.

Злая судьба, преследовавшая меня по жизни, сошлась в одной черной точке – в дуле его пистолета.

– Пожалуйста, – умоляюще сказала я. – Пожалуйста. Что ты с ней сделал? Где она?

– Я с ней *сделал*? Я сделал все, чтобы она была счастлива – а заодно и ты, девчонка, которая смотрела на меня как на чужака в моем собственном доме, как будто я недостойн касаться своей жены! – ствол пистолета дрогнул и опустился чуть ниже, словно рука Гарольда увядала, как стебель.

Ты и недостойн, подумала я – но как-то отстраненно и тускло. Пистолет все еще покачивался где-то на уровне талии Гарольда. Если он выстрелит, попадет мне в колени.

– А теперь еще и это, – продолжал он. – Вы притащили все это в мою жизнь. Моя дочь могла погибнуть.

– Погибнуть? – я вспомнила телефон Одри, забытый на кровати. – Они не ранены? Элла и Одри?

– Думаешь, я поверю, что тебе есть до этого дело? – он шагнул вперед и грубо сгреб меня за плечо, другой рукой не отпуская пистолета. Я замерла как вкопанная. Гарольд ни разу ко мне не прикасался с тех пор, как мы обнялись на свадьбе, чтобы порадовать Эллу. Я почувствовала, как напрягся Финч, пока Гарольд смотрел на меня в упор своими голубыми пиратскими глазами. Отчим встряхнул меня, будто проверяя на прочность.

– Не трогай меня, – выдохнула я и рванулась – и в этот же момент Финч схватил Гарольда за руку.

– Отпустите ее сейчас же, – выдавил он сквозь зубы.

Гарольд коротко простонал и поднял пистолет. Мы с Финчем отшатнулись.

– Я любил ее. Я ее так любил, а она каждый день лгала мне.

– Сэр, – заговорил Финч, его голос был ровным и спокойным. – Направьте пистолет на пол. Мы сейчас развернемся и покинем это помещение. Только извольте, пожалуйста, направить пистолет в пол.

– Мы никуда не уйдем, – перебила я дрожащим, как палуба корабля, голосом. – Пока он не скажет мне, где она!

Послышался перестук каблучков по плиткам пола – за спиной отца появилась Одри с плотно набитой багажной сумкой в руках. Сквозь толстую маску ее макияжа проглядывал страх.

– Пап, – позвала она. Обычные нотки смеха и дерзости оставили ее голос, он звучал безумно устало. – Опустит эту штуку.

Секунду-другую Гарольд притворялся, что не слышит ее. Но наконец бросил пистолет на столик – тот приземлился с твердым стуком, от которого у меня заныли зубы.

– Твою мать увезли, – сказала Одри все тем же мертвым голосом. – Сперва они забрали и нас тоже, но потом отпустили. Мы зашли собрать кое-какие вещи – мы здесь не останемся, можешь передать им, если спросят. И не пытайся нас найти.

– Кто ее увез? *Кто они?*

Я заметила, что зрачки Одри сильно расширены – от шока или травмы.

– Сопредельные, – ответила она. – Так они себя называли – Сопредельные.

Больше всего мне хотелось отключиться – прямо здесь, на мраморных плитках. Адреналин, разлившийся в крови при виде пистолета, уже отхлынул, и тело мое было как резиновое – бескостное и дрожащее. Это слово – «Сопредельные». Опять Алтея.

– Как они выглядели?

Гарольд снова положил руку на пистолет.

– Убирайся к черту.

Я не думала, что у него хватит духу и впрямь меня пристрелить.

– Скажи только, куда они ее забрали – и я уйду. *Прошу* тебя.

– Выметайся.

Финч обхватил меня за плечи и уже тянул к лифту. Лифт ждал нас – его двери раскрылись с холодным «тиньк».

– Если нам понадобится вернуться, мы придем с полицией, – негромко предупредил Финч. – Или с людьми из охраны моего отца.

Я до последнего смотрела Гарольду в лицо, пока не сомкнулись двери лифта.

– Нет, мы не вернемся. Ноги моей больше здесь не будет.

8

Финч мог просто развернуться и уйти восвояси, как только мы оказались на улице. Или поймать мне такси, игнорируя тот факт, что мне больше некуда было ехать, и он это знал. Или использовать свой бездонный банковский счет и снять мне на ночь номер в гостинице, чтобы полностью от меня освободиться.

Но ничего из этого он не сделал. И где-то в глубине души, за страхом и благодарностью, я была безгранично удивлена этому.

– Нужно позвонить в полицию. Твой отчим мог тебя ранить.

Я тупо посмотрела на свой молчащий, бесполезный телефон и прижала руки к груди. Казалось, сердце мое выворачивается наизнанку.

– Мама, – выговорила я в пустоту.

Финч снова положил мне руку на плечо и помог присесть на низкую садовую оградку.

– Хей. Хей. Дыши глубже, хорошо? Дыши.

Я сделала несколько неровных глотков воздуха. У меня никогда не бывало панических атак – а вот Элла иногда от них страдала. Она думала, я не знаю. Но я знала.

Финч присел передо мной на корточки.

– Все хорошо. Все хорошо. Просто дыши.

Его размеренные слова превратились в раздражитель, и внутри меня вспыхнул внезапный огонь. Я оттолкнула Финча и вскочила на ноги; руки мои лихорадочно сжимались и разжимались, пальцы искали в воздухе невидимую сигарету. Я видела перед собой Эллу – в ее вчерашнем коктейльном платье. Эллу, спящую рядом со мной в кровати. Эллу за рулем, Эллу, смеющуюся над чем-то, взгляд Эллы – глаза в глаза.

Едва я вошла в осознанный возраст, именно я была наблюдающим в нашей команде, всегда высматривала признаки злой судьбы, пока Элла занималась остальным – находила нам новое жилье, обустраивала по-домашнему случайные чужие углы. Но я позволила себе потерять бдительность. Позволила злой судьбе принять неувимую форму, ворваться в нашу жизнь и утащить Эллу с собой.

– Одри сказала, что ее забрали Сопредельные. Что это, черт возьми, значит?

Финч покачал головой, словно извиняясь.

– У меня ни одной идеи.

Улица перед домом Гарольда тем временем преобразилась. Вечерний свет погас. Кругом были движущиеся тени, запах старого дыма, тревожный шелест полуоблетевших деревьев. Страх сгустился вокруг, угрожая затянуть меня целиком. Я старалась отогнать его движением, растущим гневом, детской магией: «Если на счет три загорится зеленый свет, из-за того угла выйдет моя мама». Свет загорелся, но мама не вышла.

Финч шел рядом со мной, хотя и держал дистанцию.

– А что, если... – он не договорил, ожидая, что я спрошу.

– Договаривай уже.

– Тебе это может не понравиться.

– Сейчас мне ничего не может понравиться. Просто говори.

Разговаривать было хорошо. Это связывало меня с реальностью, я оказывалась здесь и сейчас, под уличными фонарями рядом с Финчем, а не в черной бешеной галактике, где я искала и не находила похитителя мамы.

– Что, если под Сопредельными она имела в виду *Сопредельные земли*?

– Говори яснее, Финч. Пожалуйста.

– Сопредельные земли. Место, с которым связаны истории, ты понимаешь. Их действие происходят в одном и том же месте.

Он переключился в режим академического ученого, и это помогало. Хватка, стиснувшая мою грудь, стала слабее.

– Действие всех сказок происходит в одном и том же месте. В некотором царстве, в некотором государстве. Давным-давно на белом свете.

– Только не у сказок Алтеи. Существует теория...

Я застонала. Я достаточно времени провела на форумах, где пестрые компании фанатов и фольклористов фонтанировали теориями, чтобы остерегаться такого начала. Казалось бы, стиль Алтеи слишком темен, чтобы вокруг него развивалась такая интернет-активность, однако его темнота только подстегивала интерес.

– Боже мой. Да ты фанат на всю голову. Ты копался в этих теориях?

Это наконец задело Финча.

– Да, я фанат на всю голову, – огрызнулся он, – и вышло так, что именно в подобном дерьме ты сейчас нуждаешься. Так что, будешь слушать или нет?

Это слегка отрезвило меня, что было кстати. Я кивнула, предлагая ему продолжать.

– Итак, существует *теория*, – он нарочно подчеркнул это слово, – об исчезновении Алтеи в шестидесятых. Есть мнение, что она провела эти годы, странствуя в поисках сюжетов, как Алан Ломакс собирал американский фольклор. Что Сопредельные земли – кодовое название для неких изолированных территорий где-то на севере.

Я такое уже слышала. Это звучало очень правдоподобно, и скорее всего именно поэтому меня настолько раздражало.

– Может быть, Одри говорила про эти Сопредельные земли, – настаивал Финч. – Например, Алтея могла украсть историю у кого-то, кто разозлился и теперь хочет контрибуции, признания...

– И поэтому решает преследовать ее родственников сорок лет спустя? – закончила я его фразу. – Какой-нибудь, не знаю, дикий норвежский пастух наконец смог добраться до Нью-Йорка ради кровной мести?

Перед моим внутренним взором промелькнуло лицо рыжего мужчины. Надо было сказать о нем Финчу, но я не могла перестать думать об окончании цитаты из Нельсона Олгрена: «Никогда не спите с женщиной, чьи проблемы хуже ваших собственных». Конечно, до того,

чтобы спать с Финчем, мне было как до Луны, но проблем у меня уж точно было больше, чем у него. И я не хотела ему их добавлять.

Он пожал плечами.

– Это просто теория. Должно же все это что-то значить. В конце концов, они оставили тебе страницу из книги. Может, это код.

– Поэтому ты должен мне рассказать про «Трижды-Алису», вдруг там найдется подсказка. Ключ к тому, что я должна делать дальше.

– Я расскажу. Но только наедине. – Он заметил выражение моего лица и натянуто улыбнулся. – Наедине – в смысле, там, где нельзя наткнуться на моего отца или мачеху. Наверняка сейчас хотя бы один из них дома.

В конце концов мы оказались в ресторанчике на Семьдесят девятой улице – в недешевом местечке, где даже порция супа кнейдлах стоит двенадцать баксов. Именно кнейдлах и заказал Финч, а к нему – клубный сэндвич с добавочными огурчиками. Я взяла блинчики в черничном сиропе – в память об обеде с рыжеволосым похитителем. Однако они быстро остыли у меня на тарелке, и вызвать в себе какие-нибудь глубоко спрятанные воспоминания не получилось.

Я положила телефон на столик между нами, и при каждом взгляде на его немой черный экран мое сердце сжималось. Весь мир вращался вокруг отсутствия моей матери, как будто свет рикошетил от чего-то слишком темного, чтобы его осветить. Я видела свое отражение в дополнительной ложке, которую подала нам официантка. Мои глаза были черными провалами, полными страха.

Финч съел один огурчик, второй положил на край моей тарелки, а третий разрезал на кружки и положил себе в сэндвич.

– О'кей, – начал он. – Попробую вспомнить «Трижды-Алису» как можно лучше.

Его рассказ оказался длиннее и подробнее, чем я надеялась, хотя Финч постоянно поправлял себя и добавлял элементы из других сказок. Но в общих чертах его рассказ звучал так.

9

В одном далеком королевстве холодным днем у короля и королевы родилась дочь. Глаза новорожденной были черными-черными, без белков, и повитуха сбежала от роженицы, как только отдала ребенка ей в руки. Королева взглянула дочери в глаза, черные и блестящие, как крылышки жука, и сразу же ее возненавидела.

Девочка оставалась маленькой и не издавала ни звука – даже едва родившись, она не заплакала. Уверенная, что она не выживет, королева отказалась давать ей имя.

Сначала казалось, что королева была права: месяцы проходили за месяцами, а ребенок все не рос. Но и не умирал. Миновало два года, а девочка оставалась крохотной, как в день рождения, и такой же безмолвной. Ее выкармливали овечьим молоком, потому что королева отказалась давать ей грудь.

Однажды утром, когда нянька явилась ее накормить, она обнаружила, что ребенок за ночь вырос и теперь стал большим, как семилетка. При этом ручки и ножки девочки были слабыми, как лягушачьи лапки, а глаза оставались такими же беспросветно черными. Однако было решено, что она выживет. Король заставил жену дать ей имя, и королева выбрала для нее имя слабое и лишенное власти, скверное имя для принцессы. Королева назвала ее Алисой.

Наконец Алиса заговорила, причем сразу полными предложениями. Говорила она только с другими детьми – и только затем, чтобы доводить их до слез. И снова она перестала расти. Годы шли, и при дворе все уже решили, что Алиса навсегда останется ребенком, так и будет до смерти играть злые шутки над другими малышами и пугать служанок своими черными-черными глазами.

Но однажды утром – таким холодным, что дыхание замерзло на губах того, кто осмелился выйти из дома – очередная нянюшка пришла будить Алису

и нашла в ее кровати двенадцатилетнюю девочку. Вся она была нескладная и угловатая и едва ковыляла на своих новых длинных ногах, как новорожденный жеребенок. Слуги шептались, что она – подменыш, но глаза ее были все так же черны, и характер остался прежним: она мало говорила и постоянно появлялась там, где ее не хотели видеть. В замке стало трудно удерживать слуг, и фрейлины королевы судачили, что девочка тому виной.

Нянька-служанка Алисы боялась повторения того дня, когда она нашла в постели принцессы незнакомку на годы старше. Однажды утром, обнаружив, что в комнате Алисы ее ожидает семнадцатилетняя девушка, нянька шепотом выругалась и навсегда сбежала из замка.

Принцесса была юна годами, но отличалась редкой красотой – и по крайней мере выглядела созревшей. Король, который до того редко говорил ей хоть слово, стал поглядывать на нее жадными глазами. Он дарил ей подарки, каких не дарят дочерям: застежку для плаща – стрекозу из красного металла... Цветок разрыв-травы, похожий на жало скорпиона... Так что королева приняла решение: Алису пришла пора выдавать замуж.

Будучи королевской дочерью, по законам того мира девушка могла назначить условие для претендентов на ее руку. Условие Алисы было таким: кто сможет наполнить ее шелковый кошель льдом из ледовых пещер в дальнем конце королевства, тот и возьмет ее в жены. А кто не сможет выполнить задачу – умрет. Конечно, большинство претендентов на руку принцессы были глупцами. Они скакали день и ночь, везя с собой осколки льда, но по дороге он таял и утекал водой. Некоторые пробовали обмануть ее, приносили лед из замерзшей реки в миле от дворца, но она узнавала о предательстве по знакомому привкусу грязи у льдинок. Другие решали, что принцесса выражалась символически, и привозили ей алмазы – и расплачивались за свою ошибку жизнями.

Выполнить задание принцессы сумели двое братьев с далекого севера. Кожа их казалась такой же бледной, как лед, который они принесли. Они порезали глыбу льда на небольшие кусочки и уложили их в деревянные опилки, чтобы довезти невредимыми до королевского дворца.

Когда старший из братьев показал принцессе лед, она остолбенела. Кровь отхлынула от ее лица, и это вызвало у мужчины улыбку.

– За кого же из вас ей выходить замуж? – спросил король.

Старший брат снова улыбнулся. Всем присутствующим постепенно делалось ясно, что его улыбка не предвещает ничего хорошего.

– Нам не нужна жена, – сказал он. – Нам нужна рабыня. Она будет печь нам хлеб и прибираться в доме, и вынашивать детей, которые будут служить нам после ее смерти.

Девушка ничего не сказала. Вместо этого она взяла свой шелковый кошель, набитый льдом, и проглотила весь лед. Руки ее вмиг заиндевели. Кожа ее стала голубой, глаза – мертвенно-белыми, и вся она заледенела. Ее отец закричал, мать зарыдала, а двое братьев заспорили – и наконец решили забрать принцессу с собой как есть и уже по дороге определиться, что с ней делать.

Они выехали тем же вечером – двое братьев и девушка, привязанная к седлу коня, которого отец выдал ей в приданое. Мать смотрела ей вслед, когда ее увозили, и корка льда, которой покрылось ее сердце в день рождения дочери, наконец растаяла.

Братья скакали, пока звезды не начали бледнеть, и раскинули лагерь. Они раскатали свои скатки на земле, а свою замороженную невесту положили под дерево. И заснули.

Младшему брату снились страшные сны – о лисе с дырами вместо глаз и о ребенке, который смеялся, утопая в ледяном озере. Когда наутро из-за горизонта выкатилось солнце, он проснулся и обнаружил, что его брат мертв. Кожа мертвеца блестела от изморози. Он окоченел с раскрытым ртом и глазами, полными ужаса. Девушка же была обледенелой и неподвижной, как и прежде. Ее холодное тело не шевельнулось, когда выживший брат в ярости ударил ее ногой в бок.

Он быстро обдумал, что ему делать. Брата он оставил лежать на месте, собрал лагерь и связал каменно-твердые руки и ноги девицы крепкой веревкой – на всякий случай. Ее он тоже оставил позади, рядом со своим мертвым братом, и ускакал прочь так стремительно, словно за ним гнался сам дьявол.

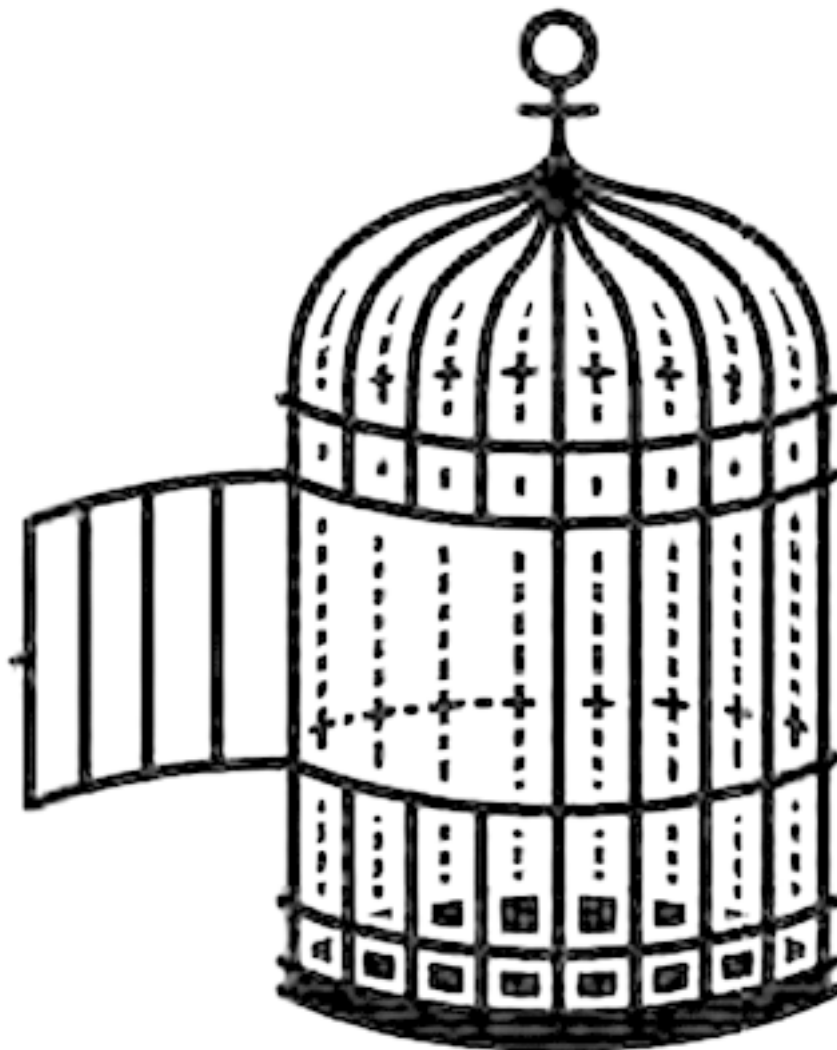
Он скакал и слышал странный звук – будто бы ветер завывал среди обледеневших сучьев. Ночью с неба пошел мокрый снег. Всадник погнал коня еще быстрее. Наконец конь его весь покрылся пеной, а сам он так проголодался и устал, что едва держался в седле. Тогда он спешился и устроил лагерь. Всю ночь он просидел без сна, поддерживая костерок и прижимая к груди кинжал. Но никто не потревожил его, и он подумал, что повел себя глупо.

Пока не взошло солнце. Он встал, чтобы оседлать коня, и увидел, что животное мертво. Глаза его были подернуты пленкой льда, а в гриве блестели сосульки.

Тогда младший брат продолжил путь пешком. Он двигался сквозь глухую чащу, где солнечный свет едва проникал сквозь ветви. По пути он не встретил ни души. Воздух, который он вдыхал, замерзал у него в горле, ресницы покрывались снегом, глаза болели от холода, хотя кругом стояла весенняя оттепель. Уже стемнело, когда он наконец лег на землю отдохнуть – настолько усталый, что у него не было сил, чтобы бояться. Когда же он сомкнул веки, принцесса вышла к нему из-за дерева, увитого диким виноградом. Она положила ладони ему на глаза, а губами прижалась к его губам. Когда же он умер, она распрямилась. Лед еще оставался в ней, а в глазах что-то клубилось, как перистые облака.

Она развернулась. В воздухе пахло холодной сиренью – вечерний аромат ранних цветов. Это был запах духов ее матери. Черноглазая девушка представила замок своих родителей – как пульсирующее сердце зверя, которого она жаждала убить. И она направилась к замку.

10

Финч прервал рассказ. Вокруг гудел шум рестораника, ложки звенели о тарелки, официанты опускали на столы блюда с закусками. Я почувствовала резкую боль и глянула вниз, на свои руки. Оказывается, я сорвала с правого указательного пальца несколько кровавых заусенцев – прямо до мяса.

– Что такое? – наконец спросила я.

Финч тревожно смотрел мне куда-то за спину.

– Ничего, просто... – Он привстал – и снова сел. – Я подумал... да нет, неважно.

– Что там? – в висках у меня билась кровь, как после черного кофе в три часа утра, зубы выбивали дробь – мне пришлось сжать челюсти, чтобы это прекратить. Я огляделась по сторонам, но не заметила ничего подозрительного. Три девчонки помладше, зачем-то в темных очках поздно вечером, пьют кофе. За другим столиком – группа пожилых мужчин в рабочих куртках... Чуть дальше – брюнетка надкусывает кусочек сахара...

– Что ты увидел? – прошептала я.

Финч взъерошил рукой и без того непослушные волосы.

– Ничего. Я просто на взводе.

Я оглянулась в третий раз. Никто не ответил на мой взгляд.

– Ты отлично запомнил сказку, – сказала я.

Он откусил от недоеденного сэндвича и принялся жевать, не переставая ощупывать глазами помещение.

– Любимые книги, – сообщил он, жуя, – часто перечитываются.

– И чем кончается история?

Но у Финча явно пропало настроение рассказывать сказки. Каждые пару секунд он тревожно смотрел мне через плечо.

– Кровавой мезтью, конечно.

– Мезтью за что?

– За обычные грехи. Отвергнувшая ее мать, похотливый отец... Аллюзии на «Ослиную шкуру», если ты еще сама не заметила.

– Кофе, молодые люди? – мы дружно подпрыгнули на сиденьях, когда возле нас возникла официантка с кофейником.

– Ты даже более чем на взводе, – заметила я, когда она удалилась. – Это все сказка. Ты разнервничался, когда рассказывал.

– Мне еще не приходилось рассказывать вслух ни одну из них. Из-за этого я... почти поверил, что вижу что-то не то. – Он слегка повернул голову, чтобы просканировать взглядом столик за нами – парень-студент и женщина старше сорока, оба молчат.

У меня самой нервы были натянуты, как веревки, почти перетертые и готовые порваться. Не хватало еще, чтобы Финч пришел в такое же состояние.

– Ладно, хватит на сегодня сказок. Только скажи... почему ты думаешь, что мама назвала меня в честь этой истории?

– Может, все и не так. Может, тот, кто оставил эту страницу, просто над тобой издевается. Мама легко могла назвать тебя в честь, я не знаю, Алисы в Стране чудес. Или вообще ни в честь кого, просто так.

Он отпил кофе и покрутил шеей, чтобы ее размять. Спокойный, рациональный Финч возвращался, снова занимал свое место под кожей. Меня огорчало, что я осталась настолько же взвинченной, а он уже вернул на место маску, которую обычно показывал всем окружающим.

– А может, ты и прав, и меня назвали в честь этой истории, – сказала я, заново прокручивая странный ритм сказки у себя в голове. Она оказалась другой, нежели я ожидала. Незаконченная, она внутри меня. Я почему-то думала, что книга Алтеи окажется феминистской, со множеством аллегорий и четким сюжетным рисунком. В лучшем случае – что-то вроде Анджели Картер, в худшем – вроде «Скотного двора» Оруэлла, только про принцесс. Но эта история была не похожа ни на что. Она была замороженной, страшноватой и даже не особенно кровавой. Ни героев, ни свадьбы. И никакой морали.

– Ты ведь знаешь, кто мой отец? – Финч тем временем крошил в суп устричные крекеры.

– Ну... примерно. – Конечно же, я знала, кто его отец.

– Ну вот, мое имя – полное – Эллери Оливер Джан-Нельсон-Абрамс-Финч.

– А оно влезает в форму Скантрона?

– Куда?

– Забей, неважно.

Конечно же, в понтовых школах вроде той, где учился юный Финч, не пользуются банальным Скантроном... Небось в средней школе им ставили оценки цветочками и сердечками.

– Эллери – так звали дедушку моего отца. Угадай, откуда они взяли Оливера.

– Оливер Твист?

– Нет.

– Оливер Уэнделл Холмс?

– Хорошо бы. Но тоже нет.

– Оливер... Харди?

– Мои родители не насколько крутые.

– Ну ладно. Я сдаюсь.

– Это брат моей мамы. Он жил в Штатах несколько лет, приехал до того, как я родился, – тогда мама еще была фотомodelью. А вскоре после моего рождения он вернулся обратно в Гану. Мачеха никогда не называет меня Эллери. Исключительно Оливером. Ей нравится представлять, что я не имею отношения к своему отцу, потому что я не похож на него внешне, а похож на маму. И на дядю. Она пытается потихоньку продвигать свою извращенную гипотезу, что я не родной сын отца. Что я вроде как сын моего дяди.

Мой желудок сделал резкий кульбит.

– Ты уверен, что она правда имеет это в виду? Это довольно мерзкое обвинение.

– Она – довольно мерзкая женщина. Сейчас она изо всех сил пытается забеременеть, а ведь ей самое маленькое сорок пять. Прямо как в гребаной волшебной сказке, злая мачеха мечтает убедить отца, что я ему не сын, чтобы все унаследовал ее родной ребенок. Как будто мне все это *нужно*. Как будто я хочу вырасти в кого-то вроде моего отца.

Улыбчивая, меланхоличная маска Финча сгорела до углей. Его лицо было – сплошная яростная горечь. Он так стискивал кофейную чашку, что я испугалась, что он ее раздавит. Не раздумывая, я инстинктивно потянулась вперед и накрыла его руку своей.

Он выпрямился на сиденье, глаза его снова сфокусировались на моем лице. Спокойная улыбка вернулась, но после того, что я видела под маской, она казалась мне очень неубедительной.

– Мама мне всегда разрешала купаться в фонтанах, – сказала я, откидываясь на спинку и убирая свою руку. Воспоминание пришло ниоткуда – я годами об этом не думала. – Я всегда стремилась запрыгнуть в любой водоем в пределах досягаемости, если он был чуть больше уличной лужи, а большинство мам не позволяют детям такого, правда? Из-за всяких водных инфекций, из-за правил, охранников и так далее. А Элла делала так: надевала солнечные очки и садилась где-нибудь неподалеку, а я с визгом прыгала в фонтан и плескалась там, пока не привлекала чье-нибудь внимание. Тогда мама притворялась, что только что меня заметила, и начинала картинно сердиться, но на самом деле не заставляла меня вылезать вплоть до последней секунды. Так мы развлекались в разных торговых центрах, в парках, на площадях... Это было очень круто.

– А моя мама однажды ударила мачеху в живот.

Я поперхнулась водой.

– Как? Неужели прямо на их свадьбе?

– Господи, на свадьбе было бы еще смешнее. В следующий раз, когда я расскажу кому-нибудь эту историю, буду рассказывать ее именно так. Но на самом деле это было, когда она только узнала про их роман с отцом. Они были босс и секретарша, да, все эти пошлые штампы, как в сериале. Мама прикатила в офис на такси, а мачеха такая: «Добрый день, миссис Джан-Нельсон-Абрамс-Финч», она отлично это умеет – врать и притворяться, а мама внезапно как размахнется и как врежет ей.

– Круто. И что, она подала в суд за нападение?

– Не-а. Как рассказывал бизнес-партнер моего отца, она притворилась, что ничего не было. Ну, как только восстановила дыхание. Она не из тех, кто сражается, она из тех, кто пролезает везде без мыла.

– Вот черт. А твоя мама, похоже, отчаянная.

Я запнулась на этих словах, понимая, что коснулась опасной темы. Интересно, знает ли Финч, что я знаю о ее смерти? Но прежде чем я успела обругать себя за бестактность, что-то мелькнуло у Финча за плечом – нечто, заставившее меня сфокусировать зрение.

Парень-таксист, тот, который предлагал меня подвезти после школы. В водовороте событий нынешнего дня я совсем забыла о нем. Он сгорбился за ресторанным столиком, с чашкой

кофе в руке, а на голове у него была все та же потрепанная кепка. Вся поза его показывала, что он меня не видит, и на секунду я даже подумала, что запаниковала напрасно.

Но тут он медленно повернул голову и подмигнул мне, прежде чем заговорить с подошедшей официанткой.

– Финч, – тихо сказала я, – мы уходим. Быстро.

Он взглянул на меня и сразу кивнул, только уже на ходу бросил на столик несколько банкнот. Таксисту как раз принесли следующий кофе, когда мы потихоньку выскользнули из ресторана на Семьдесят девятую улицу.

– Похоже, там парень, который за мной следит, – объяснила я, уже не боясь показаться сумасшедшей. Мы завернули за угол и теперь быстро шагали по улице, лавируя между компаниями туристов. Впервые в жизни я радовалась их наличию – они могли обеспечить нам прикрытие.

– Как он выглядит?

– Студент, но как бы старомодный. Похож на... не знаю на кого. На симпатичного таксиста времен Сухого закона.

– Симпатичного?

Дурацкий вопрос повис в воздухе. Я так часто оглядывалась через плечо, что только заметила, что мы идем домой к Финчу. Где я собираюсь... что, собственно, собираюсь? Переночевать? На секунду я себя возненавидела. Снова жизнь на вписке, на этот раз – у парня, которого я едва знаю. У парня с живыми яркими глазами цвета подсвеченной солнцем кока-колы, настолько полного энергии, будто он никогда не нуждался в сне.

К тому времени, как мы дошли до его дома, я уже серьезно обдумывала версию ночевки у Ланы. Или в «Соленой собаке» – у меня был ключ от кафе. Можно сдвинуть пару столиков и поспать на них, а с утра тихо улизнуть до открытия.

– Финч. Подожди. Ты не обязан приглашать меня к себе...

– Стой.

Голос его прозвучал так резко, что я подчинилась. Но Финч смотрел не на меня. Он схватил меня за рукав блузки и дернул к низкой ограде Центрального парка, практически напротив его дома.

– Пригнись, – прошептал он. Глаза его неотрывно смотрели на фигуру, стоявшую в полшаге от круга света, который отбрасывал фонарь над козырьком его подъезда.

Сперва я разглядела девушку в черном – черное платье, черные башмаки, между подолом и башмаками – полоска белой кожи ног. Потом глаза привыкли к сумраку, и я разглядела ее. Взлохмаченные волосы девушки были черными, с единственной ярко-белой, как в комиксах, прядью посередине. Глаза у нее были такие светлые, что я могла рассмотреть их даже с того места, где мы прятались – казалось, они слегка светятся. Она водила взглядом туда-сюда вдоль тротуара, будто кого-то ждала. По спине у меня пробежали мурашки от одной мысли, что этот взгляд может остановиться на мне. Она слегка развернулась, и я заметила широкий кривой шрам, сбегавший от ее правого виска к подбородку, где он расцветал, как уродливый след пятерни.

– Через ограду, быстро, – шепнул Финч и потянул меня в глубь парка. Мы спрятались в тени большого куста можжевельника. Воздух вокруг нас пах смолой.

– Видела ту девушку? – глаза Финча были огромными и дикими. – Это Дважды-Убитая Катерина.

Мне потребовалось около минуты, чтобы понять, что он сказал. Так называлась одна из сказок в «Историях Сопредельных земель».

– Ты хочешь сказать, она похожа на эту Катерину?

– Нет, это *она* и есть. Там стоит Дважды-Убитая Катерина, – лицо у него стало как у безумного проповедника в вагоне метро – упрямым и вдохновенным.

– Ты так говоришь, как будто уже видел ее раньше. Это же Нью-Йорк. Тут полно разряженных фриков.

– Ты так говоришь, потому что не читала. Посмотри на ее шрам. На ее волосы. И, Боже мой... Ты видишь, что у нее в руках?

Я прищурилась, силясь разглядеть, что за предмет она прижимает к груди, но не смогла.

– Это птичья клетка. Дважды-Убитая Катерина с ней не расстанется. Это оно, – прошептал Финч свистящим шепотом. – Сопределье!

Я открыла было рот, чтобы ответить, но тут девушка сделала нечто настолько странное и пугающее, что мы оба надолго замолчали.

Навстречу ей по тротуару шел прохожий в сером тяжелом пальто, с сигаретой в руке и мобильником у уха. Когда он поравнялся с ней, он вдруг споткнулся на ровном месте, возможно, разглядев ее изуродованное лицо. Прежде чем он успел удалиться, девушка раскрыла свою клетку.

Существо, которое вылетело оттуда, напоминало канарейку, но это была не канарейка. Сначала маленькое и стремительное, в полете оно меняло свои размеры, и крылья его растянулись до ширины соколиных.

Оно набросилось на мужчину в сером пальто. Мы с Финчем в ужасе схватили друг друга за руки, падая на колени, как последние трусы, когда существо впилося прохожему в шею. Он беззвучно упал, и тварь тяжело уселась ему на грудь, растопырив крылья, так что мы не видели, что она там делает. Я взглянула на ее хозяйку – и подавила крик ужаса, еще сильнее стиснув пальцы Финча.

По черно-белым волосам девушки пробежала рыжая волна. Белые щеки наливались розовым цветом, губы покраснели и увеличились, даже шрам куда-то исчез. Но хуже всего было выражение ее лица – одновременно злобное и крайне довольное.

Птица оторвалась от груди упавшего, снова уменьшилась, как в кошмарном сне, и вернулась в свою клетку. Девушка захлопнула дверцу и отступила еще глубже в тень.

– Он умер? – выдохнула я. Голос мой был как шорох сухих листьев.

Мужчина в сером пальто тяжело поднялся на ноги. Он пошатывался и выглядел как человек, который забыл что-то очень важное. Волосы его были пепельно-седыми. Наконец он с трудом поковылял по тротуару прочь, как зомби.

– Бежим, – сказал Финч. И мы побежали. Мы мчались по темному парку, ныряя из одного озера света в другое, и мертвые листья взметались у нас под ногами и касались лодыжек. Воздух пах холодом и перегноем, мои глаза слезились от ветра, а по спине стекал пот. Наконец, тяжело дыша, мы плюхнулись на скамейку.

– Так... Так не бывает, – хрипло прошептала я.

Финч посмотрел на меня расширенными зрачками.

– Это было Сопределье. Черт меня дери.

Я не ответила. Это была моя первая встреча с Сопредельем, первое убедительное доказательство, что за путанными историями Алтеи стоит нечто реальное и довольно ужасное. Голова моя шла кругом.

Но одна мысль никак не оставляла меня – а что, если на самом деле это не первая встреча? всю жизнь меня преследовала злая судьба, принимавшая форму плохой погоды, всяческих бедствий, случайностей и человеческой злобы. Может быть, все это время нас преследовало Сопределье?

– Что она сделала тому человеку? – спросила я. – В сказке она делает то же самое?

Финч несколько раз вдохнул и выдохнул, откинувшись на скамейке.

– Я себе это представлял иначе, но – да. Это поддерживает в ней молодость. И, может быть, саму жизнь. А еще это ее способ мести.

– Мести тем, кто ее убил?

– Даже хуже, чем убил. Да.

– И что нам теперь делать?

– Я должен позвонить отцу. Убедиться, что он дома, а если нет – уговорить его пока не возвращаться.

Однако он не сделал ни единого движения, чтобы достать телефон.

– Финч, – медленно сказала я. – Ты не думаешь...

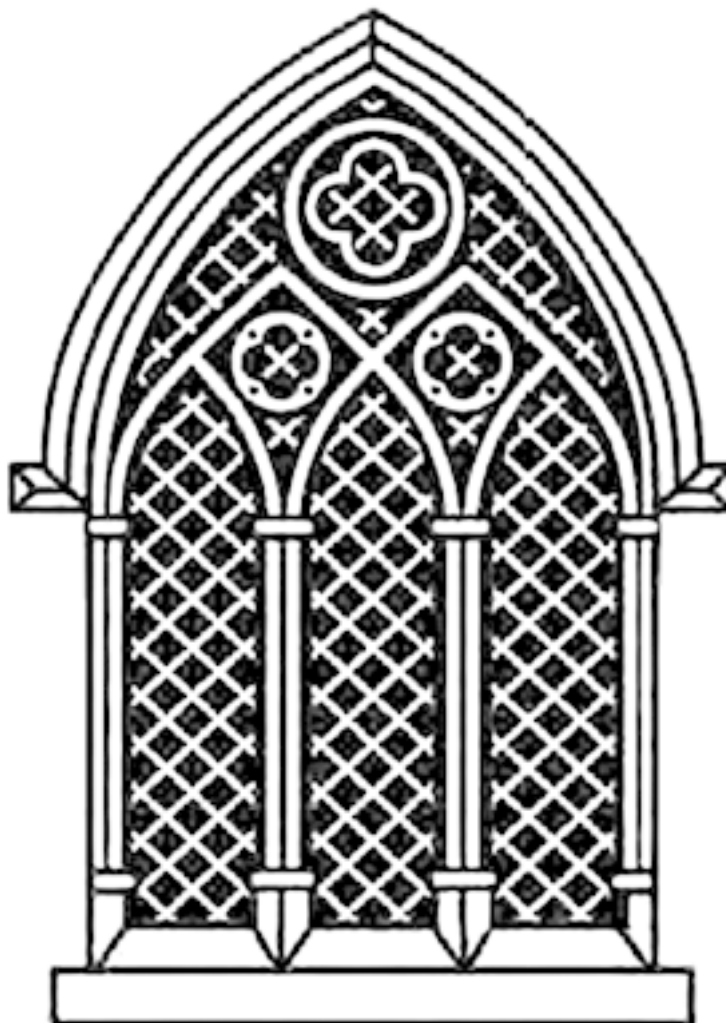
– Катерина не тронет твою маму, – он быстро взглянул на меня. – Она не нападает на женщин. Что нам сейчас нужно – это место, чтобы переночевать. Поспать немного. А потом решим, что нам делать дальше.

Его лицо было отражением моего – предельной усталости, высасывающей все силы, которая приходит сразу после травмы. Когда все разом летит в тартарары, и разум не знает, за что ему зацепиться, чтобы не провалиться в бездну, тело напоминает о своих потребностях, не давая скатиться в безумие.

На меня навалилось все отчаяние моего положения. Я осталась без дома. Без матери. Меня преследовало нечто, что я не могла толком осознать. Я полностью запуталась, и без Финча осталась бы совершенно одна. Сказать ему «спасибо» – слишком мало, сказать «извини меня» – настолько неадекватно, что меня перекорежило.

– Хорошо, – просто сказала я. – Веди меня.

11

На свете мало проблем, которые нельзя разрешить с помощью туго набитого кошелька, и заводить себе богатых друзей – дело стоящее. Финч сделал несколько звонков по телефону, и в итоге через час после беготни по парку мы уже звонили в дверь таунхауса на Бруклин-Хайтс. Нам открыл парень с косой жидкой челкой в стиле инди-рокера, спадавшей ему почти до подбородка. Он сразу показался мне укурненным – даже раньше, чем моих ноздрей коснулся сильный запах травки.

– Эллери Финч! – провозгласил он, каким-то образом растянув это имя слогов на десять.

– Привет, Дэвид, – кивнул ему мой спутник и оглянулся на меня. Вообще меня не назовешь приветливой, я терпеть не могу мило улыбаться незнакомцам, но кочевая жизнь научила меня быть любезной гостьей.

– Приятно познакомиться, Дэвид. Я – Алиса. Спасибо тебе огромное за приглашение.

Он широко ухмыльнулся и покивал. Уверена, что он хотел что-то сказать в ответ, но забыл, что именно.

Семье Дэвида, как выяснилось, принадлежал весь дом. Он был перестроен из церкви – там и тут ради красоты оставили фрагменты каменной кладки и части витражей. Я могла поклясться, что стены сохранили древний запах воска и ладана.

– Здорово, что у тебя можно вписаться, Ди, – сказал Финч. – А где твои родители – в Европе?

– Ага, во Франции. Поехали решать проблемы сестренки – ну, в пансионе, где она учится. Она там вроде мафиозного лидера в юбке, просто ужас.

Наш визит застал Дэвида в процессе поедания огромного блюда кукурузных чипсов-начос с сыром. Разогретые в микроволновке, они выглядели жирными и отвратительными, хотя сыр, похоже, был нормандским чеддером. Дэвид предложил мне угощаться, заметив мой взгляд, но я отказалась.

– В гостевой комнате белья нет, – сообщил он Финчу. – Кровати без простынок. Так что тебе с твоей девушкой остается комната Кортни. Это вторая дверь направо, если у вас случайно нет аллергии на «Доктора Кто» и прочую фигню.

Финч не поправил приятеля, когда тот назвал меня его девушкой, только кивнул.

– Супер. Спасибо тебе огромное. Ты правда нас очень выручил.

Дэвид сделал такой жест, будто скатывал наши благодарности в комок, и бросил невидимый комок в мусорку.

– Рад вас видеть, рад, что вы зашли. Хотите чипсов?

Мы снова вежливо отказались.

Какое-то время парни перемывали косточки общим знакомым из средней школы, в которую они вместе ходили, пока семья Дэвида не переехала в Бруклин. Я поглядывала в углы, где жили тени, ожидая в любой момент увидеть девушку с птичьей клеткой, юношу в кепке таксиста... Рука моя лежала на телефоне, поставленном в режим вибрации. С каждой новой минутой, проходившей в молчании, без единого слова от Эллы, пропасть под моими ногами делалась все глубже.

Я кожей чувствовала, насколько устал Финч, и едва могла скрывать собственную усталость. Наконец, когда беседу прервать было уже не очень неприлично, он демонстративно зевнул.

– Ничего, если мы пойдем и отключимся? Нам завтра довольно рано уходить.

– А куда вы собрались? Уезжаете?

Финч стрельнул глазами в мою сторону.

– Нет... впрочем, может, и да. Утром видно будет.

– Может быть, поедem на север штата, – невольно вырвалось у меня. Я тут же покраснела. Эта идея пришла из параллельного мира, в котором мама все еще жила у Гарольда, а мы с Финчем были по-настоящему вместе.

– А, понятно! Отдых на природе. Смотреть на осенние листья. Собирать яблоки. Прыгать по сну. Вырезать тыквы. Прикольные пугала, вампирские зубы из воска, вот это все!

Раньше, чем Дэвид продвинулся в своих фантазиях до рыбацких свитеров и барбекю на открытом воздухе, Финч поднялся. Они с приятелем стукнулись сжатыми кулаками, я слегка обняла Дэвида на прощание, и мы наконец пошли наверх, в выделенную нам комнату.

По дороге я заглянула в хозяйскую спальню. Огромное окно выходило на Ист-Ривер, на воде мерцали и подмигивали огоньки освещенных окон на том берегу. Запах травки, носков и клубничного освежителя воздуха указал, какая из спален принадлежит Дэвиду. Комната его сестры пахла куда лучше, хотя и несла меньше отпечатков личности хозяйки, напоминая номер в хорошем отеле. Финч нащупал выключатель и включил свет. Мы дружно уставились на стены, потом встретились взглядами и прыснули.

Прежде чем начать карьеру мафиозного лидера в школе-пансионе, Кортни отличилась в качестве фанатки. Стены ее комнаты были сплошь покрыты фотографиями из журналов, постерами с Гарри Поттером, снимками ее самой с друзьями в разных модных кафешках. Корешки билетов на бродвейские постановки высывались из-за зеркала над хлипким антикварным туалетным столиком, такой же старинный книжный шкаф наполовину заполняли раз-

ноцветные книжки в мягких обложках, наполовину – коробки с DVD. Сериал «Светлячок» стоял рядом со «Staying Fat for Sarah Byrnes», «Сверхъестественное» делило полку с «Akata Witch». Я пробежалась взглядом по полкам, почти ожидая встретить «Истории Сопредельных земель», но их там, конечно же, не нашлось.

Пол блистал чистотой, широкая кровать была застелена кремовым бельем, но из-за стен, с которых тут и там сверкали белозубые улыбки звезд и их разноцветные прически, создавалось впечатление, что в комнате бардак. Эллери, похоже, чувствовал то же самое, потому что он выключил верхний свет и зажег прикроватную лампу. Водоворот чужих лиц утонул в полумраке.

– Кто займет кровать? – спросила я. Обычно симпатичные парни вроде Финча нимало не возражали, если девчонки вроде меня спали на полу. Но всякое бывает.

Финч удивленно глянул на меня.

– Ты, конечно. Десять против одного, что здесь должна найтись раскладушка. Или по крайней мере спальник с Дорой-путешественницей.

Спальник действительно отыскался – правда, с принтом Бетти Буп, – но все равно я отдала должное проницательности Финча. Я умылась и прополоскала рот в маленькой белорозово-золотой уборной и подумала, не принять ли душ. Но мысль о том, чтобы вымыться и сразу же натянуть обратно грязную одежду, угнетала меня, так что я отправилась в постель как есть. Скользнув в уютную кровать Кортни, я под одеялом вылезла из форменной школьной юбки и аккуратно сложила ее на подушке рядом с головой.

– Выключаю свет? – спросил Финч. Он уже лежал на полу поверх спальника, не раздеваясь, подложив руки под голову.

Я кивнула, и он приподнялся, чтобы щелкнуть выключателем. Туманный свет уличных фонарей проникал сквозь окна. Где-то в доме загудел обогреватель. Меня охватило знакомое чувство ночлега в незнакомом помещении. Закрыв глаза, я на долгую-преддольную минуту позволила себе представить, что рядом с моей кроватью на полу лежит мама. Боль, окружавшая мое сердце, усилилась, острая и горячая, как сверхновая звезда, и я перекатилась на живот, чтобы спрятать лицо в подушку.

Я отлично знала, на что похожи звуки подавляемого плача в темноте – и знала, что я издаю именно их. *Если Финч попытается полезть с утешениями, я придушу его подушкой Кортни с французскими картинками.*

Но Финч не пытался. Я досчитала до десяти... до двадцати... до пятидесяти. Счет действовал на меня как новокаин, обычное дело. Наконец я снова перевернулась на спину и уставилась в потолок.

– Я не рассказала тебе кое-что важное, – произнесла я в тишине. Финч повернул ко мне голову.

– Есть еще один человек, который меня наверняка преследует.

– Кроме того парня в ресторане?

– Да. – Я помолчала, подбирая слова, чтобы история не прозвучала слишком трагически. – Когда я была маленькая, меня, хм... увез один парень. Ну, похитил. Он ничего плохого мне не делал, никак не обижал. Но я почти уверена, что недавно видела его в кафе, где я работаю.

Я была не почти, а совершенно уверена, но решила, что правильно сбавила обороты, когда Финч взволнованно сел на полу.

– Черт, ну и дела. Он что-нибудь тебе сделал?

– Нет, совершенно ничего. Даже не заговорил со мной, и близко не подошел. Я просто его видела. А потом он убежал.

Финч медленно опустил обратно на спальник.

– Он правда не... Ну, тогда, когда похитил тебя...

– Он пальцем ко мне не прикоснулся. Позвал меня к себе в машину – и я пошла. Я же была ребенком. Он мне рассказывал сказки и кормил блинчиками.

– Какие сказки? – резко спросил Финч.

– Не помню. Помню только, что мне было интересно. Он сказал, что хочет отвезти меня к Алтею. – Я подумала о вещах, которые он оставил на столе – трех предметах, лежавших сейчас у меня в рюкзаке. Перо, расческа и кость.

– Черт. А что, если он... Как он выглядел?

– Рыжие волосы, приятное лицо. Умный вид... Он похож на учителя английского, разве что без костюма. А еще он выглядит сейчас так же, как десять лет назад. Как будто у него нет возраста.

– Сопределье, – Финч так просмаковал это слово, будто оно было приятно на вкус. Я стиснула зубы и почти пожалела, что так просто выдала свой секрет.

Я поняла, что завидую ему. Завидую его ничем не осложненной любви к Алтею – он мог позволить себе это простое фанатское обожание. Зависть застряла у меня в горле, как кусок кислого яблока.

– Почему ты их любишь? – спросила я неожиданно. – Я про истории Алтеи.

Финч повозился на полу, устраиваясь поудобнее. Должно быть, там было довольно жестко.

– Ты же знаешь, как устроены волшебные сказки? – тихо начал он. – Что все они делятся на определенные типы, и при желании можно собрать десяток версий «Двенадцати танцующих принцесс» или «Сказки о заколдованном дереве» или любой другой?

Я кивнула, потому что действительно это знала. Я прочла все десятки этих версий.

– На меня это всегда действовало успокаивающе. Я любил формулы. Любил предсказуемые сюжеты. Мне нравилось, что всякий раз, возвращаясь с работы, папа целовал маму – в губы, как в сериалах. Мне нравилось, что мои будни заранее распланированы, так что я знал, что буду делать в течение дня, и нравилось читать истории, которые можно разобрать на кусочки, как мозаику, и снова собрать, и ничему не удивляться. Наверное, у меня была повышенная тревожность, потому что я любил, когда все упорядочено.

Этажом ниже работал телевизор – сквозь доски пола просачивались голоса из Adult Swim. Я могла выхватить из потока слово-другое⁷.

– Когда мои родители развелись, и отец, и психотерапевт загрузили меня книгами про детей разведенных родителей, про детей, которые злятся на весь мир, но от этого потока злобы и неопределенности мне было только хуже. Я тогда совсем пал духом – жизнь отстой, хуже некуда и все такое. Ха-ха, мироздание тут же сказало «Давай поспорим», и она – моя мама – умерла. Покончила с собой.

Я знала, к чему идет разговор, но все равно эти слова были для меня, будто удар по голове. Я лежала неподвижно и очень тихо, потому что не представляла, что тут можно сказать.

Финч перевел дыхание и продолжил тем же мягким голосом.

– Все мои друзья не знали, о чем со мной говорить, отец не знал, что со мной делать, так что я практически остался наедине с книгами. Но мне не нужно было чувствительное дерьмо, которым меня пичкал психотерапевт, чтобы я «не чувствовал себя таким одиноким». Я хотел этой отстраненности. Этого беззаботного голоса сказочника: «Вот тебе мясо-кровь-кишки и гребаный хеппи-энд под конец». Но жвачка из Эндрю Лэнга меня больше не устраивала. И тогда мне в руки попала книга Алтеи. Совершенно то, что надо. Никакой морали. Просто жестокий, жуткий, полный прекрасной магии мир, где происходят ужасные вещи. И происходят не по какой-то причине, не своим чередом, не справедливости ради. Они просто суще-

⁷ Adult Swim – блок на телеканале Cartoon Network, работающий с 23:00 до 6:00 по восточному времени и транслирующий мультсериалы и шоу для взрослых.

ствуют в пространстве, где нет никаких правил и в них нет нужды. И в голосе автора – голосе твоей бабушки – нет ни тени гребаной жалости. Она просто выступает как военный корреспондент, совершенно беспристрастно.

Он перевел дыхание, как будто собирался сказать что-то еще, но надолго замолчал.

– Твой отец был прав, предлагая тебе другие книги, – сказала я наконец. – Пусть даже ты их ненавидел.

Он невесело хмыкнул.

– Это твой единственный вывод из моей истории?

– Нет. Просто я... Я потратила слишком много времени на свою одержимость Алтеей. На подготовку к встрече с ней. Я перечитала тонны волшебных сказок, чтобы впечатлить ее, когда мы наконец увидимся. Но она ни разу не позвонила, не искала нас, ей было на нас плевать. И вот теперь она мертва. – Я никогда не проговаривала всего этого вслух, и сделать это теперь было, как излить наружу давний яд. – Какую-то часть меня навсегда определило ее... ее отсутствие, а теперь, когда она умерла, меня преследует ее творение.

– Ты правда думаешь, что она что-то сотворила?

– Конечно. Что ты хочешь сказать?

Он помотал головой, сидя на полу в своем спальном мешке.

– Я же говорил тебе – она как военный корреспондент. Она не творит, а просто описывает что-то, что уже существует. Я долго думал, что это все метафоры, не более того, пока не увидел Дважды-Убитую Катерину своими глазами. – Он помолчал. – И, Алиса, ты никогда не думала...

– О чем?

Он снова покачал головой.

– Да нет, неважно.

– Важно. Прекрати так делать. Что ты собирался сказать?

Когда он снова заговорил, голос стих почти до шепота.

– Ты никогда не думала, что им нужна не твоя мама? Что это ты – цель, а она – наживка?

– Тогда бы они могли просто похитить меня саму. Без особого труда.

– Так тебя *уже* похищали – тот человек был из Сопредельных, ты сама знаешь. Может, что-то изменилось, когда ты повзрослела. Может, теперь ты должна прийти туда по собственной воле.

– Даже если ты прав, – медленно сказала я, – это ничего не меняет. Они хотят чего-то от меня добиться? Они нашли безотказный способ. За своей мамой я готова пойти в ад, если понадобится. Она бы сделала то же самое для меня.

Да, она бы сделала. Под хрупкой оболочкой красоты, под обаянием личности Эллы всегда таился стальной стержень. Она была как клинок, скрытый в середине букета орхидей. Я надеялась всей душой, что ее похитители, кто бы они ни были, здорово ее недооценили.

Финч вздохнул о чем-то, чего я не понимала.

– Ладно, попробуем уснуть. Завтра нас ждет долгий день.

Множество вопросов вертелось у меня на языке.

Почему ты мне помогаешь? Думаешь, у нас есть надежда ее найти? Неужели это правда была Дважды-Убитая Катерина?

Но Финч повернулся ко мне спиной и ровно задышал. Лунный луч прочерчивал дорожку от его макушки – вдоль по спине. Чем дольше я на это смотрела, тем сильнее мне казалось, что свет разрезает его надвое, и сквозь разрез на коже видно нечто сияющее.

Я перекатилась на спину и закрыла глаза, но сон не приходил ко мне очень долго.

12

Мне не приснилась Дважды-Убитая Катерина, хоть я этого и боялась. Мне приснилась моя мать. Во сне я вернулась в тот давний день, когда я осознала, что мы постоянно переезжаем не для развлечения и не потому, что маме не сидится на месте. Что она устраивает эти переезды не из вредности и не из суеверных страхов, просто потому что ей не понравилось, как незнакомая старуха в автобусе задержала руку у меня надо лбом, рисуя в воздухе спираль, прежде чем выскочить на ближайшей остановке.

Мне было десять, и это был наш второй переезд менее чем за восемь месяцев. Тем утром я проснулась на своей раскладушке рядом с кроватью Эллы от того, что мне странно стянуло кожу головы. Проведя рукой по волосам, я обнаружила, что они все заплетены в тоненькие, очень плотные косички. Твердые косички короной окружали всю мою голову. При этом я отлично помнила, что засыпала с распущенными волосами, еще влажными после мытья.

– Мам, – позвала я, ощупывая свою плотную корону. – Кто это сделал с моими волосами?

Элла перекадилась на бок и сонно поморгала. После чего глаза ее сфокусировались, и они сразу наполнились страхом и яростью, быстро переродившимися в нечто еще худшее – в безысходность.

– В школу ты сегодня не идешь, – отрезала она, вскакивая с кровати и прямым бросаясь к шкафу, чтобы вытащить дорожный чемодан.

Меня ударило гневом, как молнией. Пока она стремительно распахивала по коробкам наши кухонные принадлежности, я вооружилась ножницами и порезала штанины всех ее джинсов у самых шаговых швов в знак протеста – я не желала покидать город именно в тот день, когда наш классный руководитель собирался принести в школу рахат-лукум и угостить учеников.

Только в машине, когда я сидела на переднем сиденье разбитая, как обломок кораблекрушения – я так всегда чувствовала себя после вспышки гнева, – я наконец сказала матери о сладости, которой мне теперь не попробовать.

– Рахат-лукум совсем не такой вкусный, как ты думаешь, – ответила она, пока бунгало, в котором мы провели последние полгода, уменьшалось в зеркале заднего вида. – Он похож на куски мела с цветочным запахом. Тебе бы не понравилось.

– Ты врешь, – пробормотала я, отворачиваясь к окну.

Элла ударила по тормозам, и машина встала на середине дороги.

– Эй.

Горячность ее голоса заставила меня обернуться.

– Мы с тобой никогда не врем друг другу, ты и я. Ты не забыла?

Я передернула плечами и кивнула. Взгляд Эллы был слишком пристальным – и глаза покраснели в уголках, как будто она терла их после нарезки перца халапеньо.

И тут мой маленький эгоистический детский мир расширился в мощной вспышке: я поняла, что мама тоже не хочет уезжать. Она только недавно купила и повесила занавески на окна бунгало и починила расшатанный потолочный вентилятор.

Я сохранила это откровение в памяти и отложила его на вечер, чтобы как следует обдумать. Чем я и занялась той же ночью в номере мотеля – вертела эту новую мысль в уме на все лады, как отполированный камешек в пальцах, пока Элла тихо посапывала на соседней кровати.

Все это пугало меня, но одновременно и сближало с матерью. Мы как будто стояли по двум сторонам разлома, вглядываясь друг в друга. А потом я осознала кое-что еще очень простое, однако это простое откровение изменило все. Оно сдвинуло мир так, что мы оказывались по одну сторону пропасти. С одной стороны – мы, с другой – остальной мир.

И вместе с этим подспудно присутствовал страх, что именно я виновата в том, что мы вынуждены вести такую жизнь. Элле было легко любить – красавицу с темными непослушными волосами, обрамлявшими ее лицо как языки пламени, с нежным, чуть сипловатым голосом, скрывавшим яркое чувство юмора и безошибочный нюх на все смешное. Не то, что меня – я была раздражительной, подверженной приступам ярости, и неоднократно слышала от разных людей, что у меня бешеный взгляд. Если кто-то из нас двоих и был магнитом, притягивающим злую судьбу, то это, несомненно, я.

Этот страх долгие годы заставлял меня молчать, не давал задать вопрос – почему? Я слишком боялась услышать, что причина во мне.

Сон восстановил тот тяжелый день в ярких красках, а потом выцвел и перешел в тяжкую, беспокойную дрему. Я закрыла глаза при лунном свете – а когда открыла их, передо мной выплыл освещенный солнцем коллаж с Лином-Мануэлем Мирандой. На полу рядом с кроватью было пусто, экран телефона тоже пустовал – ни пропущенных звонков, ни сообщений от Эллы.

Однажды мне приснился сон, в котором я блуждала по пустому дому, переходя из комнаты в комнату в поисках мамы. В каждой комнате мне казалось, что она только что отсюда вышла, в каждом коридоре еще звучало эхо ее голоса, но саму ее я не могла найти. Теперь я чувствовала себя так, будто поселилась в этом сне.

Я пригладила волосы, вытерла губы и натянула школьную юбку, не вылезая из-под покрывала. Потом я попробовала восстановить совершенный порядок белья на кровати Кортни и пошла в ванную. Кое-как почистила зубы уголком гостевого полотенца. Волосы у меня торчали в разные стороны, так что я просто сунула голову под кран и окатила ее водой.

Внизу в широкой кухне-студии я застала Финча, сидевшего за ноутбуком, и Дэвида, который заливал кипятком в кофеварку.

– Ты проснулась! – голос Финча звучал так, будто он вдохнул гелия. – Я нашел! Нашел экземпляр «Историй Сопределья»!

Я взглянула на него с подозрением.

– Ты хочешь сказать, что просто нашел книгу где-нибудь на *eBay*?

– Этот экземпляр здесь, в Нью-Йорке, и мы можем забрать его прямо сейчас.

Вдоль моего позвоночника пробежала дрожь – одновременно и страха, и восторга.

– Не может быть! – я плюхнулась на табуретку рядом с ним. – Но как?

– Я обзвонил всех продавцов редких книг в городе. Не в первый раз, если честно, но в первый – с ненулевым результатом.

– Надеюсь, вы едите скандинавские тосты без вредных биодобавок, – сообщил Дэвид, ставя перед нами блюдо с какими-то странными черствыми черными хлебцами, – потому что это все, что у нас есть.

Я была слишком возбуждена, чтобы есть, и из-за этого выпила больше кофе, чем следовало, и из-за этого еще больше возбудилась. Но мне было плевать. Еще чуть-чуть – и у меня в руках будет книга, которая меня преследует. Возможно, даже в прямом смысле этого слова.

К тому же кофе отлично отвлекал от неприятного подозрения, что все как-то слишком легко получается на этот раз. Что неожиданная удача может легко обернуться ловушкой.

Я полоскала свою чашку в большой раковине, когда в окно ударилось что-то черное. Я подпрыгнула на месте: это была большая встрепанная черная птица, которая отлетела назад от удара о стекло, но снова упорно бросилась на него.

– Эй! – Дэвид бросился к окну, о которое продолжала биться птица – всполох черных перьев. – Стоп! Чувак, ты так поранишься!

Он хлопнул ладонью по стеклу, но отшатнулся – птица колотилась о преграду как безумная.

В клюве у нее что-то было. Я разглядела форму этого предмета – привычный светлый четырехугольник, при виде которого у меня засосало в желудке.

– Черт возьми, ребята, – Дэвид обернулся к нам, лицо его вытянулось. – Как вы думаете, может, эта тварь слепая? Или что это с ней? Может, мне стоит впустить ее внутрь?

– Не надо, – быстро сказала я. – Пожалуйста.

Дэвид нахмурился, но не двинулся с места. Мы молча смотрели, как птица колотится об оконную раму из последних сил, прежде чем упасть куда-то вниз и исчезнуть из вида. То, что она держала в клюве, зацепилось за край рамы и повисло. Я осторожно открыла заляпанное птичьей кровью окно и подхватила конверт раньше, чем он упал следом за птицей. На нем торопливым почерком было нацарапано мое имя.

В конверте оказалась еще одна мягкая, истрепанная страница с рваным краем. Я вытащила ее так, чтобы прочесть верхние строчки:

Дверь, которой не было

Ханса-Страница

Механическая невеста

– Что это за фигня? – выдохнул Дэвид у меня за плечом. – На конверте ведь твое имя? Это что, письмо для *тебя*?

Вкус кофе у меня во рту был горелым и сухим. Финч хотел поймать мой взгляд, но я не могла смотреть ему в глаза.

По дороге к метро мы не разговаривали. Я была словно парализована и одновременно лишена кожи, с нервными окончаниями, открытыми холодному осеннему солнцу. Я не дала Финчу вызвать такси, опасаясь того, кто мог сидеть за рулем. Книжный магазин был от нас неподалеку, если ехать в Гарлем напрямую, но на метро путь оказался долгим и запутанным. Такие поездки на общественном транспорте вызывают подозрения, что злые силы пытаются

не пустить тебя к цели, даже в те дни, когда у подобных мыслей нет никаких оснований. В отличие от сегодняшнего дня.

Магазин находился в дальнем конце улицы с уютными особнячками; он занимал нижний этаж одного из них. Его вывеска напомнила мне старомодную кондитерскую: «У-м Перкс. Стар. книги и проч.», – было выведено затейливым почерком.

– Как думаешь, он платил художнику вывески за количество букв?

Это были первые слова, которые произнес Финч с момента нашего выхода из дома. Если не считать, что он сказал «Туда», тронув меня за локоть, когда мы вышли из метро. Я попробовала сложить губы в улыбку. Передо мной еще стояли пустые черные глаза птицы.

Финч позвонил в звонок у стальной двери. Через полминуты мы услышали, как с той стороны кто-то отпирает один за другим множество замков.

Человек за порогом внешним видом больше напоминал букмекера, чем букиниста. Он был в потрепанном коричневом костюме, с ярко-желтым галстуком. За воротник у него была заткнута салфетка, испачканная чем-то, похожим на соус барбекю.

Он подозрительно сощурился при виде Финча – взлохмаченные волосы, незастегнутая куртка, одна рука нервно протянута для рукопожатия.

– Это вы Эллери Финч? – спросил он, двигая одной стороной рта, как будто пытался толкнуть нам косячок в Томкинс-сквер-парке.

– Да, я. Уильям Перкс?

Желтый галстук согласился и наконец взял ладонь Финча в свою, дважды неубедительно ее встряхнув. Я тоже протянула ему руку, но взамен пожатия он ее поцеловал. Я справилась с порывом вытереть ее о подол своей мятой школьной юбки.

– Заходите, заходите. Можете ли поверить – книгу, которую вы ищете, я получил только сегодня утром! Я, конечно, знал, что она у меня не задержится, что коллекционеры вот-вот появятся на пороге – это первый экземпляр, который ко мне поступает, и всего второй, который я вообще видел в жизни. Будь я проклят, если он не превосходного, не высшего качества!

Его скороговорка звучала, как у аукциониста на деревенской ярмарке, но, по крайней мере, он не обращался с нами как с детьми. Я ожидала увидеть аккуратный маленький книжный магазин с кожаными корешками по стенам, слегка похожий на библиотеку Финча, и удивилась, увидев безумный лабиринт книг. Стеллажи были повсюду, они начинались в паре ярдов от двери, стояли под всевозможными углами, кое-где прерываясь высоченными стопками томов, поднимавшихся прямо с пола. В комнате пахло клеем, бумагой, звериным запахом пергамента. Плюс барбекю. Перкс подвел нас к стеклянному шкафу у дальней стены, полному распахнутых книг, похожих на мертвых бабочек. Финч нахмурился.

– Это вредно для корешков, – прошептал он себе под нос.

– Итак, я собираюсь как следует вымыть руки, а потом выдать вам то, что вы ищете, – Перкс сложил руки на груди, манерно откланялся и вышел из комнаты.

– Ты веришь, что он правда получил книгу сегодня утром? – тихо спросила я Финча.

Он пожал плечами.

– С нами случались и более странные вещи. Я имею в виду, в последнее время.

Перкс вплыл обратно в комнату раньше, чем я успела ответить. Мне казалось, он так же спешит избавиться от книги, как мы – ее приобрести.

И я была права – хотя и не по той причине, по которой я думала.

– Ну, вот она, – ласково сказал Перкс, вынимая книгу из бумажного пакета.

От одного вида зеленой кожаной обложки с тускло-золотым тиснением у меня перехватило дыхание. Наконец-то книга у меня – мягкая, манящая, идеального размера для того, чтобы держать ее в руках.

Перкс рассмеялся, увидев выражение моего лица.

– Я думал, вы зашли просто за компанию. Но, похоже, именно вы и есть покупательница.

– В книге есть недостающие страницы?

Букинист придал лицу выражение смертельной обиды.

– Ни единой.

Я слегка расслабилась.

– Вы правда получили ее только сегодня?

– Так и было, и меньше чем через час мне уже позвонили вы. Вам, наверное, это покажется странным, – но поверьте, в книжном бизнесе привыкаешь к таким кармическим моментам. Книжки хотят, чтобы их читали, и чтобы их читали правильные люди. Так что ничего удивительного тут нет, по крайней мере, для меня.

– А кто вам ее продал?

– Человек, который сказал, что приобрел ее на распродаже имущества одного особняка.

Но проверять историю каждого приобретения мне не под силу.

– А как выглядел продавец? – спросил Эллери.

Скажите же, что у него были рыжие волосы.

Перкс поразмыслил над ответом.

– Молодой человек, почти что вашего возраста. Белый, темноволосый, такой продаст вам вашу родную мамочку. И еще он был... – букинист задумался, переводя взгляд с Финча на меня.

– Он был – какой?

– Странненький. Какой-то неубедительный. Как будто немного вне времени.

– Что вы имеете в виду?

Должно быть, мой голос звучал тревожно, потому что Перкс выставил перед собой раскрытые ладони и обезоруживающе улыбнулся.

– Сейчас это модно – выглядеть как герой старого фильма. Бруклинский стиль, девушкам вроде вас такое нравится. – Он постарался снова обратить наше внимание на книгу. – Хотите взглянуть поближе?

Чего я действительно хотела – так это убедиться, что парень, продавший Перксу книгу, – тот самый, который поджидал меня около школы, а потом в ресторане. А еще – не тот ли это экземпляр книги, который я видела в нашем кафе в руках рыжего мужчины.

Перкс натянул белые перчатки, которые придали ему сходство с поддельным Микки-Маусом.

– Переплет практически в идеальном состоянии, – он ловко перевернул книгу несколько раз. – На страницах никаких пятен. Краски немного выцветшие, конечно, но этого следовало ожидать.

Когда он открыл книгу, от ее страниц поднялся аромат – уютный запах старой печати и еще что-то, неуловимое и нежное. Вот только что оно было – и уже рассеялось. Глубоко внутри часть меня, томившаяся давней жадью, хотела верить, что это запах духов Алтеи.

– Первый тираж этой книги был достаточно маленьким, как вам, наверное, известно, – начал было Перкс. И тут же запнулся, когда книга раскрылась на страницах, между которыми лежал полароидный снимок. Он был перевернут, так что мы увидели только его белую изнанку.

Продавец усмехнулся.

– О, не заметил раньше. Вы не поверите, что за вещи порой можно найти в старых книгах. Если находится фото, то десять против одного, что это окажется фото *с претензией*, если вы понимаете, о чем я. Юной леди лучше на всякий случай отвернуться.

Он перевернул снимок своими микки-маусовскими пальцами и поднес к глазам. И нахмурился. И быстро перевел глаза со снимка на нас, а потом обратно на снимок. И наконец бросил фотографию на стол перед нами.

– Что это, черт возьми, такое?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что я вижу. Это была наша фотография.

Фото меня и Финча, лежащих рядом в комнате Кортни – я на кровати, он на полу. Судя по углу съемки и по робкому, неяркому свету, снимок был сделан сегодня рано утром кем-то, стоявшим у нас в ногах. Мы оба были сняты спящими – Эллери прикрывал локтем глаза, я положила сложенные руки под щеку.

Кровь моя мигом превратилась в ледяную воду. Кто-то был рядом с нами, когда мы спали, кто-то смотрел на нас.

Финч был первым, к кому вернулся голос.

– Сэр, мы даже не представляем, как это...

– Я так не думаю. Что это за чертовщина? Вы сказали своему дружку продать мне книгу, а затем сами явились ее покупать? Это воняет, как тухлая рыба. – Перкс поспешно подхватил «Истории». – Может, это вообще не настоящая Прозерпина?

– Пожалуйста, – сказала я, собственный голос казался мне чужим. – Я никогда в жизни не видела этого фото, клянусь, пожалуйста, просто продайте нам книгу.

Перкс судорожно замотал головой.

– Мне все это крайне не нравится. Либо вы сговорились с продавцом, либо еще что-то, но в любом случае выметайтесь-ка поживей из моего магазина.

– Погодите, мы же хотим вам заплатить, – Финч вытащил бумажник и раскрыл его. – Цена та, которую вы озвучили по телефону, и еще сверх того за беспокойство. У меня есть пустой чек, мы можем дожидаться, пока вы его обналичите.

Лицо старого букиниста опасно побагровело.

– Прежде всего, мне не стоило покупать эту чертову книгу – только не у того маленького пройдохи. Мне хотелось поскорее от нее избавиться, но теперь мне наплевать. Знаете, что стало с первым экземпляром, который я встретил? Он сгорел. Вместе с машиной моего друга. И подожгли ее наверняка ребята вроде вас.

– Но сэр, – возразил Финч, – мы же пытаемся ее *купить*!

– Я лучше спишу эту книгу в непредвиденные расходы, – Перкс швырнул снимок Финчу и затолкал «Истории» обратно в пакет. – Убирайтесь! И даже не думайте вернуться и попробовать ее украсть! Через час ее уже не будет в моем магазине. Пусть с проклятой книжкой разбирается кто угодно еще.

– Вы думаете, она проклята? – спросила я, и Перкс посмотрел на меня почти с жалостью.

– Ты кажешься милой девочкой, – он с сожалением покачал головой. – И почему только милые девочки так часто связываются с грязными типами вроде него? Никогда этого не понимал.

Он был не очень-то высоким, и на один безумный момент я всерьез подумала о том, чтобы отшвырнуть его с пути и забрать книгу силой. Но пока я собиралась с духом, он успел вытолкать нас за порог.

– Ч-черт, – выругался Финч, когда за нами захлопнулась дверь. – Надо было ее просто схватить и бежать. Почему я этого не сделал?

– Я тоже об этом думала.

Кто-то был в комнате сегодня утром.

– Но, Господи, кто же нас сфотографировал? – Финч пораженно смотрел на смятый полароидный снимок у себя в руке.

– Дэвид точно не мог?

Кто-то стоял у нас в ногах, пока мы спали.

– Дэвид? Да ему едва хватает мозгов, чтобы надевать по утрам штаны. Спланировать такой мозговывнос ему не под силу.

Мы шли по улице обратно и оба постоянно тревожно оглядывались, уже не пытаясь это друг от друга скрыть.

– Кто-то проник в дом, сфоткал нас, положил снимок в книгу, потом продал ее этому дядьке... чтобы он мог продать ее нам. Зачем это все? Почему нельзя просто...

– Просто встретиться с тобой?

Волосы Финча, казалось, за последние пару минут стали длиннее на дюйм. Очевидно, они распрямлялись от стресса.

– *Забрать* меня. Как забрали мою маму. Просто увезти меня и все.

– А может... – он сложил перед собой ладони, как Шерлок, и выдохнул: – может, тут работают сказочные законы.

– Например?

– Например, они не могут к тебе прикоснуться. Потому что ты – внучка Алтеи! – лицо Финча засветилось вдохновением. – Может, раз в твоих жилах течет ее кровь...

– Финч, я не фанатская теория, а живой человек! К тому же они смогли забрать Эллу. А в ней больше крови Алтеи, чем во мне.

Я резко отвернулась – просто не могла больше на него смотреть. День был очень яркий, и все вокруг пульсировало угрозой. Мой взгляд наткнулся на фигурку на другой стороне улицы – девочку в длинной деревенской юбке, прогуливавшую на поводке толстобрюхую свинью. По эту сторону навстречу нам шагал мужчина в бейсболке с букетом белых роз в руках. Когда он подошел ближе, я заметила на цветах фальшивые капли росы. Из окна второго этажа ближайшего дома на нас смотрела старуха с выступающей верхней челюстью; ее лошадиный оскал явно говорил нам держаться подальше от ее газона. Парень с цветами держал в другой руке камеру. Девочка со свиньей внимательно смотрела на меня, отцепляя поводок. Мужчина поднял камеру на уровень глаз.

Всё это было Сопределье. Все, все эти существа вокруг нас – Сопредельные.

Голова моя взорвалась от острой боли, отдававшейся в зубы и в костяшки рук. Колени у меня подогнулись, как у пьяной. В лицо мне снова пахнуло пыльным ароматом книги, мир перед глазами зашатался – и его заслонило черное вороново крыло.

13

Иногда меня пугало то, как мало я могу вспомнить. Когда я оглядывалась на свою жизнь, она сливалась в единственный длинный, размытый кадр дождя, стекающего по ветровому стеклу. Однажды я попробовала сфокусировать взгляд – и различила в этом потоке отдельные капли. Стоило сместить фокус, и становилась видна мокрая автострада за окном. Что-то говорили моему сердцу и запоминались не дома, в которых мы жили, а именно промежуточные места – автострады, грязные проселочные дороги, заправочные станции. Мотели с теплой стоячей водой в бассейнах, где плавали опавшие листья. Фруктовый сад, в который мы заехали как-то по пути в Индианаполис, чтобы набрать поздних яблок с бананово-цветочно-конфетным вкусом.

Своя собственная жизнь запоминалась мне хуже, чем прочитанные книги. Нэшвилл был городом Франчески Лии Блок. В Мэне был «Питер Пэн», потом «Питер Пэн в Кенсингтонском саду», потом – «Питер и ловцы звезд». От зимы, проведенной в Чикаго, где Элла работала смотрительницей и заодно помощницей костюмера в крохотном театре, у меня в памяти остались «Глубокий сон», «Тысяча и одна ночь» и простуда, такая сильная и постоянная, что она казалась не болезнью, а своего рода личностью.

Но всякий раз, когда мы откуда-нибудь уезжали, я чувствовала, что все произошедшее в этом городе стирается начисто – и остаемся снова только я и Элла, наши ссоры и разговоры и наши бесконечные дороги. Я записывала города и даты на уголках книжных обложек и теряла книги по пути. Может, это голос мамы шептал мне в ухо: «Не следует ничего запоминать. Злая судьба не последует за нами в наш новый дом». А может, мы просто разрывали все связи и никогда не оглядывались назад, чтобы каждый раз начинать с чистого листа.

Но я не думала, что дело в этом. Дело было во мне. Мой разум был истертой кассетой, на которую постоянно что-то записывали поверх старой записи. Иногда прорывались отдельные призрачные ноты прежней музыки. Иногда я размышляла, что это могла быть за музыка, как могла выглядеть изначальная запись меня. И боялась, что она была темнее, чем мне хотелось бы. Боялась также, что ее и вовсе не существовало. Я была как воздушный шарик, привязанный

к запястью Эллы: без ее постоянных напоминаний, кто я такая и почему это имеет значение, я бы улетела в никуда.

Потеря сознания ощущалась ровно так: сдаться, позволить себе улететь в небо. Даже головная боль тут же угасла.

Но сила притяжения осталась. Мир не отпускал меня.

Голос звал снова и снова, вызывая меня из небытия. Зрение вернулось фрактальным водоворотом спиралей и сгустков, пока наконец не сложилась осмысленная картинка. Кто-то низко склонился надо мной. Солнце было у него за спиной, так что давало рассмотреть только темный силуэт. Моя рука была тяжелой, как мешок мокрой муки, но я все равно подняла ее, чтобы коснуться солнечного нимба волос этого человека. Тот замер, пока мои пальцы ласково сбегали по его теплой шее.

– Мама? – прохрипела я.

– Нет... прости.

Голос Финча был тихим и ласковым. Он вернул мне память, и я уронила руку, сжимая ее в кулак.

– Ты потеряла сознание, – объяснил он.

Спиной я прислонялась к каменной ограде садика перед одним из особняков. Свет изменился – стал жарче, более золотым. Еще пара моих попыток заговорить оказалась неудачной, но наконец я выдавила:

– Что это было?

Финч смотрел на меня с выражением, которое я не могла однозначно истолковать. Лицо его напоминало Эллу после того, как она однажды наелась печений с травкой и повела меня на шоу в планетарий: такие же расширенные и восторженные глаза. Он выглядел... пораженным, но в хорошем смысле этого слова.

Наверное, я ошибалась: вряд ли я без сознания представляла собой такое восхитительное зрелище. Я долго смотрела ему в глаза, и сияние в них постепенно погасло.

– Ты ненадолго отключилась, – сказал он. – И не ушибла голову – так что все будет в порядке. Просто нужно скорее что-нибудь съесть.

– Девочка, – сказала я. – Со свиньей. И парень с камерой. Где они?

Он слегка нахмурился.

– Не знаю, не видел. Я был занят тобой и мог их не заметить.

Улица была пуста, но я все еще чувствовала на себе внимательный взгляд.

– Я тебя подхватил, но не успел совсем вовремя, – сказал Финч. – Так что ты немного поранила колени.

Боль – это было хорошо. Она помогала сосредоточиться на чем-то и не уплывать. Тело мое было тяжелым и неподатливым, как после долгого сна, когда ты толком не понимаешь, какой сегодня день, и без причины хочешь плакать. Мне была нужна моя мама – я хотела к ней, как невозможно хотеть ничего другого на свете. Эта первичная острая нужда делала меня одинокой и потерянной в холодном и страшном мире, иголкой в стог сена. *Я хотела к маме.*

– Мы должны идти. Нужно выбираться отсюда.

– О'кей, – он поднял руку, как будто хотел погладить меня по щеке, но постеснялся и только взъерошил себе волосы. – Как только ты сможешь подняться, мы идем. Можешь встать?

Я могла. Ноги у меня затекли, так что при движении в них вонзились сотни ледяных иголок, к тому же болели свежие ссадины.

Мы двинулись вперед. Отголоски мигрени отдавались в моих глазных яблоках всякий раз, когда взгляд падал на освещенную солнцем поверхность. Финч заметил, что я морщусь от боли, покопался в сумке, выудил оттуда потрепанную кепку с эмблемой «Rangers» и надел ее мне на голову.

Этот жест вполне сошел бы за легкий флирт – такое я постоянно замечала за парнями, даже в Уайтчепеле – но пальцы Финча были легкими, а взгляд – непростым. Когда тень козырька заслонила от солнца мои глаза, мысли начали проясняться. Кого я на самом деле видела на тротуаре возле магазина Перкса? Студента-фотографа. Девочку с несколько необычным питомцем. Это не территория Дважды-Убитой Катерины, это просто паранойя.

Приступ паранойи, настолько сильный, что я даже потеряла сознание. Вот бы Одри посмеялась, увидь она, как я отключаюсь прямо на улице – и меня ловит в падении Эллери Финч!

– Одри, – произнесла я.

– Что – Одри?

– Она остановила своего отца – то есть он на самом деле наверняка не хотел меня пристрелить, – но все-таки она остановила его. Может, если я позвоню и застану ее одну, она сможет мне что-нибудь рассказать.

Я потянула Финча в сторону ближайшей кафешки и жестом попросила его зайти внутрь и оставить меня ненадолго. Мой телефон почти разрядился, но я все равно в тысячный раз набрала номер Эллы, пользуясь тем, что Финча нет рядом, и приготовилась снова прослушать сообщение ее голосовой почты.

Но не услышала его. Вместо того в трубке повисла долгая пауза, за ней последовал щелчок, и сердце мое заколотилось где-то в горле. Потом механический голос сообщил, что этот номер больше не обслуживается.

Я тяжело оперлась на стояк пожарного гидранта, надвинув кепку еще ниже на лоб, чтобы козырек скрывал лицо. Я уже знала, что Сопредельные могут проникать туда, где я сплю, подбрасывать мне пугающие снимки и заставлять ворон служить себе почтальонами. Но отключение номера моей матери – это было чем-то настолько конкретным, укорененным в реальности, что напугало меня едва ли не больше всего остального.

Наконец, когда сердце мое перестало бешено колотиться, я позвонила Одри и была настолько готова услышать ее голосовую почту, что онемела от удивления, когда Одри мне ответила.

– Алиса?

– Одри! Ты взяла трубку.

– Ох, Господи, я до сих пор не могу поверить, что папа угрожал тебе пистолетом! – она говорила быстро и суматошно. Я легко могла представить ее лицо, накрашенное и взволнованное, в рамке аккуратно уложенных волос.

– Одри, у меня телефон разряжается. А мне нужно срочно узнать от тебя, что случилось с мамой.

– Я должна была тебе еще вчера вечером позвонить, но не могла отделаться от отца. Он этот пистолет последние сутки из рук не выпускает. Спорим, что еще немного – и он нечаянно отстрелит себе яйца.

Я была рада слышать, что она разговаривает почти как прежняя Одри, но времени на пустую болтовню у меня не было.

– Одри, пожалуйста, сосредоточься. Что с моей мамой?

– Ох, прости. Извини. Я до сих пор не в себе. Мы сейчас на пути к нашему дому в Хэмптонс... упс, так, я тебе этого не говорила. Мы остановились пообедать, и я в уборной. Я только что съела ролл с лобстером, в котором не меньше девятисот калорий. Наверно, это шок так действует?

Я так крепко сжимала телефон, что его края глубоко врезались в ладонь.

– Одри, моя мама.

– Господи, извини еще раз! Значит так, после обеда я забежала домой, потому что, ну, мне было надо...

Одри никогда не ходит в школьный туалет по-большому. Не спрашивайте, откуда я это знаю.

– В общем, я только вошла и сразу почувствовала этот ужасный запах. Ну, ты его помнишь. Я сперва думала, что Надя забыла вынести помойку...

Я невольно сделала свободной рукой жест «ну же, скорее к делу», хотя собеседница и не могла меня видеть.

– Потом я услышала ссору – и подумала, ну, пустяки, ведь сегодня практически день развода. Но звуки были странные, Элла так никогда еще не делала – это было истерическое причитание, вроде того, извини, но ровно так оно звучало. И она все повторяла: «Прошу вас, прошу вас». Тогда я и подумала, а вдруг она разговаривает с кем-то еще?

Волоски у меня на шее стояли дыбом. Я невольно схватилась рукой за живот, который от страха скручивало холодной болью.

Одри продолжала – никогда еще ее голос не звучал так подавленно.

– Я пошла в их спальню. Там стоял папа, бледный, как смерть, у него был просто ужасный вид – как будто ему дали по голове. А твоя мама валялась на полу, вся скорчившись. И над ней стояли эти... эти двое.

– Два человека?

Голос Одри давал тонкие трещины.

– Не уверена. Не знаю. Алиса, они выглядели как люди, но, может, были и не люди вовсе. Они были целиком... неправильные. Такие, как не должно быть. У мужчины все лицо в татуировках, здоровенный мачо. Но его ноги – они были босые и все в грязи, просто гадость. И пахло от него так мерзко, что я думала, умру от этой вони. А женщина с ним... ее глаза... – Одри замолчала. Я услышала в трубке щелчки зажигалки и ее прерывистый вдох, прежде чем она снова заговорила. – Твоя мама... думаю, она их *знала*. Они сказали папе что-то про нее – он не говорит мне, что именно, но точно что-то очень плохое. Такое, что он сразу ее возненавидел.

– Одри, у меня телефон почти умер. Куда они ее увезли?

Секунда молчания, пока она обдумывала ответ, была для меня очень мучительна.

– На самом деле я не знаю. Сперва мы были в спальне, и я очень испугалась, а потом мы уже оказались в машине. В шикарной машине с зеркальными стеклами. Наверное, я отключилась ненадолго или что-то в этом роде. Те мужчина и женщина сидели спереди, а сзади – мы трое. По папе пот тек ручьями, я боялась, что у него будет сердечный приступ, а твоя мама держалась молодцом. Реально молодцом, Алиса. Она выглядела *сильной*. Больше не плакала, сидела прямо и смотрела перед собой. Потом они остановили машину и выпустили нас с отцом – это было какое-то дерьмовое предместье в Бронксе, мы сто лет не могли поймать там такси обратно – а ее оставили. И она улыбнулась мне. А, черт, она же просила передать тебе кое-что. Не знаю, что это значит, но может, ты поймешь. Ты меня слушаешь?

– Да, Одри, да! Что она сказала?

– «Передай Алисе, чтоб она держалась подальше от Орехового леса».

Я изо всех сил вжимала телефон в ухо, как будто это могло помочь мне понять, что происходит.

– Она не объяснила, почему? Она вообще что-нибудь еще сказала? Ты заметила, куда поехала машина?

Я кричала в трубку – так громко, что мужчина, сидевший на уличной скамейке, с неприязнью на меня косился. Еще одна секунда молчания – и затем невнятное бормотание с джерсийским акцентом, которое мог издавать только Гарольд.

– Папа, это женский туалет! – вскрикнула Одри в трубке. – Я говорю с Оливией!

Голос Гарольда стал громче, и телефон запищал мне в ухо – это Одри, спеша оборвать звонок, нечаянно нажала несколько кнопок. Наконец соединение разорвалось. Я не хотела

навлечь на нее неприятности, но не могла не попробовать перезвонить ей еще раз. На этот раз я слышала голосовую почту.

Она больше не плакала. Она выглядела сильной... По рассказу Одри Эллы выглядела как пленный генерал, которого везут к месту казни. Даже ее послание мне звучало как последняя воля.

Дверь кафешки раскрылась, и на улицу вышел Финч, неся две бутылочки воды и бумажный пакет. Я коротко передала ему слова Одри и прямо на улице села на корточки, уткнувшись в свои разбитые колени.

– Ну что ты... – Финч положил руку мне на голову и некоторое время не убирал ее. Я зажмурилась, сосредоточившись на железистом запахе ссадин и на теплом острове ладони, лежавшей у меня на волосах.

Через минуту-другую Финч обхватил меня за плечи и помог подняться. Я привалилась к кирпичной стене кафе.

– Так у тебя кровь прильет к голове. Плохая идея. Дыши поглубже – и съешь вот это.

Холодный рогалик с ветчиной, который он вложил мне в руку, на вкус не отличался от куска древесины. Я с трудом протолкнула в сухое горло несколько кусков.

– Она говорила так, как будто моя мама мертва, – наконец выговорила я. В голосе было столько отчаяния, что я едва не задохнулась от него.

– Одри – не самая умная девушка в мире, – осторожно сказал Финч. – И свидетель из нее тоже не самый лучший.

Я выдавила нервный смешок.

– Нам нужно в Ореховый лес.

Глаза Финча расширились.

– Хорошо.

– Я не знаю, что мы там встретим, – предупредила я. – Не знаю даже, принадлежит ли это место до сих пор Алтее. Может, там уже поселилось новое богатое семейство, а может, и еще что похуже. Ты не обязан ехать со мной.

– Обязан, конечно, – просто ответил Финч. Я знала, что он так ответит.

Только тогда я вспомнила, что не имею понятия, где находится Ореховый лес.

– Хм, – сказала я. – Есть небольшая проблема.

Краткий, хотя и интенсивный поиск показал очевидное: адреса Орехового леса нигде не было. Все, что я знала об особняке – что он находится на севере штата... где-то на севере.

– Может быть, это испытание? – предположил Финч. – Типа, только верные сердцем отыщут туда дорогу. Классика жанра.

– Только верные сердцем? Боюсь, тогда у меня нет шансов.

– Я серьезно. Нам нужно думать в этом ключе.

– Брось. Это реальная жизнь, а не волшебная сказка.

Он пронзил меня взглядом, который я уже научилась распознавать как фирменный взгляд Эллери Финча – он ясно говорил, что я здесь никого не одурачу.

– Ты в это веришь не больше моего.

Это была правда. В моем представлении ворота Орехового леса вполне могли находиться в склоне волшебного холма. Если бы мама находилась в месте, откуда возможно позвонить по телефону, она бы сделала это. А если бы она умерла, я бы это знала – в это я верила всеми силами души. Ее смерть оставила бы дыру в самой сердцевине моего существа, я не могла бы ее не почувствовать. С ее смертью я бы охромела. С ее смертью я бы ослепла.

Все это означало одно из двух: либо ее держат где-то и физически не дают ей мне позвонить, либо она находится в месте, где не существует мобильной связи. Я не знала, какая из версий хуже.

– Так, погоди минутку, – сказал Финч. – Кажется, я что-то нашел.

Он наклонился, чтобы показать мне открытый на его телефоне блог, озаглавленный «Бегом по полю одуванчиков». Я взглядела в фото хозяйки блога, девушки по имени Нэсс, и застонала. На вид ей было двадцать с небольшим, и по всему было ясно, что она фанатка образа Смерти из книг Нила Геймана. Еще она подозрительно походила на аспирантку, которая некогда поймала маму в супермаркете «Фейрвей», пытаясь выжать из нее информацию об Алтее.

Мы сдвинули головы над телефоном, чтобы читать вместе. Пальцы Финча, которые прикасались к экрану одновременно с моими, были теплыми. Пост, привлечший его внимание, назывался «В поисках Источника: день 133».

Мои исследования и поиски жилища писательницы-феминистки Алтеи Прозерпины, проложившей новый путь в литературе, на 133-й день увенчались успехом. Этого следовало ожидать. $1 + 3 + 3 = 7$, значимое число для каждого знатока волшебных сказок.

Я закатила глаза так сильно, что, казалось, могу увидеть собственные мозги. А потом продолжила читать, потому что – ну да, потому что ничего другого не оставалось.

Долгое время я считала, что Ореховый лес – это не столько конкретное место, сколько состояние ума. Когда мне выпал шанс исследовать работы Алтеи под руководством профессора Миранды Дейн, я утвердилась в мысли, что источник вдохновения автора – это одновременно и разум, и магия. Так что я вовсе не удивилась факту отсутствия Орехового леса на картах – сервис Google Earth отверг его, как большинство университетских программ по литературе отвергает мистическую составляющую произведений: таков существенный недостаток современного прозерпиноведения.

Как я уже писала в посте 11 августа, мне удалось выйти на автора знаменитого интервью с Алтеей в «Ярмарке тщеславия». По состоянию здоровья журналистка несколько лет назад переехала в дом престарелых, но разум ее полностью сохраняет свою остроту. Через посредника – свою дочь – она передала мне, что сама в свое время не была допущена в имение Алтеи и брала интервью частично по телефону, а частично – по переписке. Я попыталась найти контакты фотографа, сделавшего снимки к интервью: он-то гарантированно побывал в Ореховом лесу. Но эта нить завела меня в тупик – как выяснилось, фотограф умер за границей еще в 1989 году.

Первый и второй браки Алтеи – единственные известные нам ее отношения с мужчинами – закончились ее вдовством. Дочь Ванэлла Прозерпина – ее единственный ребенок. О ранних годах жизни Алтеи мы знаем мало: только то, что она также была единственным ребенком своих родителей, довольно рано умерших. У Ванэллы в настоящий момент нет постоянного адреса, и на контакт со мной она пойти отказалась. Это большое огорчение для всех нас, исследователей-прозерпиноведов – подумать только, какие лакуны в биографии Алтеи можно было бы заполнить с ее помощью!

На этом месте я насмешливо фыркнула.

– Эллери, я помню эту девицу. Она психопатка.

– Психопатка, которая, возможно, побывала в Ореховом лесу. Читай дальше.

Я снова схватилась за телефон, быстро прокрутила еще пару воспоминаний и завуалированных просьб о финансировании проекта – и добралась до следующего:

Итак, на вооружении у меня было совсем немного данных: что имение находится где-то на севере штата Нью-Йорк – согласно «Ярмарке тщеславия», в пяти часах езды от Нью-Йорк-сити и в десяти минутах от неназванного озера; что оно расположено неподалеку от городка с населением меньше 1000 человек на год написания статьи. С этим багажом я отправилась

лась на поиски Орехового леса. Как обычно, меня сопровождал Мартин, мой водитель и товарищ-аспирант.

В работах Алтеи постоянно встречается несколько сюжетных линий, которые не могут не встревожить всякого, кто знает о ее предположительно добровольном затворничестве в особняке. Это темы исчезновения, забвения, нападения, сверхъестественного присвоения чужой личности и, разумеется, заточения. Образ заключения меняется – тело, башня, пещера, подневольный брак, – но внимательная работа над книгой Алтеи привела меня к выводу, что автор предсказывает свое собственное пленение – не только в духовном, но и в физическом смысле.

Именно так. Я пришла к пониманию Алтеи не как затворницы, но как узницы. Я полагаю, что ее держат в Ореховом лесу против ее воли. Мартин согласен со мной, хотя и высказывает предположения, достойные плохих детективов: он считает, что ее могут держать в плену кредиторы – или же изначальный автор историй, которые она пересказала и издала под своим именем. Конечно, Мартин не читал оригинал книги и не работал над ее интерпретациями под чутким руководством профессора Миранды Дейн. Я думаю, что интервью Алтеи «Ярмарке тщеславия» – это история, выдуманная для прикрытия, еще одна волшебная сказка, рассказанная великой сказочницей – автором, припавшим к древнему источнику легенд, корпус которых кажется лишь уголком объемного полотна, принадлежащего огромному и загадочному иному миру.

Я думаю, что сам этот мир и сделал ее узницей. Истинная цель моих поисков, которую я не открывала никому, пока она казалась столь недостижимой, – это отыскать и спасти Алтею Прозерпину от тех – или от того, – что держит ее в заключении.

Мы с Мартином выехали из Нью-Йорк-сити в среду, пять часов ехали на север, а потом начали объезжать районы, где имеется крупное озеро. Признаюсь, что мы надеялись получить в пути какие-то подсказки и наводки – в ином случае нам пришлось бы искать слишком маленькую горошину под слишком толстым слоем перин. У нас обоих было сильное ощущение, что Ореховый лес наверняка находится среди деревьев...

– Иначе он бы не назывался Ореховым лесом, дурында! – не удержалась я.

...что Ореховый лес наверняка находится среди деревьев, так что искали крупный отдельно стоящий дом в лесистой местности неподалеку от одного из множества озер штата. Несколько раз «хонду» Мартина атаковали собаки; неприятно поразило меня и то, как недружелюбны владельцы частных домов на севере штата Нью-Йорк к исследователям, которые ищут только информацию и чьи независимые расследования зависят исключительно от пожертвований (перейдите по ссылке, чтобы узнать подробности).

На третий день – как я и ожидала, учитывая важность числа 3 в волшебных сказках – удача наконец улыбнулась нам. Мы остановились позавтракать в придорожном ресторанчике, хозяйка которого слышала о живущей неподалеку писательнице, хотя имя Алтеи Прозерпины ничего ей и не говорило.

Я прокрутила страницы разглагольствований о том, как это ужасно, что каждая официантка в каждом кафе на автозаправке отсюда и до Марса не слышала о моей бабушке, которая – назовем вещи своими именами – написала единственную небольшую книгу, ненадолго ставшую знаменитой и не имевшую допечаток после ухода автора в «небытие». Дальше следовало вот что:

Предчувствие велело нам свернуть на узкую земляную дорожку меж вишневыми деревьями, которые цвели, несмотря на то, что сезон давно прошел. Через десять минут мы

достигли высоких металлических ворот, позеленевших от времени. Сразу было ясно, что мы у цели: ворота украшало стилизованное изображение орешника. Я велела Мартину припарковаться где-нибудь за пределами видимости, хотя не было похоже, чтобы за нами следили камеры. Когда мы вышли из машины, воздух показался нам благоуханным – по моей оценке, температура была на двадцать градусов выше, чем когда мы вышли из ресторана.

Мы посмотрели сквозь решетку ворот, но не смогли ничего разглядеть дальше деревьев в ярдах в тридцати от нас. Мы обошли усадьбу по периметру и обнаружили, что особняк повсюду отделен от нас широкой полосой растительности и недоступен взгляду. В нескольких местах Мартин попробовал перелезть через ограду, но оказалось, что это невозможно.

У нас не было с собой хлебных крошек, чтобы отметить дорогу в глухом лесу, а когда я открыла навигатор на телефоне, он указал наше местоположение где-то в середине Берингова моря. Карта на телефоне Мартина разместила нас в Мемфисе, на территории Грейсленда⁸. Была ли это шутка Вселенной, или знак, что мы находимся на границе чего-то большего, чем могли предполагать? Я была уверена, что где-то неподалеку Алтея – или ее похититель – смеется над нами.

Не найдя входа, мы вынуждены были покинуть лес. Я пишу это в комнате мотеля в сорока пяти минутах езды от Орехового леса. Завтра мы собираемся проникнуть на его территорию – всеми правдами и неправдами.

Мы с Эллери переглянулись, подняв брови.

– Сто процентов, что она спит с этим Мартином, как ты думаешь? – спросила я.

– Ну, разве что у Мартина в мечтах.

Однако за дурацкой самовлюбленностью Нэсс могло скрываться что-то реальное. Как она выразилась – древний источник... Источник истинной магической силы.

– Самое странное во всем этом, – заметила я, – то, что она добралась до дома моей бабушки с единственной целью – ее спасти.

– Нет, самое странное – другое. То, что это последний пост в ее блоге.

Я посмотрела на дату: 17 января. Девять месяцев назад, незадолго до смерти Алтеи.

– А как часто она до того писала?

– Почти каждый день.

– Гм.

Я перешла на страницу с биографией Нэсс, где обнаружила более крупное ее фото и прочитала список ее увлечений: волшебные сказки, тематические вечеринки, ростовые куклы и кукольные представления.

– Думаешь, на нее натравили Дважды-Убитую Катерину? – спросила я вроде бы в шутку, а на самом деле нет.

– Она не того типа, за которым охотится Катерина... Но я бы не удивился. И ты бы не удивилась тоже. Что это ты делаешь?

Я вернулась к последнему посту и быстро набирала текст в окошке для комментария.

– Прошу ее связаться со мной.

«Привет. Я – та, с кем ты однажды пыталась поговорить об Алтее, – написала я и на миг задумалась. – Сейчас я готова с тобой говорить. Пришли адрес почты для связи?»

Я уже протягивала телефон обратно Эллери – как вдруг под моим сообщением всплыл ответ, на аватаре было бледное лицо Нэсс. «Ты та, о ком я думаю?»

Мое сердце бешено заколотилось о ребра.

– Ого. Вот это скорость.

⁸ Грейсленд – поместье Элвиса Пресли в Мемфисе.

«*Не совсем*», – набрала я непослушными пальцами. Я была не Эллой... Но все же ближайшим к ней вариантом, на какой могла рассчитывать Нэсс.

Одна минута... Две... И новый ответ:

«*Ты в Нью-Йорке?*»

«*Да*».

Через несколько секунд очередной комментарий принес адрес в Бруклине. Пока я пыталась понять, в какой это части города, адрес снова исчез.

– Черт, черт! Быстро запоминай: 475, Онор-стрит, 7F. Запомнил? 475, Онор-стрит, 7F.

Финч выхватил у меня телефон и быстро записал адрес в приложение поиска такси.

По спине у меня бежали мурашки.

– Эта женщина что, сидела и смотрела на свой старый пост об Алтее, ожидая, что я ей напишу?

– Похоже на то.

– Как-то это слишком странно.

Эллери сощурился.

– Странно – в контексте нашего нынешнего дня? Нет, не особо.

Он встал, чтобы встретить наше такси, а я запрокинула голову и, моргая, смотрела на солнце, позволяя последним вспышкам мигрени прижигать горячими иголками мой мозг.

14

Нэсс жила в современной многоэтажке – унылой серой коробке, уродовавшей конец улицы с особняками. Когда мы подошли к ее подъезду, я старалась побороть желание взглянуть вверх. Мне не хотелось встречаться глазами с растрепанной женщиной на седьмом этаже – наш визит и так был достаточно странным.

Финч исследовал ряды кнопок на домофоне и нажал нужную – 7F. Через пару секунд кто-то ответил, голос был невнятным и хриплым от помех.

– Чего... дает... за?

Мы недоуменно переглянулись. Финч снова нажал на кнопку.

На этот раз голос звучал чище.

– Чего ожидает Ильза?

– Она ожидает Смерти, – немедленно ответил Финч прямо в коммуникатор.

Пауза, затем трескучий сигнал открывающейся двери. Финч смотрел на меня краем глаза, вид у него был очень довольный.

– Ну давай уже, скажи, если хочешь, – предложила я. Лифта в подъезде не было. И вестибюля тоже – только узкая лестница вверх, покрытая грустно-серым ковром. Похоже, на седьмой этаж нам предстояло подниматься пешком.

– Сказать что?

– Что твои познания в Сопределье помогли нам войти. Я, конечно, понятия не имела, чего ожидает эта Ильза.

Он пожал плечами.

– Но ты могла догадаться. Если сомневаешься, что ответить, говори «смерть» и не ошибешься. Причем Смерть с заглавной буквы. В этом все Сопределье.

Остаток пути до квартиры Нэсс мы молчали – все силы уходили на подъем. На последней лестничной площадке я остановилась передохнуть, проклиная Уайтчепел, в котором место

обычной человеческой физкультуры занимали – на выбор – дыхательная гимнастика и крав-мага.

– Ну как ты, улитка? – Финч шутливо хлопнул меня по плечу, и я стряхнула его руку. Дверь перед нами с тихим скрипом приоткрылась, и мы отступили на пару шагов.

Я сразу же узнала Нэсс, хотя на ее лице не было ни следа косметики. Она стояла, опираясь о дверной косяк, и смотрела на нас расфокусированными глазами.

На ней были черные джинсы и толстовка с логотипом магазина братьев Уизли – «Все-возможные волшебные вредилки», заляпанная на груди чем-то темным – я надеялась, что это кофе. Глаза ее были огромными, туманно-голубыми, а волосы – копна темных кудрей, там и тут пронизанных сединой, хотя она была вроде бы слишком молода для седых волос. На самом деле я удивилась, как старо она выглядит. Наверно, ее фото на аватар было снято лет десять назад. Ее взгляд рассеянно скользнул по Финчу и остановился на мне. Я заметила, что ее пальцы крепче впились в дверной косяк.

– Это ты мне писала?

Я кивнула.

– Ты... внучка Алтеи, должно быть? Та малышка, которая в «Файрвее» запустила в меня апельсином?

– А... Да. Можно войти?

– Тебе – можно. В одиночку, – она отступила от двери, пропуская меня внутрь с похоронным выражением лица.

Я пошла за ней, пожала плечами, извинившись перед Финчем.

– Эй, подожди, – он поставил ногу на порог, не давая двери закрыться. – Алиса...

– Все нормально, Финч.

– Точно? – тихо переспросил он. Его большие глаза были такими взволнованными, что у меня по спине пробежал холодок. Вот что случается, едва начнешь в ком-то нуждаться. Он к этому привыкает и начинает тебя защищать.

– Полный порядок, – заверила я и оттерла его с пути, чтобы закрыть между нами дверь. Надеюсь, этот жест выглядел дружеским.

По сравнению с квартирой Нэсс, книжный магазин Перкса выглядел как японский сад камней. В воздухе стоял клаустрофобический запах индийской лавки благовоний – смесь вони от коробок из-под лапши и грязных волос. Где-то присутствовал подспудный аромат полыни, знакомый мне по Эллиным очистительным ритуалам.

Кое-как притерпевшись к вони, я начала различать детали. Это была большая квартира-студия. Пол был почти сплошь заставлен картонными запечатанными коробками и стопками книг, а все свободное горизонтальное пространство – обеденный стол, кровать, продавленное зеленое кресло – было занято разбросанными в беспорядке вещами. Мятая одежда, коробки от пиццы, материалы для поделок. Куча материалов для поделок. Я понадеялась, что Нэсс занимается арт-терапией: она выглядела так, будто в этом нуждалась.

– Хочешь чаю? – хрипло спросила она, глядя на меня искоса – и сразу отводя глаза, когда я пыталась ответить на ее взгляд.

– Н... да, – я резко изменила ответ, когда увидела, как ее глаза обиженно сузились.

Нэсс отвернулась к электрическому чайнику, балансирующему на краю столешницы миниатюрной кухни. Я хотела спросить, как долго в чайнике не меняли воду, но не стала.

Пока мы ждали, когда вода закипит, я высматривала, куда бы мне присесть. У стола нашелся раскладной стул, не занятый ничем, кроме стопки газет, так что я решила, что будет безопасно переложить ее на пол.

Заголовок верхней газеты привлек мое внимание. *«Полиция начинает расследование серии убийств на севере штата»*. Пока Нэсс доставала чайные пакетики «Липтон», я присела и начала читать.

Дереушка Берч в штате Нью-Йорк в последнее время стала центром полицейского расследования особой важности. Три нераскрытых убийства за семь месяцев...

– Лимон или сливки?

Я резко вскинула голову. Молочно-голубые глаза Нэсс смотрели на меня.

– Э-э... Можно сахар?

Сколько недель окажется сливкам? Будет ли лимон покрыт плесенью? Сахар, по крайней мере, казался безопасным.

Нэсс снова отвернулась, чтобы вскрыть над моей чашкой чайный пакетик, и что-то заставило меня оторвать от газеты уголок со статьей и быстро затолкать его в карман юбки. Когда чай был готов, Нэсс рукавом смахнула мусор с кухонного стола и сгребла хлам со второго складного стула. Потом она поставила передо мной бело-оранжевую чашку с логотипом магазина *Zabar's* и села.

– Итак, – сказала она. – Чего ты хочешь?

Вот так, безо всяких предисловий – кроме тех, что уже прозвучали.

– Я прочла последний пост вашего блога. И надеюсь, что вы скажете мне, как найти Ореховый лес.

– Ха! – выкрикнула она, запрокинув голову – я думала, люди так делают только в книжках. – Назови мне три важных причины, по которым ты туда хочешь попасть. Три – счастливое число в волшебных сказках. Но ты это уже знаешь, – она снова выпрямилась и уставилась на меня.

– Что, если у меня есть только одна важная причина?

Пустоту голубых глаз Нэсс что-то выжигало изнутри.

– Как по-твоему, сколько мне лет? – внезапно спросила она.

Я двинула плечом. Если она хотела лести, то выбрала для этого неправильную собеседницу.

– Не знаю. Тридцать... пять?

– Мне двадцать шесть.

Обхватив ладонями горячую кружку, я внимательно смотрела на нее. Седые пряди в волосах, тонкие морщинки вокруг глаз... Я слышала о людях, которые седали вследствие травмы, но тут явно было что-то другое.

– Вы проникли внутрь, да? – шепотом спросила я. – Как вы это сделали?

Нэсс наклонилась вперед так, что волосы упали ей на лицо.

– Мы смогли войти, потому что нам это позволили, – неживым голосом сказала она. – Если бы не позволили – мы бы вечно искали вход. Они убили Мартина, а меня оставили в живых. До сих пор не знаю, почему. – Какое-то чувство оживило ее лицо – наверное, исследовательский интерес, которым она так ярко пылала раньше. – Почему же они меня не убили? Почему дали мне уйти?

– Кто убил Мартина? – выдавила я, наклоняясь вперед так сильно, что угол стола впился мне в грудь. – Сопредельные?

– Когда человек попадает в холм волшебного народа, – лекторским тоном пояснила Нэсс, – он выходит наружу и видит, что в мире прошло семь лет. Но когда Ореховый лес отпустил меня, мир не изменился. В нем прошла всего одна ночь. Наша машина стояла на том же месте. Мартинов... стаканчик с кофе был там же, в держателе для стаканов. Кофе еще можно было пить. Изменилась только я. Я постарела за одну ночь – как я полагаю, на семь лет. – Она подняла руки к лучам морщинок в углах глаз. – Просто *посмотри* на меня.

Я смотрела. Это было все, что я могла для нее сделать.

– Я не стала бы помогать тебе попасть туда, будь у тебя хоть триста причин, – яростно сказала она.

– Я же объяснила – у меня только одна причина. Они забрали мою мать. У меня нет выбора. Знаю, вы думаете, что это сумасшествие, но я *должна* туда попасть. Любая ваша подсказка мне поможет.

Нэсс судорожно замотала головой. А потом нараспев тихо произнесла нечто странное:

– В лесах под красной, красной листвою сшивай миры между собой. Спешу, иначе тебе не дойти – рассвет положит предел пути.

От этих слов на меня дохнуло ледяным ветром. Детские убаюкивающие стишки всегда на меня так действовали, даже самые безвредные. А этот явно был не из их числа.

– Это все, что я могу тебе сказать, – закончила Нэсс. – Извини.

– Но что такого вы мне сказали? Ничего не сказали! Зачем вообще было пускать меня в дом? – Пламя коснулось фитиля, который всегда был у меня в груди. – Зачем было отвечать мне?

Она опустила плечи, пламя в ее глазах погасло. Ее разум опять стал чистым голубым небом, по которому скользили облака; ясность скрылась в их водовороте. Она с шумом втянула воздух и выдохнула:

– Я думала, вдруг это что-нибудь изменит. Вдруг я увижу тебя и... проснусь. Чего-нибудь захочу, что-нибудь *почувствую*. Ночь в Ореховом лесу была самой долгой в моей жизни. Я видела то, чего никто не видел. Моего друга убили – это должно было меня огорчить, верно? Но я не чувствую горя. Я вообще ничего не чувствую с той самой ночи. Я вся онемела. Половина меня все еще там, заперта в этом аду. А вторая половина – здесь, заперта в этой комнате.

Она встала с таким усилием, как будто у нее закончились силы, и пошла к входной двери. Я думала, что она откроет дверь и выставит меня прочь, но она только привалилась к косяку и воззрилась на меня.

– Ты думаешь, что у тебя есть важная причина, но на самом деле ничего не может быть настолько важным. Ничто не стоит того, чтобы пройти через такое. Чтобы чувствовать то, что чувствую я. Я словно оборотень в чужом теле. Я не помню, что я любила, чего хотела, зачем работала, выходила из дома, делала хоть что-нибудь. Все ушло. – Голос Нэсс сел до шепота. – Наверное, все, чем я была, провалилось сквозь переплет. Лучше бы я упала туда целиком.

Наконец она открыла дверь. Я поднялась на ноги, не уверенная, что они будут меня держать.

– Скажите хотя бы название города, – попросила я. – Города, где был ваш мотель. Я сама найду остальное.

Она безразлично рассматривала меня. Я со свистом втянула воздух сквозь зубы, когда рассмотрела ее зрачки вблизи – они были слегка овальными, вертикальными, как у козы. Неужели они с самого начала были такими? Нэсс быстро сморгнула.

– Ты внучка Алтеи, – сказала она. – Отправляйся в лес. Если они захотят, чтобы ты их нашла, ты их найдешь.

15

Финч ждал меня на лестнице, сидя на ступеньке между этажами. При виде меня он вскочил.

– Ну как? Ты узнала адрес?

Вопрос прозвучал так нелепо, что я ответила не сразу – в ушах еще звучал прерывистый голос Нэсс, напевающий детский стишок.

– Нет. Не узнала.

– Ох. Черт. А что ты узнала?

– Еще одну женщину, велящую мне держаться подальше от Орехового леса.

Шестью лестничными пролетами ниже я успела кое-как пересказать Финчу наш разговор с Нэсс. Но самые странные его части я не сумела передать – ее взгляд, эту странную песенку... Ее слова вертелись у меня на кончике языка, но в точности воспроизвести их я не могла.

– А еще ее квартира набита хламом и старыми газетами. И материалами для поделок. Неиспользованными. – Внезапно мысль о них показалась мне душераздирающей – блестящий клей, стразы и шнурки для бус, чтобы вернуть душу женщине, которая потеряла ее за одну ночь длиной в семь лет.

Финч ничего не ответил. Когда я оглянулась, он кусал губу, глядя на носки своих ботинок.

– Что не так? – спросила я резким от волнения голосом.

– Мы все еще собираемся туда ехать?

Я споткнулась на последней ступеньке.

– *Что?*

Он не ответил сразу, и я рванулась вперед, в холодный послеполуденный свет. На тротуаре я постаралась шагать ровней. Осенний воздух приятно охлаждал кожу после безнадежной духоты в квартирке Нэсс. Ее слова напугали меня, но и дали почувствовать себя непреклонно живой. Мои ноздри вдыхали запах октября, желудок бурчал от голода, остатки утреннего кофеина бурлили в крови. А в районе сердца угнездилась боль, которая не утихнет, пока Элла снова не окажется рядом со мной.

– Так в чем дело? – переспросила я, когда Финч догнал меня и пошел рядом. – Ты решил сдаться?

– Ты меня неверно поняла. Я просто хотел убедиться, что ты не утратила боевого духа. – Слова его звучали вызывающе, а глаза ярко блестели. – Твоя мама явно против твоей поездки туда, Нэсс потеряла в этих лесах себя, и у нас нет ни одной идеи, с чего начать. Так что я хочу подтверждения, что ты, как бы это сказать... Не изменила своего решения.

Он качнулся на каблуках, будто собираясь оторваться от земли.

– А если бы изменила? – испытующе спросила я. – Если я теперь думаю, что пора повернуть назад?

Он обдумал мои слова, возвращаясь с небес на землю.

– Тогда мы так и сделаем. Повернем назад. Решение за тобой.

Голос его был ровным, и сказал он все правильно. Но я ему не верила. Что-то в его лице заставило меня вспомнить, что дело тут не только во мне. Может быть, Финч пытался не поучаствовать в моей истории, а начать свою собственную. *Ореховый лес – не твой*, хотела сказать я. *И уж тем более – Сопредельные земли*. Может, и стоило это произнести вслух. Но Финч стоял между мной и моим абсолютным одиночеством, так что я промолчала.

Машина Эллы все еще была заперта у Гарольда в гараже, так что Финч арендовал для нас автомобиль, позвонив из офиса своего отца, чтобы обойти тот факт, что нам обоим по семнадцать лет. Сначала мы заехали в гипермаркет «Таргет» и закупились там батончиками мюсли, бутылками воды и фисташками. Еще я купила самые дешевые джинсы, смену белья и черную водолазку. Все это я натянула на себя в уборной, а школьную форму скатала в комок и выбросила в мусорку. Что-то подсказывало мне, что мои дни в Уайтчепеле навсегда закончены.

Финч ждал меня возле уборной – и сразу вручил мне плотно прилегающие к голове темные очки.

– Классика дорожного жанра, – сказал он.

Я надела очки – и они окрасили мир в холодный голубоватый цвет.

– А в машине ты наверняка заставишь меня играть в дорожные игры?

– Если тебе повезет.

Я ответила ему улыбкой. Он больше не фонтанировал странной энергией, которая била из него струей после визита к Нэсс, но я все равно оставалась настороже. *Я слежу за тобой*, сказали мои глаза, не выпускаявшие его из вида.

А я за тобой, взглядом ответил он.

Усевшись за столик в фуд-корте гипермаркета, мы набросали краткий план действий, одновременно поедая сырные нагетсы с кетчупом.

– Если бы это видела Анна, ее бы хватил удар, – заметил Финч, разглядывая свои перепачканные руки так, будто на них был не кетчуп, а кровь.

– Извини, что трапеза у нас не в стиле Джонатана Финча, – хмыкнула я.

При звуке имени своего отца Финч опустил голову, а в глазах его появилась тяжесть, какой я еще никогда у него не видела. На миг я задумалась, а что может почувствовать незнакомец, встретившись взглядом со мной.

– Извини, – тихо сказала я, стряхивая крошки со своих новых джинсов. – Я просто... Кстати, мы до сих пор не знаем, куда собираемся ехать.

– Прямо на север примерно пять часов, и остановимся у какого-нибудь озера, где рядом есть маленький городок, – по памяти отгарабанил Финч подробности из блога. – Для Нэсс это сработало.

– То, что случилось с Нэсс, сработало против нее.

– Ты же поняла, что я имею в виду. Давай просто уедем из города и покатим на север, высматривая знаки по дороге.

– Знаки вроде стрелок «Кратчайший путь к Ореховому лесу»?

– Знаки вроде снимка, засунутого в книгу. Вроде вороны, доставившей письмо. Или у тебя есть план получше? – Он наградил меня своей патентованной обезоруживающей улыбкой, которая не должна была сработать – однако сработала. И даже почти заставила меня забыть вспышку темноты в его глазах.

К тому же он был прав. Плана получше у нас не было.

Вечерело, когда мы наконец выехали на шоссе. Было так привычно сидеть на пассажирском сиденье, глядя на море красных фонарей перед собой и на море фар позади. Это было, как отголосок нашей жизни с Эллой. Мы никогда ниоткуда не уезжали по собственной воле, выбрав благоприятное время. Всегда нас гнали вперед внезапные неприятности – очередная работа Эллы растворялась в воздухе, как золото эльфов, или же злая судьба наносила на один удар больше, чем мы могли вынести. Мы уезжали перед самым ужином в четверг, так и не успев сесть за стол. Или среди ночи, после того, как сигарета Эллы устраивала пожар в комнате мотеля, хотя Элла клялась, что начисто раздавила ее в пепельнице. Я прижалась лбом к холодному стеклу.

– Ну что, будем играть в дорожную игру?

Я фыркнула. Мы с Эллой за годы странствий успели выжать, как лимоны, все дорожные игры, известные человечеству, и изобрели пару десятков новых.

– Так как? Давай, развесели коренного нью-йоркца. Для меня любой выезд из города – вроде долгожданных каникул.

Я заметила, что у него необычный хват руля – в верхней его четверти, причем держал руль он неловко и как-то смущенно, как держат за плечи футболку с дурацким принтом.

– Ладно, сыграем. Во что именно?

Я ждала, что он предложит «Города» или «Номера машин», но он меня удивил.

– Давай в «Чертог памяти».

Я взглянула на него.

– Ты сам придумал такую игру?

– Нет, моя мама. Я начну, чтобы тебя научить. – Он прочистил горло. – Итак, первый предмет в моем чертоге памяти – это... Карта Амстердама. Потому что в Амстердаме я, э-э, лишился девственности в городском парке. – Он смущенно засмеялся, как будто передумал хвастаться, но было уже поздно. – Итак, А – Амстердам. Теперь ты называешь мой предмет, потом называешь свой, с воспоминанием на букву Б.

Сделал он это на скамейке? Или под кустом? Или просто лежа на траве? Почему-то мне казалось, что все произошло в беседке. Мне представился секс Финча с неизвестной длинноногой голландкой – в нескольких разных позах, прежде чем я спохватилась, что слишком долго торможу с ответом.

– Ладно. А – это карта Амстердама, потому что там ты потерял свою мальчишескую честь, – я постаралась интонацией подчеркнуть кавычки вокруг этого выражения. – Б – это... «Белый клык» Лондона, потому что я его читала, когда мы с мамой жили в Вермонте.

– Принято. А – это карта Амстердама, потому что я потерял там свою... «мальчишескую честь», и уже жалею, что об этом упомянул, Б – это «Белый клык» Лондона, потому что ты его читала в Вермонте, В – это... дай подумать. В – это ворона, потому что я ужасно боялся этих птиц в детстве. Особенно их голосов.

Я не стала над ним смеяться. Вороны и правда могли здорово напугать. Я перечислила три предмета в нашем чертоге памяти и задумалась.

– Так, Г – это глупость, потому что это качество, которое мы с Эллой больше всего ненавидим в людях.

– Не годится. Это должен быть предмет, что-то, что можно взять в руки.

– Ну ладно, тогда Г – это «Гордость и предубеждение». Мы с мамой смотрели этот фильм как-то в номере мотеля.

– Фильм? Потому что ты его когда-то смотрела?

– Ну пусть будет книга, – сказала я, защищаясь. – Книгу я тоже читала.

– Ну хорошо, хорошо, – перечислив предметы от А до Г, Финч улыбнулся. – Д – это «Дартс». Когда я лежу больной, моя мама, чтобы меня развлечь, всегда приносит мне мишень и дротики... То есть приносила.

На мгновение мы оба задержали дыхание.

– Е – ежевика, – быстро сказала я. – Потому что мы с Эллой любим ее есть.

Взгляд Финча переместился к вырезу моей водолазки, где виднелась самая верхушка татуированного цветка.

– А это не цветок ежевики у тебя на плече? Всегда хотел спросить, что это за растение. Стебель с шипами...

Я смущенно коснулась черного рисунка, вспомнив выражение лица Эллы, когда я явилась домой с этой татуировкой. Потерянный взгляд, гнев, которого я не могла понять... Я тогда почувствовала стыд, сама не зная, что сделала не так.

– Потом расскажу. Когда дело дойдет до «Т».

Буквы Финча были Ж, И и Л (жеребенок, потому что в первом классе он написал целую фантастическую повесть о жеребенке по имени Иней, который вырос в боевого коня; индеец, потому что мама сделала ему костюм индейца на школьный карнавал; леденцы, потому что однажды его семья попала в снежный буран на машине и целый день питалась только леденцами из пакетика, ожидая эвакуации). Мне достались З и К (зефир, потому что я его любила, и «Коллекционер» Фаулза, потому что я его читала в Темпе).

Снова настала моя очередь. М. Я бегло протараторила весь список содержимого нашего чертога, испытывая дурацкую гордость, что все вспомнила правильно.

– Теперь М. М – это...

– Только не называй опять еду, потому что ты ее ела, или книжку, потому что ты ее читала, – вмешался Финч. – Давай уже мне настоящее воспоминание.

Я почувствовала раздражение вперемишку со стыдом.

– Хочешь сказать, что я нечестно играю?

– Нет! Просто... Это же такой способ получше друг друга узнать. Я думал, ты поделишься чем-нибудь о себе. О своей семье.

Он сказал это легко, без особого выражения, но я все равно поняла, что ему нужно.

– Ты же помнишь, что я ее никогда не видела? – сердито выпалила я. – То есть вообще ни разу? Алтея в моей жизни никак не участвует, и мама шестнадцать лет не перемолвилась с ней ни словом.

– А как насчет твоего детства? Где ты росла? Что ты об этом помнишь?

Он снова смотрел на дорогу, но в голосе его звучали резкие, обвинительные нотки. Как будто он собирал воспоминания обо мне для биографии. Это само по себе не могло меня не взбесить, но хуже всего была его уверенность. Твердое знание, что у всех на свете мозги хранят кучу воспоминаний, которые можно без труда вытаскивать на свет при желании. Половина всего, что я могла сказать о себе, случалась или в книгах, или с Эллой. Во всех этих ее историях о нелегкой юности матери-одиночки, которая с трудом сводит концы с концами.

– Не желаю больше играть в твою идиотскую игру, – сказала я и отвернулась к окну. – Какого черта придумывать предлоги, чтобы похвастаться, что трахнул в парке какую-то сучку?

– *Сучку?* Это была моя девушка, мы с ней к тому моменту встречались восемь месяцев. Как же противно, когда вы, девчонки, так говорите друг о друге. Используете такие слова.

– Божечки, Финч, да тебе надо получать степень по лингвистике.

В совершенном мире на этих словах я бы надела наушники и закурила бы сигарету ему прямо в лицо, но этот мир был не совершенен. Так что пришлось удовлетвориться тем, чтобы пялиться в окно, пока все алфавитные воспоминания выпадали у меня из головы, как летящий снег.

Я смотрела на кустарник на обочине дороги, когда пробка наконец закончилась, и мы резко вырвались вперед. На приличной скорости бормотание радио превратилось в успокаивающий фоновый шум, а я впала в полусонное состояние эмоционально утомленного путешественника. Теперь, когда меня ничего не отвлекало, отсутствие Эллы ощущалось в моих костях как ноющая боль. Пока мы двигались, паника утихала. Стоило мне увидеть перед собой замедляющиеся тормозные фонари машин перед нами, она снова пробуждалась к жизни.

Кустарник перешел в жидкие рощицы. Мы съехали с главной дороги на двухполосную и извилистую. На обочине неровно двигался колеблющийся огонь, и я прищурилась, чтобы лучше его рассмотреть. Это был налобный фонарь мужчины в смешных велосипедных штанах. Он бежал на месте, держа пальцы на пульсе у себя на шее. Зрелище он собой представлял дурацкое, и я улыбнулась. Тут рядом с бегуном материализовалась темнокожая женщина в снежно-белом платье и прижалась губами к его горлу.

Машина пролетела мимо, бегун и женщина канули в темноту позади.

– Ты это видел? – хрипло выдохнула я. Финч подпрыгнул на месте, машина вильнула.

– Спортсмена и ту женщину... – Что же я видела на самом деле? – В Сопределье есть вампиры?

Руки Финча сильнее стиснули руль.

– О Господи. Не совсем.

– Разворачивайся.

Финч замедлил ход и развернулся. Мы покатали обратно, и я изо всех сил высматривала свет налобника или очертания двух фигур в сумерках – но смотреть было не на что. После пяти минут медленной езды Финч снова развернул машину.

– Ты уверена, что что-то видела? Мне показалось, ты задремала.

Я ответила яростным взглядом, хотя он был прав. Может, мой возбужденный разум сам собой готовит взрывную смесь кошмаров из темноты и страшных сказок? Я вспомнила статью, которую вырвала из газеты в квартире Нэсс – она осталась позади, вместе со школьной формой угодив в помойку в гипермаркете.

– Быстро останови машину.

Глаза Финча тревожно метнулись к деревьям, шуршащим листвой в бархатно-синем сумраке.

– Подожди. Давай отъедем чуть подальше.

Он ехал еще минут десять, так что место, где я якобы что-то видела, осталось далеко позади. Наконец он съехал на обочину и заглушил мотор. Звуки машины утихли, и ночь плотно прижалась снаружи к окнам.

Я поискала на телефоне новости по теме «Убийства на севере штата Нью-Йорк». Первый же результат выдал ту статью, которую я видела у Нэсс.

«Полиция начинает расследование серии убийств на севере штата». Деревушка Берч в штате Нью-Йорк в последнее время стала центром полицейского расследования особой важности...

– Что ты читаешь?

– Берч, – сказала я. – Берч, штат Нью-Йорк. Вот куда нам нужно.

– Зачем? Что ты нашла?

– Убийства туристов и спортсменов на севере штата.

Глаза Финча расширились.

– Сопределье?

– Я бы не удивилась. Убийства происходят уже несколько месяцев, и Сопредельные наверняка в этом замешаны. Существа вроде Дважды-Убитой Катерины. – Я помедлила, вглядываясь в темноту за деревьями. – Кого ты имел в виду – под «не совсем» вампирами?

Финч пожал плечами с деланным равнодушием.

– Дженни и Ночных женщин.

Я вспомнила заглавие одной из сказок Алтеи.

– Что это за история?

– Дженни – фермерская дочка, испорченная девчонка, которая не любит слово «нет». Она встретила в лесу странного ребенка, который ее научил, как можно наказывать родителей: проколоть им пятки, пока они спят, помазать их кровью камень и закопать его под их окном. Она все это проделывает – и вызывает Ночных женщин. И это, как ты понимаешь, очень большая ошибка.

Какая-то мысль билась в моем уме – старое, выцветшее, как бумага, воспоминание, которое пыталось выйти на свободу. Я рассеянно водила пальцем по шраму на подбородке.

– А есть какая-нибудь история... – я изо всех сил пыталась думать, но вызвать воспоминание к жизни было не легче, чем поймать рыбешку кончиками пальцев.

Чикаго. Дикий крик Эллы. Свет, очерчивающий контуры двери...

– Про дверь, – выдохнула я. – Есть в этой книге история про дверь? Что там происходит?

– «Дверь, которой не было». Почему ты о ней подумала?

– Просто перескажи ее.

Он помедлил, тревожно глядя в сторону деревьев.

– Ладно. Расскажу, как помню.

16

На самой границе лесов, в маленьком городе Сопредельных земель жил богатый купец. Большую часть времени он проводил в разъездах, но все же достаточно пробыл дома, чтобы зачать со своей женой двух дочерей-погодков – старшую, темненькую, и младшую, золотоволосую.

Отец девочек все время отсутствовал, а мать была странная женщина: часто она запиралась в своей комнате наверху и оставалась там часами. Дочери прижимались к ее двери и слышали, как она там с кем-то разговаривает, но только старшая, Аня, иногда слышала голос, отвечавший ей. Он был такой тихий и шелестящий, что она почти верила – это просто шорох листвы за окном.

Однажды зимним днем, когда Анье было шестнадцать, ее мать заперлась в своей комнате и больше оттуда не вышла. Через три дня слуги взломали дверь и не нашли за ней никого. Дверь была заперта изнутри, окна закрыты. Все, что осталось от пропавшей женщины, – это костяной нож на полу, лежавший в луже крови.

Аня слышала, как об этом шептались слуги, и пробралась в материну комнату, чтобы все увидеть самой. Пятно на полу вызвало в ней такой ужасный страх крови, что с того дня она могла стирать свое белье после месячных только в темноте.

Слуги отправили хозяину весточку, что его жена умерла, или исчезла, или еще что похуже, и долго не получали от него ответа. До первого теплого дня весны, когда купец вернулся домой в роскошном экипаже, какого его дочери никогда не видели.

В экипаже сидела их новая мать. Она вышла на мощный двор и улыбнулась девочкам. Она была хрупкая, ниже Аньи, с копной светлых волос и голубыми глазами, которые холодно оглядывали падчериц – сперва одну, потом другую.

Их отец оставался дома целых полгода. Очарованный новой женой, он кое-как терпел присутствие дочерей, которые бегали по дому, как сумасшедшие, – так они привыкли жить, воспитывая сами себя в отсутствие обоих родителей.

Наконец купцу надоела его новая жена, как когда-то надоела старая. Он поцеловал ее на прощание, кивнул дочерям – и снова уехал.

Терпение мачехи скоро закончилось. Она кричала на девочек, раздавала им пощечины по малейшему поводу и всегда носила в кармане острые ножницы, чтобы отрезать им пряди длинных волос в наказание за проступки. Всякий раз, уезжая куда-нибудь, она запирала падчериц – чтобы, как она говорила, они не вздумали без нее безобразничать. Запирала она их в комнате покойной матери, где окна никогда не открывались и петли их проржавели, а темное пятно на полу следило за Аньей, как недобрый глаз. Кровать матери давно порубили на дрова и сожгли по приказу отца, а все красивые безделушки, которыми она себя раньше окружала, пылились под замком. Так что две девочки оставались в пустой комнате с ядовитым пятном посередине.

Сначала мачеха не уезжала из дома дольше, чем на несколько часов. Но вскоре она стала пропадать целыми днями, а потом – и ночами. Когда она впервые посадила девушек под замок на целые сутки, Аня билась в дверь и визжала, пока не посадила горло и не разбила в кровь кулаки, но никто не пришел, чтобы их освободить.

Когда мачеха наконец отперла дверь, она наморщила нос и с отвращением указала на ночной горшок. «Вынесите это», – велела она. На ее щеках были пудра и румяна, размазавшиеся от пота; она не смотрела падчерицам в глаза.

Наконец пришел день, когда мачеха заперла их в комнате с миской яблок и кувшином воды, уехала и больше не вернулась. Солнце всходило и заходило, всходило и заходило. На третий день Аня посмотрела в окно – и увидела, что слуги один за другим покидают дом, неся пожитки на плечах.

Дом опустел. Яблоки были съедены, вода давно выпита. Окна оставались заперты, и стекла их не поддавались, даже когда Аня била по ним своим башмаком.

Той ночью сестры лежали рядом посреди комнаты, стараясь согреть друг друга своим теплом. А потом Аня услышала звук, который уже почти позабыла. Он походил на шорох листьев, скребущихся об оконное стекло.

Этот звук исходил из кровавого пятна на полу. Девушка медленно подползла к нему, прижалась ухом и затаила дыхание.

В самой середине ночи в шорохе стали различимы слова.

– *Вы умрете*, – сказал ей голос.

Аня разозлилась и перекатилась на спину.

– *Знаю*, – яростно ответила она в мыслях. – *Мы уже наполовину умерли.*

– *Вы умрете*, – повторил голос. – *Если не сделаете, что я скажу.*

И он поведал девушке, как спасти себя и сестру. Как можно немного изменить мир – ровно настолько, чтобы они смогли жить.

Для этого требовалась кровь.

Наутро Аня рассказала Лизбет, своей сестре, то, что узнала ночью: нужно было сделать дверь. Их мать не умерла, она просто ушла – сделала дверь с помощью магии и ушла далеко-далеко. Ее кровь говорила с Аней и объяснила ей, как сделать свою собственную дверь и встретиться с матерью.

«Понадобится кровь, – сказала она Лизбет, – но моя не подойдет».

Аня солгала. Она не была злой, просто очень боялась. Мысль о том, чтобы вскрыть себе вены, вызывала в ней ужас, похожий на падение вниз, падение без конца. Так что она стерпела горький вкус лжи во рту.

Она взяла костяной нож – голос сказал ей, что тот находится под расшатанным кирпичом в кладке холодного камина.

«Моя кровь не подойдет, – снова сказала она, – потому что я буду колдовать. Я должна сделать дверь, а ты – пожертвовать для этого свою кровь».

Лизбет кивнула, но Аня прочла по ее глазам, что она знает, что это ложь.

Это ее разозлило. Когда старшая сестра разрешила младшей запястье, гнев лишил ее осторожности, и лезвие вошло слишком глубоко.

Но Лизбет ничего не сказала, когда сестра взяла ее за руку и стала водить ею, рисуя дверь.

Сначала Аня начертила две вертикальные линии – дверные косяки, скребя запястьем Лизбет по каменной стене. Потом подняла сестру за руку как можно выше, чтобы соединить линии. Когда Аня наконец отпустила ее, Лизбет была бледной, как сердцевина яблока.

Аня отвернулась от изможденной сестры и произнесла слова, которые превращали кровавые полосы в дверь. Слова, которые голос трижды повторил ей на ухо, чтобы она запомнила.

Камень мгновенно впитал кровь, и красные линии стали полосами теплого белого света. Дверь открылась внутрь, запуская в комнату теплый воздух и запах чистых простыней. Девушки взяли за руки и смотрели, как она открывается.

Потом Лизбет застонала, пошатнулась и осела на пол. Ее холодные пальцы тянулись вперед, совсем чуть-чуть не доставая до двери.

Двери только что не было – и вот она была здесь. Дверь, вскормленная кровью Лизбет.

В миг, когда девочка испустила последний вздох, белый свет пошел рябью и стал зеленым. Кошмарным зеленым, как зараженная гноем рана, как плесень, опоясывающая недельный хлеб. А запах чистого полотна стал пыльным, так что его было трудно вдыхать.

Аня бросилась к двери, пытаясь закрыть ее, но было уже поздно. Дюйм за дюймом она открывалась, дыша влажным воздухом погребя.

Аня не верила, что за этой дверью окажется ее мать, но больше идти ей было некуда. Она подняла на руки Лизбет и пронесла ее через дверной проем.

За ним оказалась комната, точно такая же, как та, из которой они вышли – но в зеркальном отражении. Аня нашла взглядом пятно на полу – оно было свежим и жидким. Она побежала через комнату, неся тело Лизбет, и открыла дверь в коридор.

Он изгибался влево, а не вправо, и светильников на стенах не было – их заменили портреты людей, которых девушка не знала. Глаза их были выжженными в полотнах дырами, а губы – красными и мокрыми. Коридор был освещен тем же тяжелым зеленым светом.

С трупом сестры на руках Аня прошла по всему дому. Он пах кровью и угольной пылью. В каждом камине шевелилось низкое зеленое пламя. На каждом столе стояли блюда с гниющим мясом или вазы с засохшими до черноты цветами, из сердцевин которых сочился желтый сок.

Когда она открыла входную дверь, то увидела, что болезнь распространилась на двор и сад. У деревьев были сухие костяные ветви, а пыль на дороге стала пеплом.

– *Я сделала это, – сказала себе Аня. – Я убила мою сестру – ее смерть создала эту дверь, и дверь открылась в Смерть!*

Она трудилась много часов и наконец выкопала в выжженной земле яму, достаточно глубокую, чтобы похоронить свою младшую сестру. Потом она направилась к городу, надеясь найти там хоть какую-то жизнь.

Город оказался местом странным и страшным. Там не было ни единой живой души: ни человека, ни животного. Тяжелое зеленое небо нависало над миром, окрашивая его в цвет болезни. Двери домов были закрыты, глухие ставни выкрашены в черный цвет.

Аня не встретила никого. Она не нуждалась ни в сне, ни в пище, ни в воде, а когда она провела костяным ножом по запястью, он не оставил на коже ни следа. Она забралась на крошащуюся серую крышу дома по сухим виноградным лозам, опутавшим стены, и бросилась вниз, желая убить себя.

Однако она приземлилась на каменную мостовую легко, как осенний лист, и ничем себе не навредила. Там она и лежала, молясь о смерти, хотя молитвы во рту имели горький вкус лжи, убившей ее сестру. И тогда голос снова заговорил с ней.

Прошло много времени с того часа, когда Аня лежала на полу материнской спальни и слушала пятно крови, прижимаясь к нему ухом. Много времени, больше, чем она думала. Где-то далеко умерла ее мачеха, подхватив лихорадку, и отец взял себе новую жену. Она родила ему сына.

– *Ты можешь вернуть меня домой?* – молила Аня.

– *Ты задаешь неправильный вопрос,* – ответил голос.

Он провел ее через город – обратно к могиле, которую она вырыла у крыльца отцовского дома. На могиле росло дерево – черный орех. Его шуршащая листва была единственным, что двигалось в землях Смерти. *Лизбет*, – прошептала Аня и положила руку на ствол дерева.

Оно зашуршало листвой, словно вздохнуло, и с ветви в руки девушке упали три ореха. Аня расколола их один за другим.

В первом орехе было зеленое атласное платье – цвета крыльев ночной бабочки.

Во втором – пара туфель, блестевших, как черное окаменелое дерево.

В третьем – прозрачный камень размером с глазное яблоко.

Когда она поднесла его к глазам, мир вокруг нее вспыхнул жизнью. День был ярким, деревья цвели, а по дороге прямо на нее ехал экипаж. Возница не мог ее видеть, но его лошадь могла – и встала на дыбы, копыта взметнулись у Ани прямо над головой.

Она уронила камень – и вновь оказалась в земле Смерти.

Камень был окошком в мир живых.

– *Делай с ним, что хочешь,* – сказал голос, – *но не растрать впустую дары своей сестры.*

Аня подождала, пока зеленый свет сменится мраком, отмечавшим ночь в земле Смерти. Тогда она надела зеленое платье и черные башмачки, зачесала назад свои тяжелые волосы. После чего поднесла камень к глазам.

Она увидела свой дом – таким же, как в прежние времена, когда у нее были отец, мать и сестренка Лизбет. Держа перед собой камень, как смотровой глазок, она обошла дом по периметру, заглядывая в окна.

Она увидела красивую женщину, игравшую на пианино. Своего поседевшего отца, пившего шерри. И юношу – на вид чуть старше ее самой. Он был высок и тонок, уже на пороге взросления – но еще не мужчина.

Он сидел рядом с отцом, который глядел на него с гордостью, похлопывал по плечу. Глаза юноши лениво скользили по зале – по дорогой мебели, по пианино, по своей матери за инструментом, и наконец остановились на лице Ани.

Юноша вскочил с места и подошел к окну. Когда вслед за ним подошел отец, Аня отшатнулась. Сын указывал прямо на нее – но отец, хмурясь, смотрел куда-то мимо и качал головой. Наконец он задернул занавески.

Аня в своем платье цвета блуждающих огоньков еще подождала в саду и опустила руку с камнем. Она снова стояла среди гниющих домов и сухих костей. Стоило ей поднять камень к глазам, как под ногами оказывалась зеленая трава, в которой мерцали светлячки. Она видела, как юноша идет к ней по саду – шаги его были осторожны, но взгляд упрям.

– Ты можешь задать мне один вопрос, – сказала она. – Но вопрос должен быть правильным.

– Кто ты? – спросил он.

Аня не ответила.

– Почему они все тебя не видят? – спросил он.

Аня все так же молчала.

– Ты очень красивая, – прошептал юноша наконец и потянулся, чтобы прикоснуться к ней. – Почему ты держишь руку высоко поднятой?

Аня улыбнулась ему – этой улыбке она научилась у своей мачехи. Она позволила юноше наклониться к ее губам – ближе, еще ближе – и тут она резко опустила камень и вернулась в мертвый сад.

Юноше потребовалось много ночных встреч, чтобы наконец задать ей правильный вопрос. К тому времени его глаза были мутными от бессонницы, и любовь стояла в них, как голод.

– Что я могу сделать, чтобы ты осталась здесь? – наконец спросил он ее.

Она улыбнулась и наклонилась к его уху.

Она рассказала, что нужно сделать, чтобы они могли быть вместе. Как изменить мир – ровно настолько, чтобы вернуть ее в мир живых.

«Понадобится кровь», – сказала она.

Она научила его нужным словам, повторив их трижды, чтобы он лучше запомнил. Она вложила ему в руки костяной нож. А потом смотрела, как он проводит кровотокающим запястьем по стене дома ее отца, рисуя дверь. Едва договорив заклинание, он упал, и лицо его – зеркало отцовского лица – быстро побелело.

Кровь обратилась в дверь, края которой светились отвратительным зеленым светом. Аня уронила камень, когда дверь распахнулась.

Юноша исчез, а свет поменял цвет на теплый и золотистый – это в доме горели лампы. Аня вошла в дверь и почувствовала легчайшее касание – это ее сводный брат, минуя ее, вышел в земли Смерти.

Она стояла в отцовском доме живая, совершенно одна, и Смерть не чувствовала себя обманутой – ведь Аня отдала чужую жизнь в обмен на свою. Она подняла камень к глазам в последний раз – чтобы взглянуть на юношу, который с ужасом на лице стоял на ее месте в зеленом мертвом свете – и убрала камень в карман.

Она прошла на кухню и там ложками глотала мед, отрывала от окорока куски руками и залпом пила вино, стекавшее по ее подбородку.

Потом Аня поднялась по лестнице в спальню отца, которую он делил с женой. И почувствовала, как костяной нож, который она хранила на груди, зашевелился.

Она не стала перерезать горло отцу. Она перерезала горло его жене. И оставила в ее мертвой руке круглый камень, уверенная, что отец точно обнаружит его наутро. И поднимет к глазам, чтобы увидеть ожидающий его мир мертвых, и сына, который будет звать его вечно – и никогда не вернется назад.

Пока Финч рассказывал, я не отрывала взгляда от леса. Голос его звучал монотонно и усыпляюще, пересказывая все эти далекие ужасы.

Игра света показалась мне обманом зрения. Финч рассказывал, как сестры проходят сквозь кровавую дверь, а я моргала, снова моргала, но никак не могла сморгнуть то, что видела: тонкую линию белизны, как след бенгальского огня, вспыхивавшую между темными стволами. Когда Финч закончил рассказ, я приложила ладонь к стеклу.

– Ты это видишь?

Он наклонился к окну, всматриваясь туда, где двигался призрачный огонек.

– Что это? Еще один бегун с фонарем?

Когда я отодвигалась, чтобы дать Финчу посмотреть, я нечаянно нажала локтем кнопку, открывающую окно. Стекло поползло вниз и открылось на несколько дюймов, впуская воздух, пахнувший дымом и металлом.

Огнем и кровью.

Острая вспышка дежавю приморозила меня к сиденью. *Чикаго. Крик Эллы. Белый свет.*

– Финч, поехали. Поехали, быстро, быстро!

Он нажал на газ, и мы как пробка выскочили на дорогу.

– Что случилось? Что это было?

Чикаго. Крик Эллы. Белый свет и запах смерти. Тонкие пальцы девушки, пролезающие в дверную щель...

– Ничего! Я не знаю. Просто... Просто не останавливайся. Ладно?

Он больше не спрашивал. Через несколько миль мы встретили указатель на большую заправку и свернули на этот съезд. Я вышла из машины вслед за Финчем, постояла у колонки, пока он заправлялся, а потом пошла за ним в жирное тепло «Макдоналдса».

– Больше сказок не будет, – как бы между делом сказал Финч. – Похоже, это плохо влияет на нас обоих.

– Помолчи, – сказала я без всякого раздражения, откусывая от чизбургера. Мыслями я была далеко, в холодной чикагской зиме. Теперь воспоминания приходили быстрее.

Я ходила на цыпочках по спинке кровати, играя в канатоходца. Пока не упала – да так неудачно, что ударилась подбородком о стеклянную крышку нашего дешевого прикроватного столика.

Была кровь. Много крови. Так много, что мне кажется – мое воспоминание лжет.

А потом оно распадается на отдельные кадры. Элла прижимает одно полотенце к моему подбородку, а другим пытается вытереть кровавую лужу на полу. Внезапный свет, ужасный запах.

И крик. И шок от жестокого мороза, когда Элла вынесла меня на руках через заднюю дверь, разутую, оставляющую за собой пунктирный кровавый след.

Тогда мы бросили все свои пожитки. Мне нужно было зашивать подбородок, но мы не останавливались в поисках больницы до самого Мэдисона.

Но от чего мы бежали?

Когда мы вернулись в машину, я заняла водительское место раньше, чем это успел сделать Финч.

Он с сомнением посмотрел на меня сквозь стекло.

– Ты нормально водишь?

Я ответила мрачным взглядом, и он поднял руки, словно сдаваясь.

– Мне так только лучше, я посплю. Гугл-карты говорят, что до Берча три часа езды. Проедем его насквозь и найдем мотель?

– Звучит отлично. Поищем что-нибудь подальше от леса.

Вожделение успокаивало меня, давало на чем-то сосредоточиться, но я все еще была очень напугана. Огни наших фар пожирали и снова сплевывали сгустки темноты, я пыталась разглядеть дорогу дальше их света, как будто прямо перед нами двигалось нечто, которое мы преследовали.

Около одиннадцати мы все еще были в часе езды от цели. Финч на пассажирском сиденье свернулся невероятным клубком, глаза его были закрыты. Наконец я заметила что-то новое: впереди горели сигнальные фальшфейеры.

– Эй. Просыпайся.

– Я не сплю, – сонно пробубнил он и вытянул шею, как черепаха, глядя на дорогу. – Что там? ДТП?

– Не знаю.

Мы подъехали ближе. В зоне видимости всплыла фигура полицейского с фальшфейерами в обеих руках. Я подъехала совсем близко к нему и затормозила.

Он нагнулся и заглянул в пассажирское окно. На нем были темные очки – почти точно такие же, как у меня. В сочетании с его пышными усами они выглядели как карнавальная маска.

– Разворачивайтесь. Проезда нет и в ближайшее время не будет.

– Что случилось? – спросила я, всматриваясь в темноту сквозь ветровое стекло. Я разглядела две полицейские машины и нескольких копов, сновавших между ними. Один говорил по рации, держа ее, как конференсье – микрофон. За ними виднелся белый внедорожник – частью на дороге, частью на обочине.

– Авария, – коп говорил отрывисто, чуть грубее, чем стоило.

Я выключила фары, чтобы они не мешали разглядеть происходящее. Двери внедорожника были распахнуты – все четыре. На дороге громоздилась какая-то темная куча, при виде которой у меня пересохло в горле. Нет, оно слишком маленькое для человека. Скорее всего, куртка.

– Их машина, кажется, в порядке, – сказала я. – Есть раненные?

– Красотка, я хочу, чтобы ты развернулась и быстро уехала в обратном направлении.

– Красотка?

Коп что-то жевал – то ли жвачку, то ли собственную щеку изнутри.

– Сынок, скажи, пожалуйста, своей девочке, чтобы она включила фары и развернула машину, пока я не выписал ей штраф. – Голос его звучал механически, стекла темных очков усталились теперь уже на Финча.

Прилив гнева начался с щек, как это обычно и бывало, и прокатился по всей коже холодным огнем.

– Обращайтесь ко мне, – сказала я. – Я здесь, перед вами. Или у вас создалось впечатление, что женщина неспособна выполнять простейшие указания?

– Алиса, – Финч положил мне руку на плечо, но я ее стряхнула. Слишком поздно было считать до десяти.

– То, что мы въехали на территорию сраной дыры, которая входит в вашу юрисдикцию, еще не повод обращаться со мной как с младенцем. Со своей гребаной женой так разговаривай!

С минуту коп смотрел на меня молча, на его скуле пульсировала мышца. Наконец он поднял на лоб свои очки, и глаза за стеклами оказались карими и сердитыми. Вполне человеческими.

– Детка, и этим ртом ты целуешь свою мать? У нас тут изрядная проблема, на твои закидоны времени нет. Врубай фары и поворачивай.

Он распрямился и отошел на несколько шагов, сигналив фальшфейерами.

Несколько секунд я сидела неподвижно, нерастраченный адреналин прощально пульсировал в венах. Финч перегнулся через меня и включил фары.

– Разворачивайся, – велел он. – Давай, черт тебя дер!

Я уставилась на него.

– Что с тобой не так?

– Со мной не так?

Осознавать, что ты ведешь себя как последняя задница, было так же противно, как чувствовать себя жертвой – минус удовлетворение от жалости к себе. Я развернула машину – быстро и резко, так что колеса прокатились по траве у обочины.

– Что ты хочешь сказать? – спросила я сквозь зубы.

– Ты отлично знаешь, что я хочу сказать. Любишь пользоваться привилегиями, да?

– Я, Эллери Джан-Финч-блаблабла? Я пользуюсь привилегиями?

– Да при чем тут деньги! – взорвался он. – Ты сцепилась с копом просто потому, что ты это *можешь*. Это запредельная наглость. Глянь на меня! – Он указывал на нечто очевидное – на цвет своей кожи. – Как думаешь, что бы светило мне, если бы я решил орать на копа? А тебя он даже не оштрафовал!

– А тебе хотелось, чтобы оштрафовал? – огрызнулась я, игнорируя смысл его слов. – Может, мне вернуться и попросить его выписать мне штрафчик?

Он помотал головой и отвернулся к окну.

Ничто на свете так не бесит меня, как отказ мне отвечать. Мой взгляд на периферии зрения залила гудящая чернота, как будто я смотрела на дорогу сквозь туннель.

– Ну давай. Скажи мне, что я должна делать. И что не должна.

– Просто прекрати, – устало сказал Финч. – Давай искать ближайший мотель, новый маршрут проложим завтра.

Мне следовало заткнуться, но я просто не могла.

– Нет, черт возьми. Ты начал разговор – изволь его продолжать.

– Господи, да перестань уже! Тебе не следовало оскорблять копа, вот и все. Он мог вытащить меня из машины за шкурку только потому, что ты ведешь себя как идиотка. Думаешь, богатство что-нибудь значит в такой ситуации? Думаешь, коп смотрит на меня и видит *богатого* парня? Ты притворяешься, что не врубилась, но все ты понимаешь.

Я и правда все понимала, еще бы нет. И стыд за ужасное поведение перегорал во мне во что-то темное. Раньше, чем разум успел взять верх, я резко крутнула руль – и машина скатилась с дороги и запрыгала на кочках, петляя между деревьями.

– Алиса! – Финч оттолкнул меня, пытаясь перехватить руль, но я вцепилась намертво. Мир сузился до дубового ствола, выросшего у меня на пути. Наконец паника прорвалась сквозь пелену гнева, и я выкрутила руль влево, чтобы выкатиться обратно на дорогу. Мы переехали колесами что-то, от чего машину здорово тряхнуло. Я ударилась головой о крышу, и это окончательно выбило из меня ярость.

На ее место пришел зуд раскаяния. Я позволила себе слишком сильно приблизиться к темному континенту глубоко внутри меня, этому темному миру без законов и правил, куда я старалась никогда не входить. Какое-то время я держалась, но сейчас ощущение возврата было знакомым, как вкус лекарства.

Финч закаменел на пассажирском сиденье. Я чувствовала его взгляд на своей коже. Я увеличила скорость, как будто стараясь быстрее оставить сделанное позади.

– Какого. Черта. Ты. Это сделала?

– Извини, – выдавила я.

– Мне плевать на твои извинения. – Собственные слова так поразили его, что он повторил их еще раз. – Мне *плевать*. Что за чертовщина на тебя нашла – что я теперь должен думать? Как ты собираешься меня убедить, что это не повторится? Что ты еще раз не попробуешь нас прикончить?

Я стиснула руки на руле.

– Не повторится. Я не хотела. Меня... У меня мерзкий характер. Это ужасно глупо. Я была идиоткой, когда орала на копа. Меня просто бесит хамство и неуважение.

– Меня оно тоже бесит. Но иногда надо взять себя в руки и проглотить обиду.

– Подожди, – я подняла руку. – Я серьезно. Я знаю, что вела себя погано. Но я не уверена, что, если мы продолжим разговор, меня снова не понесет под откос, поэтому, может, тебе лучше сесть за руль.

Он снова отвернулся к окну, сердито скрестив руки на груди, и не ответил. Так что я продолжала вести до самой парковки перед первым на нашем пути мотелем: «Отель “Под звездами”», гласила табличка меж деревьев. Финч тревожно взглянул на деревья, но ничего не сказал.

Нам выдал ключи парень, который выглядел как образцовый дежурный на ресепшене дешевого мотеля в глуши среди ночи. Я ожидала, что он извлечет откуда-нибудь толстую гостевую книгу, куда я впишу фальшивые имена – и тогда, может быть, Финч снова удостоит меня взгляда. Но эти книги сохранились, наверное, только в старых фильмах.

Финч заплатил за один номер на двоих, и я была ему благодарна за это. К тому времени моя уверенность в том, что он меня не бросит, дала трещину. Не вернется в Нью-Йорк – или попробует это сделать, ошибется поворотом и окажется в Сопредельных землях.

Навязчивость никогда не была моим недостатком. Я гордилась тем, что не нуждаюсь в друзьях – думала, это значит, что я ни в ком не нуждаюсь. Но оказалось, это значит, что я

просто слишком сильно нуждаюсь в Элле. Ужасно нуждаюсь. Она была для меня в буквальном смысле всем.

Наш номер со стенами цвета тоски украшали картины – по одной над каждой кроватью. Это были гнусные пейзажи, напоминавшие тест Роршаха на депрессию: если вы видите в пыльной синей рамке выцветшее кукурузное поле, вы в полном порядке. Но если при виде этой мазни вам представляется унылая фабрика, на которой выпускают такую дрянь, то прогноз не столь оптимистичен.

– Хватит разглядывать это дерьмо в рамочке, – сказал Финч. – Ты меня пугаешь.

Он повалился лицом вниз на кровать – и тут же перевернулся на спину.

– Запах подушки напоминает мне детство в летнем лагере... Ту ночь, когда мой сосед по двухэтажной кровати обмочился в постель. Но я сейчас слишком устал, чтобы это мне помешало.

Я присела на край второй кровати.

– Мне правда очень жаль.

Он поморщился.

– Не надо.

– Что? Почему?

Он прикрыл глаза локтем.

– Просто забудь об этом. Кстати, что ты видела на дороге – там, за копом? Ведь не ДТП?

Когда его глаза были прикрыты рукой, говорить с ним было легче. Я тоже прилегла, откинувшись на подушку.

– Не ДТП. Не могу объяснить, но ощущение было какое-то... Сопредельное. Ты понимаешь. Ты видел ту машину с открытыми дверьми?

– Я ничего не видел. Надо мной нависал коп, и я был слишком занят тем, чтобы делать невинный вид.

– Ты? У тебя вообще бывает какой-нибудь вид, кроме невинного?

– Еще как бывает. Иногда я редкостный козлина.

– Неубедительно, – мягко сказала я. – Ты слишком похож на хорошего парня.

– Значит, ты мало знаешь о хороших парнях.

В его голосе было что-то, насторожившее меня, и я помедлила с ответом. Тем временем дыхание Финча стало ровным и глубоким – этот сонный звук заразил и меня, члены мои отяжелели, как мокрый песок. Я едва смогла поднять руку, чтобы погасить свет.

И невольно улыбнулась: оказывается, потолок покрывали фосфоресцирующие звезды. Я позволила векам сомкнуться. Звук дыхания спящего Эллери Финча – это так же хорошо, как кто-то рядом, до кого можно дотянуться в темноте.

Финчу снился кошмар.

Я слышала, как он мечется на соседней кровати, издавая тихие стоны. Сквозь занавески проникал тусклый желтый свет уличных фонарей. Я не знала, сколько сейчас времени, а мой телефон лежал на зарядке Финча на другом конце комнаты.

– Финч? Эллери?

Он не ответил. Я зажгла прикроватную лампу, но он не проснулся, только поморщился во сне. Я тихо села и спустила ноги с кровати. И снова подождала, что сейчас он откроет глаза.

Этого не случилось. Собственное тело казалось мне грязным от мотельной кровати, как будто я купалась в выделениях тел других людей, сама того не замечая. Я наклонилась, чтобы разглядеть Финча поближе.

Он лежал, запрокинув голову, и глаза его быстро двигались под веками. Обычно, если я смотрела на человека слишком близко и слишком долго, его облик в моих глазах начинал распадаться на компоненты: хрящ носа... глазные яблоки в глазницах... Странные изгибы ушных раковин, суставы пальцев – как же их много, – и макияж, странная краска на коже, неплотно к ней прилегающая, а еще все это нагромождение органов в *штанах*, и *коленные суставы*, и ноги – как существа с подобным сложением умудряются не замечать, насколько дико они выглядят?

Но Финч в моих глазах оставался непоколебимо цельным. Отказывался распадаться на составные части. Просто юноша в постели, запрокинувший голову. Губы его чуть шевелились, шепча слова, которые я не могла расслышать, а потом он вдруг застонал – так тоскливо, что рука моя, опережая мои мысли, сама собой легла ему на плечо.

– Эгей. Тебе снится плохой сон.

Он шумно втянул воздух носом. Веки его задрожали и поднялись. Взгляд, сперва направленный в потолок, переместился на мое лицо. Я увидела, что из него уходят остатки сна и возвращается разум.

– Ох, – сказал он голосом, в котором слышались непролитые слезы, и я подумала, что, наверное, мне стоило бы отвернуться. Но он неожиданно схватил мою руку и прижал ее себе к груди.

Я не отняла руки. Ровное биение сердца, которое я ощущала сквозь футболку, напомнило мне, что сердце – это мышца. Самая важная мышца в нашем теле.

– Тебе снился кошмар.

– Прости. Извини, Алиса.

Он произнес мое имя так осторожно, как опускают нечто хрупкое и драгоценное на мягкое моховое ложе.

– За что? Это же просто сон.

– Нет, я... – он так пристально смотрел на меня, что я невольно опустила глаза и смотрела на наши соединенные руки, поднимавшиеся и опускавшиеся в такт его дыханию. – Алиса, давай вернемся.

Я вскинула голову. Ресницы Финча были мокрыми, на щеке – след от складки на подушке. Передо мной стрелой промчалось время от первой нашей встречи – он в форме Уайт-чепела – до сегодняшнего дня, когда он в трусах и футболке лежал на кровати в мотеле.

– Вернемся куда?

Он подался вперед, пока наши лбы не соприкоснулись.

– На свете много сказок, – прошептал он. – Есть сказки намного лучше. Если Сопределье реально, может, и все они реальны. Мы можем поискать Нетландию. Или Нарнию.

Я не плакала с той самой ночи, когда Элла объявила мне о своей помолвке, но сейчас слезы подступили очень близко.

– Элла не на острове Нетландия, – прошептала я. – И не в Нарнии.

– Может быть, и не в Ореховом лесу.

Я отняла руку. Кожа казалась холодной в тех местах, где она прикасалась к нему.

– Может, и нет. Но мы пришли сюда, чтобы узнать наверняка.

– Мы не обязаны делать что-то, чего не хотим делать. Еще можно... мы еще можем повернуть назад.

– Откуда у тебя такие мысли? – я ударила кулаком по матрасу, чувствуя себя особенно беспомощной от того, что удар был беззвучным. – Что тебе приснилось?

Он покачал головой.

– Приснилось, что все это реально.

– Так оно и реально. Мы оба видели Дважды-Убитую Катерину.

– Не только это. *Всё* это.

– Что – всё?

Он не переставал качать головой, глядя мимо меня.

– Ты никогда не чувствовала, что твоя жизнь – это вроде фильма? А ты просто играешь свою роль? И ты тратишь время, глядя на собственную игру, и думаешь, что ты неплохо справляешься, играя себя самого, а потом однажды просыпаешься и вспоминаешь, что на самом деле все это настоящее? Все люди вокруг тебя – это чертова *реальность*? – Финч говорил все быстрее и быстрее, и наконец его голос сорвался.

– Наверное, хорошо быть богатым, – сказала я. Довольно подлый удар, тем более что он был прав. Я тоже постоянно такое чувствовала. С одной только разницей – мне не казалось, что я неплохо справляюсь.

– Все наши действия имеют последствия, – сказал он.

Он застал меня врасплох, подняв среди ночи, смутив своим беззащитным видом. Но теперь я потеряла терпение.

– Финч, здесь тебе не собрание по борьбе с наркоманией. Не надо кормить меня банальностями. *Последствие* твоего согласия отвезти меня в этот хренов Ореховый лес – то, что тебе

придется это сделать. У меня нет денег, чтобы заплатить тебе за бензин, и нет способов убедить тебя мне помочь. Единственное, что есть – это готовность тебя и правда убить, если ты попытаешься отвезти меня обратно в город теперь, когда мы вот-вот, возможно, найдем мою маму. Ты меня понял?

Мы сверлили друг друга взглядом.

– Мне снились Сопредельные земли, – сказал он.

– Да, я это поняла. Но твой сон не имеет ничего общего с нашими делами. – На вкус это походило на ложь, и я попробовала снова. – Это просто *сон*, а не пророчество.

– Как далеко ты готова зайти в поисках матери?

– До края земли.

– И не дальше? – он смотрел так, будто хотел, чтобы я его убедила... в чем-то.

Я закрыла глаза ладонями.

– Ты чувствуешь себя играющим роль в кино? То же самое и со мной. Я играю себя в фильме, где все оборудование перегорело, сценарий потерян, в камерах кончилась пленка, а съемочная площадка где-то в трущобах, где водятся привидения. Финч, у меня не просто нет других родственников, кроме нее. У меня вообще больше *никого* нет.

Я увидела принятие в его лице и поняла, в чем именно он хотел убедиться. В том, что мне нечего терять. Может быть, ему было нужно знать, что я готова умереть за Эллу.

Умереть, как умер друг Нэсс.

Я смотрела на Финча, такого цельного и живого, и понимала, что не могу ему позволить пойти со мной до конца. Только не в черную дыру Орехового леса. Каким-то образом за последние тридцать шесть часов он был причислен к крохотной и очень грустной группе людей, единственным членом которой до недавних пор была Элла. Группе под названием «те, чьей смерти Алиса Кру не вынесет».

Ад – это беспокоиться о ком-то, кроме себя.

Несколько часов спустя я проснулась в панике, часто дыша, как будто вынырнула из-под воды. В ушах моих стоял отголосок какого-то угасающего звука. Что меня разбудило?

– Доброе утро, – Финч уже проснулся и сидел в постели, закинув руки за голову и глядя на меня.

Я сжала в кулак ладонь, которую он недавно прижимал к своей груди, и вспомнила его взгляд из-под мокрых ресниц в темноте. Теперь его ночная слабость ушла, уступив место обычной дневной личине фирменной финчевской бодрости и спокойствия.

– Доброе. Кажется, я... Ты ничего не слышал?

– В общем, слышал. Последние пять минут мы с тобой активно разговаривали.

– *Что?*

– Ты говорила во сне. А я отвечал.

– И что я говорила?

Он улыбнулся. Улыбка вышла слегка неискренняя.

– Да ничего особенного. Всякую ерунду. Ну знаешь, которую всегда говорят во сне.

– Финч. Скажи мне, что именно я говорила.

Мой ледяной голос слегка обескуражил его. Я невольно подумала, не вспоминает ли он, как я вчера едва не угробила нас обоих, чуть не врезавшись в дерево.

– Нет, правда, это была какая-то глупость. Вроде бы о рыбалке, о тостах, всякая подобная фигня. Не кипятись.

– Ненавижу, когда мне велят не кипятиться.

Он спустил ноги на пол и серьезно взглянул на меня.

– Извини. Ты права, нужно было тебя разбудить. Но это было так забавно. Ты была такая расслабленная, даже голос звучал... не как обычно. Но...

– Но ты должен был меня разбудить, – подытожила я.

– Ну да.

Он встал и потянулся, так, что футболка задралась, обнажив плоский живот. Я быстро перевела взгляд на потолок – на желтоватые пятна, которые ночью были фосфоресцирующими звездами – и разглядывала их все время, пока Финч был в душе. Почему я сейчас ему не верила? Что в его голосе выдавало ложь?

Наконец Финч вышел из уборной, полностью одетый, и мыться отправилась я. После душа я натянула одежду на еще влажную кожу, и это оставило у меня ощущение холода и незавершенности. Слишком много времени прошло со времени моей последней стрижки, и теперь волосы уже наполовину прикрывали мне уши. Я нахмурилась и зачесала их назад. Волосы у меня густые, плотные и волнистые, цвета пшеницы. До четырнадцати лет я носила их такими длинными, что могла подвернуть их под себя, как плащ, когда садилась. Настоящие волосы диснеевской принцессы, приманка для каждой девчонки, чьи руки чесались заплетать косы. Элла коротко их подстригала, пока я не выросла, чтобы сама за ними ухаживать, и я с удовольствием это делала – пока тот старый козел, учитель английского, не намекнул мне, что они вызывают определенные мысли. *«Какая ты милая, просто сладкая кисонька».*

После того случая я возненавидела свои длинные волосы так же сильно, как в моем детстве их не терпела Элла. Короткая стрижка помогала оставаться невидимой – больше никаких мальчишек, которые бы совали руки под эту шелковую завесу, чтоб щелкнуть лямкой моего спортивного лифчика. Больше никаких девчонок, просящих разрешения потрогать мои волосы и хватающих пряди своими потными руками раньше, чем я успевала ответить.

– Ты готов ехать? – спросила я, возвращаясь в номер.

Финч тем временем вскрывал зеленую пачку кофе *Folgers*, лежавшую на комодке рядом с крохотной кофеваркой.

– Будешь? – спросил он.

Я принялась к чудосочному запаху кофе из пакетиков и с отвращением наморщила нос.

– Мои боссы впали бы в кому, увидь они, что я пью такую дрянь, – начала я и только теперь вспомнила, впервые с момента исчезновения Эллы, что полностью забила на «Соленую собаку» – или, по крайней мере, собиралась это сделать. Как раз сегодня моя смена. Я подумала о Лане, которой придется одной справляться со всеми обязанностями. Может, она удивится моему отсутствию и решит мне позвонить? Печальное положение вещей – единственные люди в Нью-Йорке, которых может встревожить мое отсутствие, это те, кто платит мне за работу...

– У тебя есть боссы? – спросил Финч, изумленно поднимая брови – эта недоуменная гримаса богатенького мальчика вызвала у меня желание его прибить. Заталкивая вещи в рюкзачок, а ноги – в кроссовки, я попробовала позвонить Кристиану на мобильный. Ответа не было. Уже по пути на парковку я позвонила Лане.

Я успела услышать в трубке ее музыкальный голос – но тут моя рука, державшая телефон, сама собой упала. Не глядя, я завершила звонок.

– И куда ты... – начал было Финч, но запнулся.

Наша арендованная машина, припаркованная прямо под окнами номера, была наполнена водой. Налита до краев, как аквариум. Илистой, мутной бурлящей водой, сквозь которую ничего не было видно.

Из моей груди невольно вырвался истерический бурлящий смех. Вот, напоминание, ясное как день: Сопределье следит за каждым нашим шагом. Мы думали, что смогли сюда добраться, потому что мы такие умненькие; но продвигались вперед мы только потому, что они нам позволяли.

Финч прошел вперед, держась руками за голову, и поднял лицо к небу.

– Надеюсь, ты не высматриваешь дождевые облака, – сказала я.

Я думала, он разозлится, или изобразит агрессивное спокойствие в фирменном стиле Финча, к которому я уже начинала привыкать, или вспылит. Но когда он наконец повернулся ко мне, лицо его выражало что-то вроде благоговения.

– Это работа Сопределя.

– Да.

– Теперь мы не можем вернуться в Нью-Йорк.

– Мы и не собирались возвращаться.

– Нет. Я имею в виду – даже если бы мы хотели. А теперь... у нас вроде как нет выбора. Только вперед.

– Что? Да есть у нас выбор. И мы его сейчас делаем. Это не знак судьбы, Финч, это над нами издеваются сверхъестественные мудаки.

Встав так, чтобы мои ноги были как можно дальше от машины, сильно нагнувшись и вытянувшись, я открыла пассажирскую дверь. Из нее хлынул поток воды, прокатившись по моим кроссовкам – грязной, зеленоватой, с соленым запахом.

– Это морская вода, – озадаченно выдохнул Финч – как раз в момент, когда на асфальт потоком вынесло жирную серебристую рыбину. Она была широкомордая и усатая, вроде сома, и шумно плюхнулась на брюхо. Бока ее ходили ходуном. При виде рыбы меня наполнила острая жалость – вот еще одна жертва Сопределя.

Рыба лежала так спокойно, ее усатая физиономия выглядела такой древней и мудрой, что я подумала – наверно, она тоже волшебная. Что она даст мне, если я верну ее в океан? Какую способность я обрету, если съем ее?

Финч протянул мне ключ от номера, все еще болтавшийся у него в руке.

– Иди и сделай нам этот ужасный кофе. А я попробую добыть новую машину.

Я беззвучно извинилась перед рыбой и пошла обратно.

Оказалось, что до любого ближайшего пункта аренды машин не добраться без машины, а служба такси не действовала в радиусе нескольких миль. Наконец мы сдались на милость дежурного на ресепшнере – на этот раз это была девушка, которая вполне сошла бы за сестру-близнеца ночного администратора.

– Вы можете воспользоваться рыбацким автобусом, – предложила она. – Остановка примерно в миле отсюда. Он вас отвезет в Найк, а оттуда до Берча рукой подать.

И она объяснила, как найти остановку.

– Если поторопитесь, – зловеще добавила девушка, – можете успеть на сегодняшний автобус.

Мы с Финчем обменялись паническими взглядами.

– Сегодняшний автобус? Он что, один в сутки?

Она пожала плечами и вернулась к своему журналу Redbook, лениво перелистывая фотографии знаменитостей за пятьдесят, довольных своим возрастом.

Мы поспешили наружу и, не глядя, пробежали мимо затопленной машины. Бездонный кошелек Финча вновь доказал свою полезность – с финансовой стороны безнадёжная порча машины явно не озаботила моего спутника. А у меня, на худой конец, был мой рюкзачок. Я сунула в него руку и нащупала на дне перо, расческу и кость. Но вытаскивать их не стала.

Идти рядом с Финчем, глядя только вперед, было приятно. Внутри меня поселился новый жар, который вспыхивал, как электрический разряд, всякий раз, когда мы встречались глазами. Как будто наш ночной разговор открыл в нем некий тайный источник света и сделал его слишком ярким, слепящим глаза.

Как бы все могло сложиться у нас, если бы Элла не пропадала, а мы с Финчем начали бы просто встречаться, как парень и девушка? На ходу мы случайно соприкоснулись руками, и я резко отдернула свою, даже засунула ее в карман во избежание касаний.

– Ты сегодня пробовала позвонить маме? – спросил Финч, когда мы наконец вышли на широкую, разбитую колесами лесную дорогу, пахнувшую влажной листвой и тревогой. Если верить администратору из мотеля, эта дорога и должна была привести нас к автозаправке, кафешке при ней и автобусной остановке.

– Нет. Ее номер больше не обслуживается, ты помнишь?

Он ответил через несколько шагов.

– Конечно, помню. Извини.

– Ты вообще в порядке?

Хотя Финч и смотрел неотрывно на дорогу перед нами, выглядел он так, будто взгляд его обращен куда-то вовнутрь.

– А? Да. Слушай, если мы упустим автобус, нам придется вернуться и проторчать еще сутки в мотеле. И ночевать там. А я больше не вынесу ни минуты на той вонючей подушке, так что давай прибавим ходу.

– А ты позвонил родителям? – спросила я. – Убедился, что у них не было проблем с Дважды-Убитой Катериной и ей подобными?

– Они в порядке, – пробормотал тот. – Дважды-Убитая Катерина подавится моей мачехой, если что. Столько бриллиантов ей не проглотить.

В его голосе была отчетливая нотка горечи, из-за которой шутка не звучала смешной.

– Но они хотя бы знают, где ты? Ну, или ты на худой конец соврал им что-нибудь подходящее?

Он резко обернулся.

– Не беспокойся об этом, ладно? Если они вообще заметят, что меня нет дома – что далеко не факт, – подумают, что я ночую у кого-то из друзей. Или безвылазно торчу в библиотеке. Хотя... Анна может заметить, – на миг он казался озабоченным этой мыслью, потом встряхнул головой. – В любом случае с этим я буду разбираться, если вернусь. То есть – когда вернусь.

Он сердито оглянулся на меня, злясь на собственную оговорку.

– Если ты вернешься?

– Когда. Когда я вернусь.

– Сначала ты не это сказал.

– Оговорка по Фрейду, бывает. Я не хочу возвращаться туда, но мне придется. У меня там все первые издания. И моя пишущая машинка. И мои, я не знаю, свитера и брюки. И мои – ох, Господи, да я просто образцовый хипстер. Мой приемный брат прав.

– У тебя есть приемный брат?

– Да, он живет со своим отцом. Я с ним встречаюсь всего дважды в год. Он футболист, но, как ни странно, с мозгами в голове. На него глянешь – и понимаешь, что разговаривать с ним не о чем, и тут он открывает рот и говорит что-нибудь умное. Это ужасно раздражает.

Нить разговора ускользала от меня. Я не знала, как спросить о том, что действительно хотела знать: почему он здесь? Он помогает мне – или бежит от чего-то? Хотя, на самом деле, какая разница. Важен результат, а он налицо: богатый Эллери Финч финансирует мое путешествие в Ореховый лес. Еще в Нью-Йорке я проверила в банкомате свою карточку, которую дал мне Гарольд, – просто хотела убедиться, и, конечно же, она оказалась заблокирована. Без Финча я бы сейчас уже потратила до последнего цента все сбережения из зарплаты в «Соленой собаке».

Наверное, он почувствовал, что у меня на уме вопрос, потому что внезапно припустил бегом.

– Остановка! – крикнул он через плечо.

Я побежала за ним, тяжело пыхтя, рюкзачок подпрыгивал у меня на спине. Финч издевался – никакой остановки впереди не было видно... Но через пару минут бега я различила

между деревьев какую-то будку, которая оказалась кафешкой. За ней была заправка и дворик, где на раскладных стульях сидело несколько стариков с рыболовным снаряжением, держа в руках банки с напитками.

Финч, подбежавший первым, поговорил с рыбаками – и показал мне большой палец.

– Автобус придет в течение часа и отвезет нас напрямик в Найк. Отличный улов, я считаю. Хочешь перекусить, пока мы будем ждать?

Кафе выглядело – да и пахло – как заплесневелая гостиная в чьей-то лачуге. Но вафли оказались вкусными, кружевными и масляными, к тому же с орешками, а один из пожилых рыбаков чокнулся с нами банкой пива, когда мы сели рядом с ними на раскладные стулья. Финч все еще вел себя тревожно, то и дело оглядываясь и вскакивая. Наконец я положила руку ему на плечо. Он подскочил на метр в высоту.

– Господи, какая у тебя рука холодная!

Я быстро отдернула ее.

– Холодные руки – горячее сердце, слышал такое?

– Не думаю, что это про тебя.

– Вот уж поверь – точно про меня. А ты выглядишь так, будто сейчас выскочишь из собственной кожи. Ты в норме?

– Да. Я просто... я в порядке. Извини. – Он снова огляделся и наклонился ко мне. – Просто мы совсем близко, знаешь? То, что случилось с нашей машиной, это ведь... магия. Верно?

– Да. Думаю, это она.

Странное сияющее выражение снова вернулось на его лицо. У меня от этого бежал холодок по коже.

– Как ты думаешь, что нас там ждет? – спросил он. – В Ореховом лесу?

– Не знаю, – честно сказала я. В моем представлении нас ждало что-то вроде мозаики из прочитанных мной сказок: ржавые ворота со скрипом растворяются, за ними высится замок, заросший плющом. А где-то внутри в хрустальном гробу лежит Алтея, как спящая красавица или мертвая невеста. Руки мои покрылись мурашками от этой мысли, и я стала растирать их, чтобы согреть.

Что не входило в мое представление о входе в Ореховый лес – так это наличие рядом со мной Финча. И неважно, какую из картин я рисовала на данный момент – золотой ключик, входящий в замочную скважину, высокая стена, увитая терниями, на которую нужно взобраться – всякий раз я входила в поместье одна.

– Как далеко ты намерен меня проводить? – прямо спросила я. – До самого особняка? Ты, в общем, не обязан этого делать.

Он беспомощно смотрел на меня, и в глазах его была боль предательства.

– Оставь эти игры, – наконец тихо сказал он. – Лучше честно скажи, что хочешь от меня отделаться.

– Отделаться? – так же тихо повторила я. Где-то за глазными яблоками у меня начала тяжело пульсировать кровь. – Это не игра в ограбление, это поиск пропавшего человека. Мне плевать, что еще меня ждет на месте, лишь бы меня там ждала моя мать. Живая и здоровая.

– Врешь, – на его губах жестокое слово как-то изменилось и прозвучало почти ласково. – Хочешь знать, что ты говорила во сне сегодня утром?

Я хотела, но не хотела. Но в результате все-таки кивнула.

– Ты говорила – «гребень, перо и кость». Я спросил тебя, что это значит, и ты повторила – «гребень, перо и кость».

У меня перехватило дыхание. Финч наклонился ко мне.

– Так, стой. Ты знаешь, что это значит?

– Нет. – Это была ложь только наполовину. – Зато теперь я знаю, что ты соврал, когда сказал мне, что я говорила всякую ерунду.

– Так может быть, это и есть ерунда. А может, и нет. Но звучит она совершенно в духе сказок и должна что-то значить. Может, это ключ – например, подсказка, как нам попасть внутрь.

– Или это был просто сон. – У меня зудели пальцы от желания нырнуть на дно рюкзака и прикоснуться к ним, убедиться, что они все еще со мной. Гребень, перо и кость.

– «В постели спящему и правда снится»⁹, – с жаром сказал Финч.

– Не цитируй мне Шекспира, уайтчепелский умник, – огрызнулась я. – И не цитируй мне *меня*. Особенно меня спящую. – Я хотела бы на этом и остановиться, но не смогла: – А об этом что-нибудь есть в книге? Там есть гребень, перо и кость?

– Если бы и были – разве это важно? – спросил он легкомысленным голосом – но взгляд его оставался тяжелым. – Это же просто сон, как ты сказала.

Автобус появился раньше, чем я успела ответить. Он был меньше, чем я ожидала – что-то среднее между «грейхаундом» и мини-вэном, и на боку у него была надпись цвета хаки – «Грозные охотники на щук». Все рыбаки явно были лично знакомы с водителем, а вот мы показались ему подозрительными.

– У вас нет снаряжения, – заметил он. – Вы что, туристы?

– Сколько стоит проезд? – я постаралась сделать безразличное лицо – как в нью-йоркском метро, но это совершенно не помогло уменьшить его интерес.

– Слышали об убийствах в этом регионе? Большинство убитых, между прочим, туристы, и молодые, вроде вас. Надеюсь, вы не собираетесь оставаться в лесу, когда стемнеет.

– Нет, сэр, – согласился Финч, бросив на меня предупреждающий взгляд. – У нее... У меня там родственники.

– Там – это в Найке?

– Там – это в Берче.

– Значит, об убийствах вы слышали, – водитель удовлетворился этим, закрыл дверь и протянул руку за деньгами Финча. – Не хотелось бы подвозить каких-нибудь городских идиотов, которые не знают, что там происходит. Предупреждены – значит вооружены. Смотрите в оба. – Он ссыпал в ладонь Финча сдачу.

– Смотреть в оба на что? – огрызнулась я, все еще на взводе. – На вероятных убийц, что ли?

Водитель хмыкнул себе под нос и махнул нам, чтобы мы проходили на места.

Дорога, как и было сказано, заняла около часа. Старые рыбаки оккупировали задние сиденья, как крутые ребята в любом из школьных автобусов, в которых мне случалось ездить за все эти годы. Мы уселись спереди. Финч задремал почти сразу же, стоило нам отъехать от остановки, или по крайней мере притворился дремлющим. Наконец я убедилась, что он и правда спит, и выкопала со дна рюкзака гребень, перо и кость. В дневном свете они выглядели весьма прозаически. Даже кость больше не казалась похожей на палец. Я переложила их в карман джинсов – и почувствовала себя спокойнее, едва они исчезли с глаз. Откинувшись на спинку сиденья, я стала смотреть на длинный гобелен скользящих за окном деревьев.

Радио в автобусе играло какое-то кантри – из тех песен, которым можно подпеть в любой момент, даже если слышишь их в первый раз. Я тихо мурлыкала себе под нос, положив голову на кожаный подголовник. На смену кантри пришла медленная песня – какой-то шансон в стиле пятидесятых, напоминавший о выпускных балах середины века. Женский высокий голосок, в котором было что-то зловещее, напевал о танцах под звездами, поцелуях и тому подобной ерунде, и я никак не могла понять, где я слышала эту мелодию раньше.

⁹ В. Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт I, сцена 4, сон Меркуцио (пер. А. Радловой).

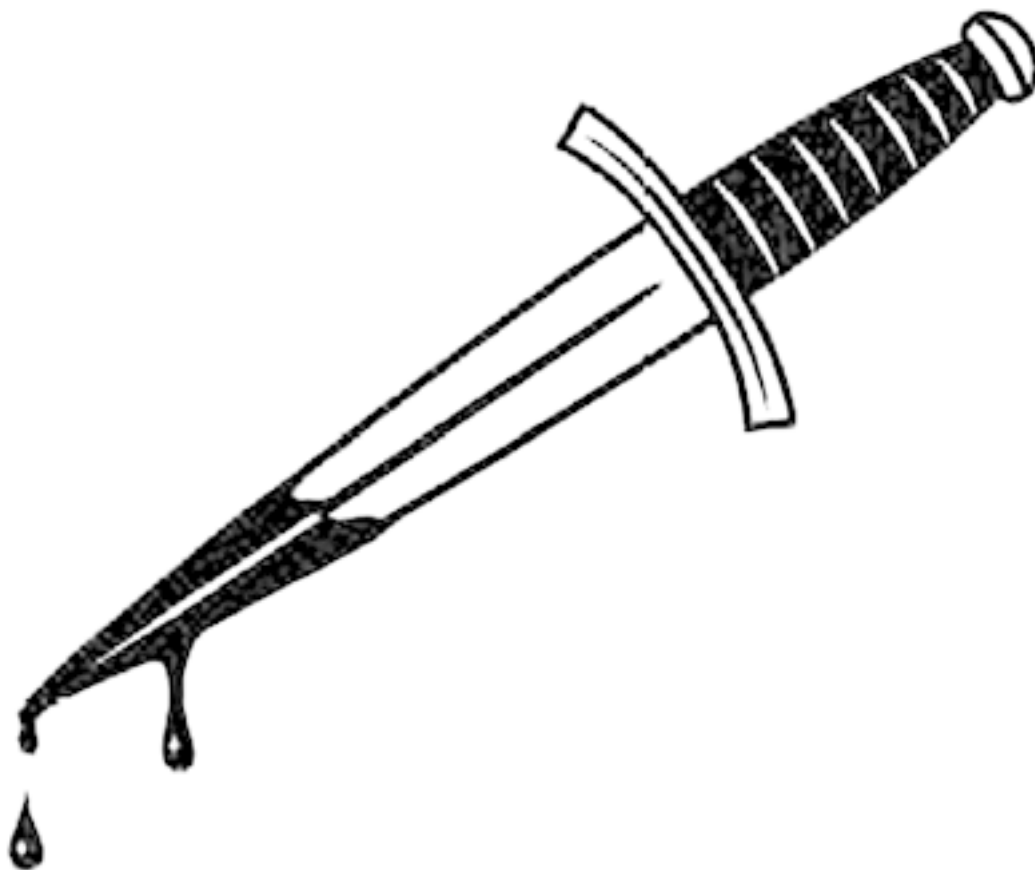
– *В лесах под красной, красной листвой*, – продолжал голос, переходя от пения к речитативу.

*Сшивай миры между собой,
Спеши, иначе тебе не дойти,
Рассвет положит предел пути...*

Я подскочила, как будто мне за шиворот сунули кубик льда. Это был стишок, странный детский стишок, который мне цитировала Нэсс. Замерев, я ждала продолжения, но песня на этом закончилась. Дальше была только пауза, заполненная помехами, как на старой магнитонной записи, и наконец из колонок полился, как виски, голос Уэйлона Дженнингса. Водитель в такт ему качал загорелой головой.

Оно здесь, подумала я. Сопределье. Оно здесь – или где-то очень, очень близко. Я взглянула на Финча. Его губы слегка шевелились во сне, и мне захотелось его разбудить или попробовать завязать с ним разговор во сне, как он поступил со мной. Но я не сделала ни того, ни другого. Просто сидела и повторяла про себя стишок, пока он намертво не врезался мне в память, и не отрывала взгляда от деревьев, будто ожидая увидеть что-то важное. Но видела только стволы и листву.

19

Финч проснулся, когда мы въехали в Берч, и смущенно провел рукой по губам.

– Где мы? Я долго проспал? – он выглянул в окно, когда автобус свернул на широкую асфальтовую площадку возле рыболовного магазина размером с ларек. – А-а. Мы приехали. – Тревожная энергия, которой он просто фонтанировал по дороге от мотеля, резко вернулась к нему.

Рыбаки прошли мимо нас на выход, за ними облаком плыл кислый запах старого курева и смех над какой-то старой шуткой, которую мы не расслышали. Водитель проводил меня тяжелым взглядом, когда я выходила из автобуса, и я подумала, уж не из Сопредельных ли и он. И не он ли сделал эту штуку с радио. Нет, был мой вердикт по обоим вопросам.

Финч, шедший позади меня, чуть задержался.

– Какая у вас следующая остановка? – услышала я его голос, ступая на тротуар. – Вы здесь разворачиваетесь и едете обратно?

– Именно. Но я бы тебе не советовал струсить и отказаться от похода, паренек, – водитель указал глазами на меня. – Твоя девушка этого явно не одобрит, судя по ее лицу. Просто не задерживайтесь в лесу до темноты, ладно?

Финч развернулся, высоко подняв плечи, и вышел из автобуса, не глядя на меня.

– Что это было? – спросила я.

Финч смотрел мимо меня – на рыболовный магазин, куда всей компанией устремились рыбаки. Он хотел было что-то сказать, но вместо этого пожал плечами.

Я отвернулась. Если он решает какую-то существенную фанатскую дилемму, то пусть делает это без меня. Мне было, о чем подумать – а именно о том, как бы от него отделаться, когда придет пора войти в Ореховый лес.

Сквозь стволы деревьев за остановкой виднелся металлический блеск воды. Я поняла, что ужасно хочу пить.

– Давай найдем продуктовый магазин, прежде чем идти в Берч? – начала было я, но запнулась, увидев Финча. Он стоял рядом со мной – даже слишком близко – с широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом. Я невольно шарахнулась от него.

– Черт, – выдохнула я, пытаюсь унять колотящееся сердце. – Что *такое*?

Финч улыбнулся. Это была улыбка собаки, которая не хочет, чтобы ее пнули в бок, но при том готова кротко принять удар.

– Я виноват.

От прилива адреналина мои глаза пересохли, а желудок сжался.

– Что ты имеешь в виду?

– Нам нужно идти, выбираться отсюда на автостраду. – Он заговорил высоким голосом и слишком быстро, неотрывно глядя на то место, где только что стоял рыбацкий автобус. – Попробуем автостоп. Нам придется... Чтобы как можно скорее вернуться в город. Я все объясню по дороге. Должен был объяснить еще вчера ночью.

– Что объяснить? – я схватила его за руку, не собираясь двигаться с места. – Мы никуда не пойдем, пока ты не скажешь.

– Я дал обещание, – ответил он. – Но не собираюсь его сдерживать.

– *Перестань* угрожать, что не сможешь мне добраться до Орехового леса. Отсюда я уже могу найти дорогу сама.

– Я обещал не тебе, – сказал он. – Я обещал *им*.

Им. Это слово ударило меня, как полицейская дубинка.

– Что за. Гребаный. Бред? – я сгребла Финча за грудки.

– Я думал... думал, что это тебе *поможет*.

– Это не ответ.

– Ответ. Только ты его еще не поняла. Они велели мне тебе не говорить...

– Не говорить что? И кто тебе велел?

– Не могу, – Финч нервно огляделся, дрожа так, что зубы его стучали. – Может быть, они сейчас нас слышат. Нам нужно идти.

– Просто скажи мне все. Без загадок и отговорок.

Его всего передернуло, словно от отвращения.

– Я хотел, чтобы моя жизнь изменилась. Чтобы она стала настоящей. И она стала. Но я не думаю, что это стоит такой цены.

Неожиданно меня поразила мысль о том, что никакой бездонный кошелек не смог бы меня заставить привести фаната Алтеи Прозерпины в Ореховый лес. И еще меня поразило осознание того, как мало я на самом деле знаю о Финче.

Подавив гнев и внезапный страх, я постаралась, чтобы мой голос звучал разумно.

– Если ты не объяснишь мне, что конкретно ты сделал, я не смогу тебе помочь это исправить.

– Только не это, – выдохнул он мрачно. – Они уже здесь.

Взгляд его метнулся мимо меня – как раз, когда я расслышала вхолостую урчащий мотор стоявшей машины. Обернувшись, я успела рассмотреть ее яркую раскраску и фигуру за рулем – и на пассажирском сиденье тоже кто-то был, – и тут Финч изо всей силы толкнул меня назад, так что плечо отозвалось резкой болью.

– Беги, – срывающимся голосом крикнул он. – Скорее!

Я потеряла равновесие и едва не упала на землю.

Желтые бока автомобиля дышали жаром, как у животного. То самое такси, которое подстерегало меня на выходе из Уайтчепела. И темноволосый водитель – парень из ресторанчика – был на месте. Рукой в перчатке он откинул длинные волосы со лба.

Его пассажирка тем временем вышла из машины, прожигая меня глазами насквозь. Это была Дважды-Убитая Катерина. На руках у нее были такие же черные перчатки, как и у парня.

Я остоленела. Знала, что стоит мне шевельнуться – и я выдам себя дрожью в коленях... или дрожью голоса.

– Прости, – сказал Финч. – *Прости* меня. Они просто велели доставить тебя в Ореховый лес. И все! Ты ведь и так собиралась туда и просила тебе помочь...

– Не ври, что старался ради меня. В какой момент? Когда конкретно ты начал работать на них?

Парень с нескрываемым любопытством наблюдал за нами. Катерина же выглядела так, будто нас вообще не слышала.

– *Работать?* Нет, это было не...

– Когда?

– Когда мы вышли от букиниста, – тихо ответил он. – Когда ты потеряла сознание, они говорили со мной. А за тобой... за тобой они следят несколько дольше.

– Спасибо за службу, Эллери Финч, – сказал темноволосый. – Ты готов получить свою награду?

– Нет, – сказал тот. Его темная кожа, казалось, побледнела – от нее отхлынула кровь. – Я не хочу.

– Что за награда? – выдавила я.

– То, о чем мечтает любой ребенок, – насмешливо объяснил темноволосый. – Вход в волшебную страну.

Это все я виновата, думала я. Как я могла доверять фанату.

Передо мной предстало лицо Эллы – она всегда старалась искать хорошее в самой дерьмовой ситуации. Может, все не так уж и плохо. В конце концов, я ведь этого и хотела – найти этих людей или кто они там такие.

Но о хорошем получалось думать очень скверно под взглядом Катерины, который так и ползал по моей коже.

Я оттолкнула в сторону Финча.

– Я ищу мою мать, Эллу Прозерпину. Я знаю, что вы ее забрали. Верните ее.

– Она считает нас похитителями мамочек, разве это не забавно? – спросил темноволосый. Катерина по-старушечьи поджала губы.

– Ты уверен, что это она? Эта *домашняя кисонька*? – она внезапно оскалила на меня зубы, и я отшатнулась. Катерина расхохоталась. – Видишь? Пугливая, как муха.

Но отшатнулась я не от ее оскала. А от того, как она меня назвала: *кисонька*. Как будто она откуда-то знала давнее оскорбление, которое все еще жило у меня внутри.

Вдруг я почувствовала себя ребенком, который пробирается сквозь густой лес коленей взрослых, ловя обрывки их разговоров у себя над головой. Все это не имело смысла, было лишено *контекста*. Все вокруг – даже Финч – обращались со мной как с ребенком, которого нужно оберегать. Защищать от опасной информации.

На несколько мгновений окружающий мир поблек и замедлился. Я видела сразу все. Финча, такого подавленного и изможденного, что он едва держался на ногах. Темноволосого парня с руками в карманах, с оживленным, голодным взглядом. Катерину, готовую к нападению, с таким лицом, будто она собиралась меня укусить.

Я выбрала Катерину.

– Я вам, – сказала я отчетливо, – не кисонька.

И изо всех сил ударила ее по лицу.

И она, и ее спутник задохнулись от изумления. Моя ладонь, соприкоснувшаяся с ее кожей, вспыхнула – и этот жар побежал вверх по руке, как будто кровь моя превратилась в бензин, а удар вызвал вспышку огня.

Парень выругался, Катерина отшатнулась, схватившись за щеку. Я смотрела на свою ладонь, стараясь вытрясти из нее ужасный, не угасающий жар.

– Что ты со мной сделала?

– Катерина, ты идиотка, – процедил темноволосый.

Она только тряхнула головой, не глядя на него, и темные волосы завесили ей лицо.

– Что ты со мной сделала? – заорала я, хватаясь за лицо, чтобы понять, не высыхаю ли я, не сморщилась ли моя кожа, как у того мужчины, на которого Катерина напала в Манхэттене. От ужаса я даже забыла о проступке Финча и повернулась к нему.

– Она убила меня? Финч, я умираю?

Он протянул руку, чтобы обнять меня за плечи, но тут же отдернул ее.

– Ты такая холодная, – прошептал он, глядя на меня грустными бездонными глазами.

Мы стояли посреди асфальтовой площадки, где ничего не двигалось, будто вымерло. Ни одной машины на дороге, ни одного рыбака на выходе из магазина. Даже ветерок утих, и в неподвижном воздухе застыло солнце, как наколотое на булавку насекомое.

– Любим устраивать беспорядки, да? – спросил парень, стараясь говорить утомленно и равнодушно, но я чувствовала тонкую нить гнева под этим спокойствием. Он потер руки, глядя на нас с Финчем, как на куски мяса на сковороде.

Я схватила Финча за руку, не обращая внимания на крик боли, когда он обжегся о мою огненную ладонь, и мы побежали.

Мы бежали к автостраде, прочь от деревьев. У меня появилась идея выпрыгнуть на дорогу перед первым же идущим автомобилем. Идиотская идея. Мир завис, как будто кто-то нажал на кнопку паузы; даже птичьего пения было не слышно.

– Алиса! – дико завизжал у меня за спиной парень из Сопредельных. Такой звук не мог исходить из человеческого горла. Я не могла ничего поделать с собой – и обернулась.

Он вскинул руку, и... земля вздыбилась перед нами, как раскрытый веер. Или же это стремительно переместились деревья – только что они были позади, и вмиг окружили нас со всех сторон.

Моя грудь ходила, как кузнечные мехи, но я все же пыталась бежать. Глотки воздуха, которые я с трудом втягивала сквозь зубы, были горькими, деревья окружали нас, мы бежали по зеленой земле, которая бешено вращалась под ногами. Мир перевернулся и сошел с ума, и в какой-то момент оказалось, что мы бежим не от них, а к ним – к темноволосому парню и Дважды-Убитой Катерине, чьего лица не было видно под завесой седеющих волос. Она держала в руке нож, и я бежала слишком быстро, чтобы что-то изменить. Единственное, что я смогла – это затормозить и споткнуться у самых ее ног. Рядом на землю тяжело упал Финч.

Нож блестел на уровне моих глаз. Я раскрыла их как можно шире, потому что самое плохое, что могла сделать смерть – это взять меня неподготовленной. Но Катерина не нанесла удара. Напротив, она протянула нож мне, ее затянута в перчатку рука вложила его мне в ладонь – очень осторожно, чтобы не соприкоснуться со мной ни единой лишней секунды. Даже сквозь кожу ее перчатки я ощутила, как она содрогается от прикосновения.

– Убей. Себя, – прошипела она мне в лицо и отступила на шаг.

– Что?

Рот парня приоткрылся, и я увидела в его глазах нечто ужасное. Тени зубастых ожидающих тварей – как будто все его существо было голодно.

– Убей себя, Алиса, – повторил он за спутницей, как заклинание. – Убей себя.

Перед моим внутренним взором вспыхнула картина – я вонзаю лезвие себе в вены на кисти, сверкающим потоком выпуская наружу огонь. Я усилием воли изгнала этот образ.

– Алиса, нет, нет, пожалуйста, нет, прошу, – почти молился Финч рядом со мной, стоя на коленях.

– Зачем мне это делать? – тупо спросила я. Это был настоящий вопрос. Я хотела знать.

– Выбирай – ты или вы оба, – сказала Катерина. – Ты или вы оба. Ты или вы оба.

– Алиса, они не могут тебя заставить что-то сделать, – хриплым от страха голосом сказал Финч. – Они даже прикоснуться к тебе не могут!

– Заткни пасть, – прошипела Катерина и пнула его в лицо башмаком с железной оковкой. По щеке Финча поползла струйка крови. Он с криком опрокинулся на землю и скорчился, схватившись за лицо. Катерина и ее спутник стояли по сторонам, сохраняя дистанцию. Только лица их были открыты – одежда не оставляла снаружи ни полоски кожи.

Когда я ударила Катерину, коснулась ее лица, ее кожа обожгла меня – но и ей, очевидно, это причинило боль. Как все это устроено?

– Почему вы не можете ко мне прикоснуться? – спросила я.

Катерина оскалилась, не двигаясь с места. Слабым звеном здесь явно был парень. Его глаза бегали от ее лица к моему.

– Погодите. Вы же меня *боитесь*, так?

– Боимся? – яростно переспросила Катерина низким голосом. – Тебя? Да ты считай ничто. Почти такая же никчемная тварь, как он, – она кивнула на Финча. – Все, на что ты сейчас годишься – это пустить себе кровь и сделать нам эту чертову дверь. Давай, убей себя, или он сдохнет – а за ним и твоя мать.

Дверь? Я пораженно выдохнула, все еще держа нож перед собой – будто собиралась резать хлеб. Катерина сделала шаг в сторону и с силой пнула меня по руке, так что она взорвалась болью, и нож вылетел из пальцев. Описав дугу в воздухе, он упал у ног парня. Тот подобрал нож, глядя на Катерину.

– Убей барашка, – сказала она.

Я увидела смятение в глазах Финча. Оно сменилось животным ужасом, когда темново-лосый рывком поднял его и поставил на колени. Одна рука вздернула кверху его подбородок, другая приставила нож к горлу.

У меня не было оружия, кроме собственной кожи и холодного огня, который зажгла под кожей Катерина, так что я бросилась вперед, метя рукой парню в незащищенное лицо.

Он с криком увернулся и одним конвульсивным движением погрузил нож в плоть Финча.

Ужас в глазах моего спутника сменился тупым шоком. На шее набухла кровавая нить – и тут же протекла вниз красным сочащимся занавесом.

– Ты испортил нам сделку, – голос Катерины звучал как будто издалека. – Ты вообще знаешь, что такое блеф?

Время замедлилось. Финч упал на землю, как разбитый сосуд, из которого потоком лилась жидкость. Драгоценная влага, собиравшаяся в темную лужу у канализационной решетки. Бесконечное множество возможностей, бессчетные нити выборов, перерезанные серебряными ножницами единым махом.

Он умирал.

Я завопила и поползла к нему, протягивая руки к его раскрытому горлу, чтобы зажать рану.

– Это твоя вина, Алиса, – сказала Катерина почти неслышным шепотом. Подняв окровавленный нож, она бросила его мне. – Убей себя.

Я и в самом деле хотела это сделать. Долю секунды – но хотела. Однако глаза Финча держали меня, яркие и вопрошающие. Еще не мертвые глаза, но умирающие.

– Все хорошо, – глупо сказала я ему.

Убийца Финча подошел сбоку.

– Катерина? – он произнес это имя вопросительно, прежде чем поднять тело Финча и закинуть его себе на плечо. Я вскрикнула, потянувшись к безвольно свисающей руке Финча, но убийца вскинул тело еще выше. Он подобрал с земли нож и взмахнул им в воздухе, как

дирижер своей палочкой. Воздух вокруг него задрожал и посветлел, открывая в пространстве щель – мертвенно-серую, как вода Грин-Ривер.

Тело Финча безжизненно болталось на спине его убийцы, который ступил в ярко-зеленый свет, лившийся из трещины. И исчез – а с ним и его ноша. Последние капли крови упали на траву, когда самого Финча уже не было.

Я бессмысленно посмотрела на место, где только что лежал умирающий Финч, и завизжала. Звук вышел из горла будто бы не сразу. Когда же наконец я услышала собственный крик, надо мной склонилась Катерина, и я завопила еще громче, вытягивая заляпанные кровью руки, чтобы схватить ее за лицо.

Она вскрикнула в ярости и взмахнула рукой. Что-то маленькое вылетело в мою сторону – это была ее страшная птица, растущая с каждым взмахом крыльев. Птица целилась мне в глаза, я закрыла лицо локтем – и почувствовала рывок. Это трудно объяснить: я почувствовала, будто из меня рывком вытягивают самое мое существо. Как будто моя душа прижалась изнутри к стенке тела, ожидая, что ее высосут, как желток из проколотого яйца. Солнце накренилось, словно его сбили с курса ударом бейсбольной биты.

Последним, что я расслышала, был голос Катерины, звучащий так близко, будто изнутри моей головы.

– Ты умрешь сегодня ночью, – говорила она, – от своей собственной руки.

И я провалилась в море черной немоты.

20

Элла вела машину. Ее лицо скрывала тень, освещены были только кисти рук на руле, похожие на белых пауков. Она мурлыкала под нос мелодию, которая сперва казалась нестройной – но наконец перешла во что-то ритмичное и жутковатое, повторяющееся раз за разом.

– Мама, – позвала я.

Она сбилась.

– Я думала, ты спишь.

– Что это за песня?

После долгой паузы:

– Детская песенка. Меня научила ей подруга, когда я была еще маленькой.

Мама никогда до сих пор не говорила со мной о своем детстве. Я затаила дыхание и наконец осмелилась спросить:

– Ты была такой же маленькой девочкой, как я?

А я была совсем крохой. Лет шесть, не более.

– Что ты имеешь в виду?

Я попыталась облечь свои мысли в слова. Чувствовала ли мама в детстве, что внутри она больше, чем снаружи? Нормально ли жить так, как я – словно жизнь обтекает меня, как вода, не оставляя особых следов? Была ли в ее детстве злая судьба – или она прицепилась к ней только после моего рождения?

Но ничего из этого я не спросила, потому что не хотела заставлять ее плакать. Она хотела, чтоб я была счастлива. Каждая перемена мест давала новый шанс на счастье, мама выводила меня на чистую поляну, покрытую свежим снегом, по которому можно было бежать вперед. Может быть, так обычно и чувствуют себя люди, когда переезжают: все оставленное ими позади смазывается, как акварельные краски, и совсем смывается с листа.

Я смотрела на ее сосредоточенное лицо, на глаза, устремленные на полосы света наших фар, разрезающих туман.

– Книжки. Ты любила книжки?

Элла чуть дернула плечами.

– Любила. Я читала все подряд, кроме волшебных сказок. – Она выглядела одновременно древней, как мир, и слишком юной, чтобы быть матерью. – Нам еще долго ехать, солнышко. Попробуй немного поспать.

Веки мои отяжелели, как будто она положила на них камешки. Я засыпала – или просыпалась, или и то и другое сразу. Машина и мама растаяли, я была где-то еще, а мама – далеко от меня. Мой разум медленно сбрасывал оковы небытия.

– Просыпайся.

Сквозь веки светило красное солнце. Я чуть приоткрыла глаза и сморщилась – свет был слишком ярким. Рука в перчатке отвесила мне пощечину – одну, другую, третью... От третьего удара у меня зазвенело в ушах, и глаза сами собой широко раскрылись.

Я сидела на заднем сиденье автомобиля, и вокруг была ночь. Надо мной склонялась Дважды-Убитая Катерина, светя мне в глаза фонариком. Зубы ее были мелкими и молочно-голубоватыми, как у маленького ребенка.

Я могла попробовать причинить ей вред, но не стала. На моей груди камнем лежала смерть Финча. Стоило мне сморгнуть – или слишком долго не моргать, – как он снова и снова умирал у меня перед глазами. Бездумный взмах ножа, умоляющие глаза. Беспомощное падение на землю.

Катерина оценивающе смотрела на меня, изо рта у нее пахло протухшими в вазе неделю назад цветами.

– Он бы остался жив, если бы ты просто сделала, что сказано, – прошептала она мне на ухо и поползла наружу, как паук, потянув меня за собой рукой в перчатке.

Я молча повиновалась. Каждый вздох причинял мне боль, болело бедро – наверное, я ударилась обо что-то. На губах был вкус тухлого кофе, в воздухе пахло мертвечиной, а голова была тяжелая, как с похмелья. Кожу словно покалывало электричеством. Я была здесь, страдающая, но *живая*, в то время как Финч истек кровью где-то в Сопределье.

– Что вы сделаете с его телом? – с трудом выговорила я.

Катерина громко захлопнула дверь машины – звук был, как выстрел, и заставил меня вздрогнуть. Она вглядывалась мне в лицо, словно раздумывая, куда меня разместить. Куда вставить кусочек пазла, который никуда не подходит.

– Не трать нервы на пустяки, – сказала она. – Ты на месте.

Я в смятении огляделась, ожидая увидеть Ореховый лес, дверь, дорогу... что угодно. Но увидела только деревья, со всех сторон окружавшие полянку – такую маленькую, что на ней едва помещался автомобиль. Непонятно было, как мы сюда приехали и как собираемся отсюда выезжать.

– Где я? – спросила я срывающимся голосом. Жажда снова начала меня мучить, еще отчаяннее, чем прежде.

– Ты в Лесу-на-Полпути, – ответила Катерина. – И в нем ты останешься. Будешь блуждать, пока не захочешь смерти и сама ее не выберешь.

Она схватила меня за руку и крутнула, будто мы танцевали кадрили. Я отлетела на несколько ярдов и упала на колени. К тому времени, как я поднялась на ноги, Катерина уже сидела в машине. Я рванулась к ней и ударилась грудью о дверцу, но автомобиль тронулся, и меня отбросило назад. Машина вломилась прямо в стену деревьев, и они раздвинулись, пропуская ее, после чего сомкнулись, как занавес.

Я медленно развернулась на месте – одна-одинешенька на поляне в темном непроходимом лесу.

Так я попала в волшебную сказку.

21

Поляна, на которой я стояла, была абсолютно круглой. Теперь, когда машина уехала, это стало особенно заметно. Что-то с деревьями было не так, и через пару секунд я поняла, что именно: они шелестели не одновременно, не под порывами ветра, от которого сохли мои потрескавшиеся губы, но по отдельности, каждое само по себе. И то, как они покачивали кронами и шевелили листвой, убедило меня, что деревья ведут меж собой разговор.

Все мое тело дрожало от скорби и ярости – ярости на убийц Финча и на него самого, на его глупость.

Но Финч был мертв. Мой рассудок никак не мог убедить в этом мое тело.

Я слепо побрела прочь с поляны, протиснулась мимо низкого кизилового дерева. Его цветы, похожие на сердечки, коснулись атласными язычками моей шеи. Я содрогнулась и ускорила шаг, пытаясь убежать от мысли, которая обхватила мой мозг, как веревка – горло висельника: а что, если я пробуждаю тут одну ночь, как было с Нэсс, и на следующее утро этот мир выплюнет меня наружу – только семью годами старше?

Всякий раз, стоило мне закрыть глаза, передо мной появлялось лицо Финча. Стены моего рассудка были запятнаны его кровью. Она была у меня на руках, от нее затвердели рукава моей водолазки.

– Все хорошо, – шептала я себе самой. – Все хорошо.

Я посчитала до десяти и сделала несколько дыхательных упражнений из йоги. Весь перед рубашки Финча был красным. *Я не спасла его, я не спасла его, я не спасла его я не спасла – его.* Я не спасла его. С моих губ сорвался странный звук, то ли смех, то ли стон, и он так испугал меня, что я умолкла. И ударила себя по щеке – так делала Элла, когда понимала, что вот-вот отключится от усталости за рулем.

– Все кончено. Уже некого спасать. Все хорошо, все хорошо.

Слова потеряли значение. Вот так и сходят с ума? Я сейчас в самом деле была в лесу – или же просто спала на заднем сиденье в машине похитителей, которые везли меня навстречу еще худшей участи?

Какое-то дерево резко выбросило вперед ветку с зелеными почками и хлестнуло меня по щеке. Боль пробудила меня, и на какое-то время я сконцентрировалась на том, чтоб заслонить лицо от веток – и притом не спотыкаться в темноте о валежник под ногами. Воздух меж деревьями был таким влажным и насыщенным, что казалось, будто я кожей чувствую дыхание листвы.

Он бы остался жив. Если бы ты просто сделала, что сказано.

Шепот Катерины шелестел из ночной пустоты. Я отмахнулась от него, как от комара, и продолжила продираться вперед, радуясь боли в разбитом колене и ободранных ладонях, и звукам, которые издавали по сторонам ночные твари, – это помогало больше ни о чем не думать.

Наконец я выбралась из чащи на берег ручья. Привалившись к стволу огромной ивы, опускавшей длинные ветви в воду в паре ярдов от моих ног, я жадно глотала холодный влажный воздух.

Я быстро проверила свои пожитки. Рюкзачок был утрачен, оброненный где-то в пыли на автобусной остановке. На мне все еще оставались дешевые джинсы и водолазка из «Таргета»; рукава были раскатаны на две трети. В карманах штанов нашлись обертка от шоколадки «Kit Kat» и – осознала я словно бы рывком – гребень, перо и кость.

Я вытащила их и удивилась, какими холодными они кажутся. А еще они издавали смутный электрический гул, вроде звука камертона. Я по-воровски огляделась и снова спрятала свои сокровища в карман.

И тут что-то обвилось вокруг моих голых щиколоток, между краями джинсов и верхом кроссовок, и резко дернуло.

Я распласталась в холодной грязи лицом вниз, тяжело дыша. Сплюнув грязь, попавшую в рот, я извернулась, чтобы увидеть, что меня держит, и на одну ужасную секунду подумала, что это труп.

У этой твари была прозрачная светящаяся кожа, как у существ с самого дна океана. Сложения она была почти человеческого, но никто на свете ни на миг не перепутал бы ее с человеком. Крепко ухватив меня за ногу, она смотрела на добычу с тупым нетерпением, как собака, ждущая, когда ей дадут кость.

Рациональная часть меня взорвалась страхом. Я с воплями пиналась и вырывалась, пытаюсь попасть ногой существу в ужасное лицо, но его хватка оставалась железной.

Когда моя нога ударила по воде, рассыпая вокруг каскады брызг, я инстинктивно отдернула ее, пытаясь отползти от ручья. Тварь улыбнулась и потянула еще сильнее. Нащупав пальцами камень, я оторвала его от земли и швырнула. Промახнулась, но тут же подобрала еще один. На этот раз снаряд попал не по самой твари, а по воде, которая только что была тихой, черной и быстрой. Однако упавший камень издал не плеск, а глухой стук. Существо обернулось на звук, не отпуская моей щиколотки.

От того места, куда я угодила ногой, по воде быстро расходилась корка зеленого льда с застывшими внутри пузырьками. Тварь снова взглянула на меня, в ее глазах появились проблески интеллекта. Отпустив мою ногу, она откатилась назад – в свежую прорубь, окруженную растущим на глазах льдом. Я выдернула ногу из ручья, сломав ледяную корку, и оглянулась в поисках того, кто спас мне жизнь. На другой стороне ручья, кажется, прощуршали кусты. Я не была уверена.

– Тебе не пройти, – голос у водяной твари был булькающий, полный взрывных согласных; этот акцент не был похож ни на один человеческий. Теперь, когда тварь уже не пыталась меня сожрать, она больше походила на женщину. Ее тинистые волосы были заплетены в косы, а губы – надменно поджаты.

– Почему?

– Потому что это моя дорога. Я могла бы тебя отправить блуждать вдоль берега до самой смерти.

Она засмеялась, обнажив множество острых рыбьих зубов.

– Я могу перейти по льду.

Тварь оглянулась – лед уже начинал подтаивать, обращаясь в талую воду. Странная магия, которая заморозила ручей, явно теряла свою силу.

– Можешь попробовать.

– А если я дам тебе кое-что?

Существо замерло, в его глазах цвета рыбьего брюха засветился интерес.

– Что дашь? Свои волосы? Свои пальцы?

Я вспомнила картинки с русалками, которые любила разглядывать в детстве – крылатые женщины на затонувших кораблях, задумчивые девы Уотерхауса, водящие гребнями по волосам...

Я вытащила из кармана гребень. Когда я его нашла на столике в кафе – и только что, когда я разглядывала его, прислонившись к стволу, – это была самая обычная красная пластмассовая расческа. Но сейчас он блестел, как перламутр. Я провела пальцем по его ручке, испещренной непонятной резьбой.

Рыжеволосый мужчина оставил эти вещи на столе специально для меня. Для того, чтобы я их нашла. Катерина хотела, чтобы леса убили меня, но кое-кто другой позаботился обо мне заранее, снабдил сказочными вещами-помощниками. Я подумала об Элле – стальном клинке, скрытом в середине букета. Этим лесам не убить меня и не свести с ума, потому что я – не Нэсс. Я – дочь Эллы и внучка Алтеи Прозерпины.

Я подняла гребень так, чтобы лунный свет засверкал на его зубах.

– Вот что я тебе дам, если ты позволишь мне перейти на тот берег. Живой и невредимой. Не пытайся ни откусить, ни как-либо еще повредить ни одной части моего тела.

Волшебные сказки учат использовать точные формулировки. Водяная тварь казалась разочарованной моей предусмотрительностью, но уже тянула жадные руки к гребню. Как только я передала его ей, она скользнула под воду и скрылась из вида.

Сначала я опустила на колени на берег и талой водой с ледяной крошкой смыла кровь со своих рук, ища подходящие слова – молитвы, стихи, – прощание, которое прозвучало бы правильно. Но все, что мне приходило на ум, – это цитата из Воннегута, которую Финч вытатуировал у себя на плече. Я так и не спросила его, когда он сделал татуировку, почему выбрал именно эти слова – и теперь уже не спрошу.

«Все было прекрасно и ничуть не больно»¹⁰.

Я шептала эти слова, оттирая засохшую кровь, которая в свете луны казалась черной. Закрыв глаза, я представила лицо своего друга и снова повторила цитату. И в третий раз – потому что Финчу хотелось бы, чтобы в сказке все делалось по ее законам.

Потом я встала и на пробу тронула лед носком кроссовка. Он был весенний, слишком тонкий и хрустел под ногой, но до того берега было всего несколько шагов. Так что я бросилась по льду бегом, быстро отталкиваясь ногами и скользя, и почти добежала – у самого берега моя нога с хрустом провалилась. Я почувствовала в щиколотке тупую боль от ледяной воды и дразнящее касание пальцев водяного существа, а потом она с силой толкнула мою ногу вверх, так что я кубарем выкатилась на другой берег.

Мне хотелось вернуться к ручью и снова отмыться от грязи, но я не посмела. Напротив, стала карабкаться вверх по крутому берегу, пока лодыжки не начали гореть от боли. А склон становился все круче, и мне приходилось цепляться за кусты, чтобы продолжать подъем. Один раз я схватилась за что-то очень колючее и выругалась, едва не свалившись обратно. Наконец я

¹⁰ Цитата из книги «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», – эпитафия, которую придумал себе главный герой.

добралась до верха и оттуда увидела верхушки высочайших деревьев на той стороне. Я стояла над лесом, простиравшимся вплоть до горизонта. Страх, который при подъеме выходил из меня вместе с потом, с бездумным движением вперед и вверх, снова схватил меня за плечи.

И тут я увидела его. Или по крайней мере его часть: вдалеке, среди качающихся темно-зеленых крон темнело что-то неподвижное. Похожее на верхушку крыши – и ни на что другое. Это должен быть особняк, «Ореховый лес». Я словно бы ощутила рядом призрак Финча, тень изумления, которое он бы почувствовал при виде этого.

Моего слуха коснулось какое-то непонятное шелканье. Более всего оно походило на совершенно неуместный здесь звук, памятный по детскому саду: щелчки ножниц, разрезающих бумагу. Я развернулась – и увидела маленькую девочку. Она сидела на красно-белом клетчатом пледе и резала ножницами страницы старого географического атласа. Венчик волос над ее склоненной головой светился в лунном свете. Я поколебалась пару секунд, раздумывая, не лучше ли мне тихо уйти незамеченной, но решила не прятаться. Сопределье забросило меня в волшебную сказку. Может быть, если я дам ей идти своим чередом, мне удастся из нее выбраться?

Маленькие мягкие ручки девочки вырывали из книги страницы – одну за другой. Зеленые карты, прочерченные серебряными реками, замки и города, отмеченные красными чернилами. Карты морей с прорисованными волнами и морскими чудовищами, окруженные по углам лицами четырех ветров с раздутыми щеками. Восточный Ветер, казалось, кричал, когда ножницы девочки изрезали его лицо на куски. Она перевернула страницу, открыв желтую блестящую карту пустыни. Я втянула воздух сквозь зубы, увидев движущийся по желтизне крохотный караван, к которому опускались безжалостные ножницы.

– Зачем ты это делаешь? – спросила я, замерев у края ее пледа.

Девочка не отвела взгляда от атласа, но по голосу было слышно, что она злится. Голосок у нее был странный – тоненький, квакающий.

– Бабушка не велит мне разговаривать с незнакомыми.

Я невольно огляделась в поисках бабушки, ожидая, что сейчас с той стороны холма выскочит какая-нибудь горгона. Девочка подняла глаза. Личико у нее было заострившееся и больное, но глаза прекрасные – цвета океанов, которые она изрезала в конфетти.

– Она там, наверху, – пояснила она, указывая ножницами на небо.

Я взглянула вверх – и не увидела ничего, кроме луны, прикрывшейся одеялом рваных облаков. На миг мне показалось, что у луны есть лицо. Лицо прекрасной далекой женщины, смотревшее на меня неодобрительно.

Лицо исчезло, смытое движением облака, и луна снова стала просто луной – совершенным шаром белого золота, как циферблат часов Casio.

– А хочешь, я представлюсь, – предложила я. – Тогда мы больше не будем незнакомыми. Меня зовут Алиса.

Ножницы девочки щелкнули и остановились. Она взглянула снизу вверх.

– Так это ты – Алиса?

Но ничего интересного в моем лице она, как видно, не углядела, потому что пожала плечами и снова опустила голову. *Чик-чик-чик.* «Королевский лес», подписанный витым шрифтом, был отрезан от маленького белого замка с зубчатыми стенами.

– А меня зовут Ханса.

Ханса. Я знала это имя – оно встречалось в содержании «Историй Сопредельных земель».

– Значит, ты – Ханса-Странница, – тихо сказала я, стараясь не привлекать особого внимания луны. – А где это мы?

– Вроде ты старше меня, а такая глупая, – ответила девочка. Это прозвучало беззлобно – просто как констатация факта. – Ты разве не знаешь, что мы – в Лесу-на-Полпути?

– Не в Сопредельных землях?

– Сопредельные земли там, – девочка бездумно махнула рукой куда-то вперед и легла на живот. – Мне больше не разрешают говорить с незнакомыми.

– А почему?

– Потому что я слишком доверчивая, – чопорно сообщила малышка. Она явно повторяла слова, сказанные ей кем-то взрослым. – Однажды я даже подружилась с воровкой.

С воровкой? Наверное, это персонаж из ее сказки. В тысячный раз я пожалела, что не читала «Историй Сопредельных земель», не знала их почти наизусть, как Финч. *Нет. Нельзя думать о Финче.*

– Кто эта воровка? – спросила я, почти ожидая, что в ответ она снова назовет меня глупой.

– Она приходит с той стороны.

– С Земли? Откуда пришла я?

– Ты правда совсем-совсем глупая. Это *она* приходит с Земли, а не ты. Но она давно уже не приходила. И больше, наверно, никогда не придет. А теперь уходи, пожалуйста, я занята.

Я присела рядом с ней на край пледа.

– Ханса, ответь мне на последний вопрос, ладно? Как звали воровку? Ее звали Нэсс?

– Нет. Ее звали Ванэлла.

Мое сердце куда-то провалилось.

– Элла? Она здесь была? Когда?

– Я же сказала, она больше сюда не приходит. Ты мне заслоняешь свет – уйдешь ты наконец или нет?

– Подожди, пожалуйста. Ты ее видела? Эллу? Она была здесь в последнюю пару дней? Что она украла?

– Я же сказала, что мне нельзя с тобой разговаривать, – снова чопорно произнесла Ханса, переворачивая страницу атласа. – Уходи, пока моя бабушка не рассердилась.

– Ханса, *прошу* тебя, – я схватила ее за плечо – не сильно, но твердо, – но она вдруг зашипела от боли, пытаясь отползти от меня боком, словно краб.

– Бабушка-а-а! – завизжала она, и перед моими глазами вспыхнул белый огонь. Я оказалась в средоточии обжигающих лучей луны и закричала, пытаясь отмахнуться от света, как от облака мух. Пошатываясь, я бросилась прочь под писклявый смех Хансы – и ужасный лунный прожектор сразу погас.

Я внезапно упала в темноту, перед глазами плясали зеленые пятна – и я покатила вниз по склону, острая трава ломалась подо мной, одуряюще пахла и резала мою кожу.

Скатившись к подножию холма, я поднялась, промокшая от росы и исцарапанная осокой. Меня охватила настолько острая нужда в Элле, что я думала, что сойду с ума. Запах раздавленной травы проник в меня и наполнил беспросветным отчаянием одиночества, которое приходит только по ночам, когда чувствуешь себя последней и единственной живой душой на земле.

Я безнадежно смотрела в темноту, когда стена холма передо мной вдруг раскололась, как яичная скорлупа. Запах, напоминавший янтарные духи Эллы, хлынул из разлома; если бы в моей голове не стоял аромат зеленой травы, я бы упала в обморок. До того, как меня сшибло с ног волной запаха, я успела добежать до ближайших кустов, достаточно густых, чтобы за ними можно было скрыться.

Свет из разлома был ослепительно ярким, будто внутри холма скрывалось солнце, готовясь выйти на битву с луной. Но чем шире раскрывалась щель, тем слабее становился свет, и вскоре я уже могла смотреть на него сквозь пальцы.

Расколотый холм выглядел оскверненным, раненным, как развороченная грудная клетка. В разломе появились темные фигуры, которые казались человеческими.

Или почти человеческими.

Сперва они двигались крадучись, осторожно касаясь ногами травы, как будто та могла запустить сигнализацию. Потом одна из фигур – красивая девушка в штанах и куртке, похожих на форму летчика, – кувыркнулась прямо в траву. Остальные – мужчины и женщины, на вид немногим моложе моей мамы – со смехом последовали ее примеру. Они совсем не походили на существ, которые, по моим понятиям, обитают в холмах. Большинство выглядело так, будто получало одежду на благотворительных раздачах Армии Спасения.

«Летчица», похоже, была здесь заводилой. Она высоко держала голову и постоянно нюхала воздух. С ее глазами было что-то не так. Остальные старались держаться к ней поближе и выглядели, как кучка бомжей, собирающихся погреться у горящего мусорного бака.

Девушка в ампирном платье с высокой талией над огромным беременным животом бросила на траву покрывало. Все уселись на него – кроме «летчицы» и мужчины, одетого как мистер Роучестер. Эти двое встали друг напротив друга, обменялись поклонами и поднесли руки к поясам.

Наконец я поняла – это было начало поединка на мечях. Вернее, боя на ножах. Клинки были короткие, со скошенными лезвиями, из какого-то блестящего металла. Противники лениво кружили вокруг друг друга, делая выпады и уклоняясь, а зрители смеялись и аплодировали при виде удачного финта.

Если я отвернусь, случится что-то ужасное.

Эта мысль пришла ниоткуда и тут же ускользнула. Я продолжала смотреть за боем, но ужасное все равно случилось. Пока зрители на покрывале пили, смеялись и хлопали, «летчица» сделала длинный выпад и в прыжке ударила противника ножом в шею. Прежде, чем он упал на землю, она вырвала оружие из раны и дважды резанула его по груди крест-накрест, оставив на его рубашке темный косой крест.

Потом она встала над ним, опустив взгляд. Зрители начали вовсю аплодировать, пока мужчина на земле слабо шевелился, умирая – и наконец затих.

Финч. Ужас от того, что сделали с ним на моих глазах, вернулся волной, грозя захлестнуть меня с головой. Стон, который сорвался с моих губ, был о Финче.

«Летчица», которая, присев, чистила свой нож от крови, повернула голову в мою сторону.

– Кто здесь? – спросила она, поднимаясь на ноги.

Как я могла совсем недавно счесть ее красивой? Глаза у нее были без зрачков, совершенно круглые; она быстро облизывала губы бледным языком.

– Кто ты? – снова спросила она. – Выходи, чтобы я могла тебя увидеть.

Я вышла из-за кустов.

– Я – никто. Я гостя здесь.

– С какой стороны?

– С... Земли.

– Подойди ближе, – позвала «летчица», – мы хотим разглядеть тебя.

Подходить ближе мне не хотелось. Вблизи я могла еще яснее разглядеть ее лицо. Пустой блеск ее глаз и воспаленную красноту рта. Мертвец, лежавший на траве, вблизи слабо напоминал человека.

– Ого, какие у тебя большие глаза, – с усмешкой сказала женщина.

Я сморгнула. Это что, шутка?

– Я ищу Ореховый лес, – сказала я, старательно игнорируя простертый на траве труп. – Вы не знаете, куда мне идти?

Может, если я буду делать вид, что все в порядке, так и будет. Классическая логика в ситуации «чудовище-под-кроватью».

– Ты добралась до Леса-на-Полпути, а значит, и отсюда найдешь дорогу. Или не найдешь.

Голос ее звучал успокаивающе. Но успокоиться мне было трудно – при виде того, как ее сородичи медленно сжимают кольцо вокруг меня. Молодая беременная женщина замкнула круг, потирая свой огромный живот, как будто только что съела что-то большое.

– Я пойду, – сказала я.

– Пойдешь? И куда же ты пойдешь? – спросил мужчина с прилизанными светлыми волосами, одетый в рабочую спецовку.

– Я... меня зовут Алиса Прозерпина. – Ханса знала, кто я такая – может, и эти тоже знают? Может, то, что я внучка Алтеи, что-нибудь значит для них?

Но они, похоже, меня не слышали. С каждой секундой их лица становились все менее людскими. Они походили на диких животных, стоявших на задних ногах.

Неожиданная боль пронзила мое бедро. Я охнула, сунула руку в карман – и вынула на свет предмет, который вонзился мне в кожу.

Это была кость. Едва оказавшись снаружи, она выросла до размера меча и пульсировала белизной в лунном свете.

А может, она и есть меч, и я должна им защищаться? Я кое-как перехватила ее, молясь, чтобы в этой сказке от меня не требовалось ничего подобного.

И тут кость запела.

*Любимый недолго меня любил,
Любимый жестоко меня убил
И кости мои глубоко зарыл,
И к новой любимой ушел, невредим.
Любимую милого я нашла
И жизнь у любви его отняла,
И кости ее глубоко погребла,
Бредет теперь милый по миру один.*

Голос был, без сомнения, женским – и полным такой душераздирающей красоты, что я думала, сердце мое треснет, как орех. Откуда-то издалека до меня донесся скорбный вздох, и, подняв глаза, я увидела, что лик луны затуманен пеленой печали.

Кость завершила свою песню – и начала ее сначала, еще громче. Круг созданий, собравшихся вокруг меня, начал постепенно распадаться. Беременная заковыляла в тень деревьев на четвереньках, остальные последовали ее примеру. «Летчица» смотрела на меня с ненавистью – но наконец упала на колени, когда кость завела песню в третий раз.

Все уже скрылись в лесу, кроме «летчицы», скорчившейся у моих ног. Когда песня утихла, она снова подняла на меня взгляд, и глаза ее сделались ярче. Рука ее поползла к ножу.

Кость беспокойно шевельнулась у меня в руке – она еще не закончила свою работу. Бесконечное мгновение я смотрела на ее острый скол, а потом воздела кость над головой. Леса сдвинулись и окружили меня кольцом; я стояла в центре яркого лунного круга. Я увидела себя так же, как меня видела луна из гнезда облаков – пришлицу, чужую здесь девушку далеко внизу. Эта девушка знала, как пробить себе путь на свободу из сказки. Эта девушка резко опустила кость и вонзила ее прямо в грудь «летчицы».

В этот миг я снова вернулась в свое тело, по которому прошла дрожь от усилия – кость вошла в плоть с трудом, как заступ в сырую землю. Не было ни капли крови – только вздох умирающей, и тишина. У меня забурлило в животе, в горле стоял кислый вкус отработанной батарейки. С неба тяжело упали сверкающие капли, пятная землю между моими ногами и трупом женщины. Слезы луны. От них исходил сильный запах озона. Я не посмела их коснуться, чувствуя себя для этого слишком грязной.

Кость уменьшилась так стремительно, что я едва не уронила ее. Она сжалась до размера моего мизинца. Я осторожно положила ее на грудь мертвой женщины, которая уже переставала напоминать человека. Это был голем, снова обращающийся в сухую глину. Станет ли мне от этого легче жить с тем, что я сделала? Пока я не могла решить.

Среди деревьев меня никто не ждал. Товарищи «летчицы» сбежали, как последние трусы. Я оглянулась на холм, чтобы сориентироваться, и пошла в сторону Орехового леса.

Чаща становилась все непроходимее, а небо начинало светлеть. Когда я сообразила, что время близится к рассвету, я как раз вышла из леса во фруктовый сад. Деревья здесь были невысокими и росли через большие промежутки. Они напомнили мне о двух месяцах, которые мы с Эллой однажды провели, работая и живя на яблочной ферме «Собери их все».

Мои познания о деревьях были ограниченными, как у всякого более-менее городского ребенка. Я могла распознать клен, березу, яблоню, дуб, иву и сосну... В лесу же я оказалась между деревьев, которые даже не пыталась определить, пока всеми силами продиралась через них несколько часов подряд.

Но тут, в саду, меня ожидали совсем другие деревья. Их ветви были из чего-то мягкого и мерцающего. Подойдя ближе, я разглядела, что каждый ствол, ветка и лист были покрыты тонким и гибким слоем металла.

Серебряные деревья. Они были похожи на винтажные ювелирные изделия – только живые. Я медленно шла под их кронами, радуясь, что солнце еще не взошло: при его свете блеск этой рощи наверняка ослеплял. Серебряные деревья медленно уступили место золотым, дальше росли медные, с кроваво-красной листвой, которая шевелилась под ветром, вместо шелеста издавая костяной перестук. И тут я вспомнила песенку.

*В лесах под красной, красной листвой
Сшивай миры между собой,
Спеши, иначе тебе не дойти,
Рассвет положит предел пути.*

На востоке – если, конечно, в этом мире солнце вставало на востоке – над горизонтом медленно разгоралась свадебная лента бело-золотого света. Я бросилась бежать. Над моей головой шумели металлические деревья, их листья цеплялись мне за волосы. Задники дешевых кроссовок стирали мне пятки в кровь.

Я бежала так быстро, что едва не покатилась вниз, выскочив к обрыву. Крутой склон под моими ногами уходил в бесконечность, облака были ниже меня, в долине. И там, впереди, виднелись позеленевшие железные ворота, украшенные литым деревом орешника. Я задохнулась и задержала дыхание.

От ворот меня отделял только воздух. Небо стремительно меняло цвет – поднималось солнце. Что-то жгло мое бедро сквозь джинсы – это было перо у меня в кармане. Я вытащила его и поднесла к глазам.

Перо было золотое, с зеленой окантовкой, и усыпанное цветными глазками, как у павлина. Оно легко шевельнулось у меня в ладони, будто привлекая внимание, и по левой руке от него с покалыванием побежали волокна. Меня передернуло – это было странное ощущение, колющее, теплое и вторгающееся извне, как если бы кто-то стремительно вязал на мне свитер, вплетая его в мою кожу. Волокна прокатились по моей спине и перекинулись на правую руку, от плеча до кисти. Солнце не взошло еще и наполовину, как у меня выросли крылья – размахом в мой рост. Они сами собой развернулись без малейших усилий с моей стороны, приподнимая меня над землей. Я запаниковала – и крылья тотчас сложились, так что я упала на задницу.

Металлические деревья наблюдали за мной, шепча невнятные советы своей листвой, чей шелест походил на стрекот пишущей машинки. Я поднялась на ноги и расслабила плечи. Меня

перекосило на сторону, когда левое крыло неожиданно раскрылось, но за ним последовало правое, и я ахнула, когда мои стопы оторвались от земли.

Не сводя глаз с Орехового леса, я позволила крыльям поднять меня в воздух и понести.

22

Приземлилась я криво, тяжело ударившись ногами о землю. Развернувшись, чтобы взглянуть на металлические деревья, наверняка уже тронутые солнцем, я увидела только толстую пелену тумана, полностью отгородившую от меня металлический лес.

Очередной урок волшебной сказки: не оглядывайся назад.

Сон, в котором я прожила последние несколько часов, стремительно истаивал. Я помнила все свои действия, но они выцвели и стали словно картинка в книге. Русалка, луна. Кость, которая так легко прошла грудь «летчицы». Это в самом деле сделала я?

Я не хотела закончить как Нэсс – запертой в камеру собственной памяти, так что решила, что это просто была не я. Сказка, которую я прошла насквозь, была лишь сказкой.

Будто согласным ответом на мое решение единый сильный порыв ветра сдул перья с моих рук и плеч. Собравшись в крылатое облачко, они стремительно улетели прочь. Карманы мои опустели – ни одной волшебной уловки не осталось в запасе. Может, именно поэтому Ореховый лес и допустил меня к себе. Я коснулась створки ворот, и они раскрылись без единого звука.

Наконец я пришла. Коротко подстриженная лужайка, напоминавшая зеленый бархат, отделяла меня от ступеней дома. Особняк Алтеи был белым, с колоннами и стрельчатыми окнами. Перед домом сверкал гладкий пруд с мраморными бортами, как эмалевая синяя брошь на зеленом. Все выглядело ровно так, как рисовало мне воображение – вплоть до ощущения электрического напряжения в воздухе, будто вот-вот должно произойти что-то чудесное.

От этого сходства у меня пробежал мороз по коже. В жизни ничего не оказывается таким, каким оно представляется в детстве. На самом деле вещи всегда больше, чем ты думал, или, наоборот, меньше. К тому же все пахнет совсем не так, как ты ожидал, и подходит тебе не лучше, чем чужое платье.

А эта версия Орехового леса была слишком совершенной. *Моей*. Ее попросту извлекли из меня, из моих мечтаний, которым я предавалась настолько часто, что они затерлись по углам, – плюс несколько картинок из «Ярмарки тщеславия». Я зажмурилась и открыла глаза

медленно-медленно, почти ожидая увидеть заросшие сорняками руины – истинный вид этого места под пленкой фантазии. Но видение оставалось прежним.

Воздух пах свежескошенной травой, в нем висела заволаживающая тишина самого жаркого дня середины лета. Я прошла по росистому бархату идеально подстриженной лужайки между геометрическими фигурами клумб и тихо шелестевшим фонтаном, из которого я безумно хотела напиться – но нужно быть тупее, чем Персефона, чтобы есть и пить что-либо в Волшебной стране.

По мере моего приближения к дому в нем открывались все новые детали. Особняк казался совершенством – от лужайки и до балкончика, опоясывавшего башенку мансарды: в детстве, мечтая, что Алтея позовет нас к себе жить, именно там я рисовала свою спальню.

У входной двери я помедлила. Нет, я не боялась, что она заперта – просто представить не могла, что ждет меня внутри. Фотографа из «Ярмарки тщеславия» в свое время не пустили дальше лужайки, и все мои детские фантазии разворачивались именно здесь: пикники у пруда, катание на лошадках... Даже мечты о собственной спальне принимали форму прогулок по балкончику – как я сверху разглядываю это зеленое великолепие. Ребенком я, должно быть, читала слишком много Уилки Коллинза.

Значит, то, что ожидает за дверью, будет гораздо ближе к истине. Хотя я чувствовала, что истина здесь весьма относительное понятие. Я взялась за золотую дверную ручку в форме лица с раздутыми щеками – как у четырех ветров, разрезанных ножницами Хансы – и повернула ее.

Я ступила в огромный вестибюль, по обеим сторонам которого вела наверх изгибающаяся лестница. Между стойками перил из чашек подсвечников поднимались столбики незажженных свечей. На площадке, где встречались обе лестницы, был устроен розовый каменный фонтан – такой большой, что в нем можно было бы плавать. Из центра фонтана равнодушно смотрели три каменные женские фигуры. Одна держала в руках птичью клетку, другая – прозрачный кварцевый куб, третья – кинжал. Сквозь окна выше моего роста лился косой свет раннего воскресного вечера, свет цвета пыли.

Все здесь было таким огромным, что потребовалось не меньше минуты, чтобы мой взгляд к этому привык. Наконец, присмотревшись, я заметила следы человеческого присутствия на всем этом неподвижном великолепии: дешевая женская кофта с блестками, свисающая с перил... Игрушечный голубой кораблик, плавающий в фонтане.

И детский голосок, слышный даже в шелесте текущей воды. Я вслушалась и различила слова и мелодию – это ребенок, девочка, напевал себе под нос «Хикори-Дикори-Док»¹¹.

Я взглянула вверх – и увидела девочку, сидевшую на ступеньке лестницы слева. Она смотрела на меня. Когда наши глаза встретились, она замолчала.

– Элла, – прошептала я, сама не до конца веря. Но это и впрямь была она, моя мать. Я узнала ее по журнальной фотографии. Ей было не больше пяти лет. Услышав свое имя, она вскочила, взбежала по ступенькам и скрылась из вида.

Я побежала следом, сразу же заметив, что мои шаги – и по плиткам пола, и по мраморным ступенькам – совершенно беззвучны. Это мгновенно дезориентировало меня – так же трудно говорить, когда у тебя заткнуты уши.

Элла свернула налево, я – за ней. Коридор казался таким длинным, что наверняка это был обман зрения – я ведь видела этот дом снаружи. Он, конечно, был большим, но не настолько. Я пробежала мимо запертых дверей, дергая за ручки одну, вторую... Мне показалось, что из-за третьей послышался смехок – но совсем даже не детский.

Седьмая дверь раскрылась. За ней была маленькая комната. На письменном столе между двух окон стояла пишущая машинка. Рядом с ней в зеленой стеклянной пепельнице – сигарета,

¹¹ Hickory-Dickory-Dock – английская детская песня про мышку на часах. («Хикори-Дикори-Док, Мышь на будильник скок! Будильник бом-бом, И мышка бегом, Хикори-Дикори-Док!»)

выкуренная почти до фильтра. С конца сигареты свисал столбик пепла. За окнами был совсем другой день, чем тот, в который я вошла сюда – серое небо над тронутой инеем зимней травой.

Я на цыпочках подошла к машинке, из которой свисал свивающийся в трубку лист бумаги. По нему бежала кривая печатная строчка.

*Алиса родилась с глазами черными-черными, без белков, и повитуха сбегала от роже-
ницы сразу, даже не потрудившись обмыть новорожденную.*

Волоски у меня на шее встали дыбом, словно я чувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Кто-то невидимый тянулся жадными пальцами... Я бросилась прочь из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Коридор изменился. Он стал светлее и короче и кончался оранжереей под стеклянной крышей, заполоненной зеленью. Солнце лилось сквозь прозрачный потолок на деревья – некоторые я узнавала, некоторые нет, а некоторые – я могла поклясться – только что встречались мне в лесу. Я медленно шла вперед, вытянув перед собой руки. Воздух был влажным и сладким. На траве – такой яркой, что она просто не могла быть настоящей – стоял клубнично-розовый хромированный радиоприемник.

Я присела перед ним на корточки и покрутила колесико. Из приемника полилась музыка, и свет солнца потускнел. Это была песенка, которую я слышала в автобусе, только теперь в танцевальном ритме. Я быстро выключила радио, и свет снова стал ярче – причем настолько, что стал слепить глаза. Я заслонила лицо рукой и вышла прочь из оранжереи, но в дверях наткнулась на что-то плотное и теплое.

– Господи, – сказал он. Это был мужчина. Я врзалась в человека. – Ты когда-нибудь оставишь меня в покое?

Снова была ночь. Мужчина отступил от меня в глубь помещения, освещенного искусственным оранжевым светом. Мы были в просторной бильярдной, декорированной под средневековье, с нарочито грубыми деревянными стенами. Мужчина был одет в мятый фрак. Он выглядел как граф, в которого могла бы влюбиться Барбара Стэнвик в каком-нибудь пароходном круизе, прежде чем броситься в объятия юнги в исполнении Кэри Гранта.

Столкнувшись со мной, он выронил полный до краев бокал, и теперь моих ноздрей коснулся резкий запах джина. В другой руке у него был пистолет. Не такой, как у Гарольда – тупорылая черная штукovina, созданная для насилия, – а длинный и элегантный, как борзая собака. Мужчина держал его на плече, как мальчик, играющий в солдата.

– Вы меня видите? – спросила я, не зная, по каким правилам живет этот мир. Может быть, здесь я была привидением. Можно ли меня убить, выстрелив из пистолета?

– Да я только тебя и вижу. Это меня просто бесит. Просто бесит! – голос его резко взвился, но глаза оставались влажными и тоскливыми.

– Кто вы? – спросила я, потянувшись, чтобы коснуться его рукава. – И за кого вы принимаете меня?

Он быстро отступил на шаг.

– Убирайся, подлая тварь. Я могу избавиться от тебя, даже если у нее не получилось. Хоть твое касание и холодно, как могила, я знаю, что ты пришла прямиком из пекла.

Он неверной походкой удалился, пройдя сквозь озерцо коньячно-рыжего света куда-то в темноту у дальней стены. В тишине прозвучал одинокий выстрел.

Я выбежала из комнаты, в ушах звенело. Борясь с головокружением, я брела по широкому полуразрушенному коридору, чей выстланный плиткой пол порос мокрым мхом. Оконный переплет был увит плющом, все вокруг пахло гнилью. Коридор привел меня в гостиную с влажными потеками на обоях, где по сторонам плешивого бархатного дивана стояла пара складных стульев без обивки. На столе перед диваном лежала стопка модных журналов. С

обложки верхнего – пожелтевшего *Vogue Paris* — пустым взглядом смотрела Кристи Тарлингтон. Ноябрь 1986 года.

Позади меня послышался шорох. Кто-то запустил в дверной проем журналом «Стрижка и бритье». Это была Элла, которая теперь выглядела чуть старше – лет на восемь. Она застенчиво улыбнулась, не раскрывая губ, и снова убежала.

– Элла! – крикнула я ей вслед, но воздух поглотил звук. Я провела рукой у себя перед глазами – и воздух слегка задрожал, как будто я смотрела сквозь треснутое стекло.

Я снова пошла вперед и споткнулась о порог. Коленьями я приземлилась на толстый ковер цвета слоновой кости. Чтобы подняться, я ухватила за длинный шелковый балдахин кровати как раз на расстоянии моей руки.

Кровать была как из сказки, до пола завешенная ветхими занавесами. Сквозь прорехи я могла разглядеть фигуру, неподвижно лежавшую на постели. По четырём углам кровати стояли потемневшие серебряные канделябры с зажженными свечами, которые плакали воском и распространяли дурманящий аромат жимолости.

Я совершенно не желала видеть, кто лежит на кровати. Я вообще не хотела находиться в этой комнате, в этом доме. Все здесь не сочеталось одно с другим, это была записная книжка, полная мест и мгновений, чьих-то разрозненных воспоминаний. Воспоминаний Алтеи или, может быть, Эллы. Был ли Ореховый лес реальным? Существовал ли он когда-нибудь? Где бы я ни находилась, это был не человеческий дом. Это был калейдоскоп. Я подошла к окну, подумав, что могла бы вылезти наружу, но оказалось, что я уже не на втором этаже – каким-то образом я попала в башню. Лужайка казалась зеленым морем далеко внизу.

То, что лежало в кровати, издало негромкий звук – стон или вздох, от которого у меня встали дыбом все волосы на голове и даже тонкие волоски на шее. Я бросилась прочь из комнаты.

И выбежала в грязновато-желтую кухню. На потолке тихо жужжала лампочка, от запаха укропа и несвежего кофе у меня скрутило желудок. Робкий весенний свет лился сквозь грязное окно на буфет, полный чашек. Запустение лежало на всем вокруг, как слой пыли. На пластиковом зеленоватом столике стояла пустая кружка, лежал ссохшийся от воды томик «Мадам Бовари» и ножницы. И стопка газетных вырезок, соединенных скрепкой.

Дрожащей рукой я вытащила верхнюю бумажку, перекосив всю стопку. *«Беспокойства в городке на севере штата – последствия убийства»*. *«Поиск пропавших туристов идет вторую неделю»*. *«Убийства на севере штата – скорее всего, серия»*. *«Обнаружена пятая жертва, убийства до сих пор не раскрыты»*. *«Таинственные преступления в маленьком городке»*. *«Останки найдены, вопросы остаются открытыми»*.

Значит, Алтея знала. Знала, что она выпустила наружу – и какие у этого последствия.

Вопль у меня за спиной разрезал воздух надвое. Я резко развернулась, сбив на пол кружку. На плите неожиданно засвистел, закипая, голубой эмалированный чайник, а за дверью послышался скрип шагов.

За краткое мгновение страха я обдумала, не броситься ли мне в окно. Но продолжала стоять, чувствуя, как вибрируют мышцы моих рук. Шаги приближались и остановились прямо за порогом.

Молчание тянулось, пока не стало совершенно невыносимым – плотная, выжидающая тишина вслушивающегося живого существа. Я сделала несколько шагов по плиткам пола, взялась за ручку – и открыла дверь рывком, как сдирают полоску пластыря.

...И ступила в водоворот голосов, музыки и тел, в аромат воска и духов, густой, как сироп.

Я стояла в полумраке балльного зала. Над головами танцующих раскачивался тяжелый канделябр с оплывшими свечами; пары двигались под нестройную пронзительную музыку, которая отлично подошла бы для вечеринки в аду.

Танцующие были плотно притиснуты друг к другу, как пассажиры метро в час пик, и раскачивались в болезненном ритме музыки. Свет свечей блестел на зубах, белках глаз, на потной коже и на каплях белого воска, которые падали людям на волосы и застывали.

Мне показалось, что в толпе я вижу Эллу – немного повзрослевшую, но все еще не взрослую. Она улыбалась светской улыбкой своему партнеру, который закружил ее в танце, и она исчезла из вида. Я стала проталкиваться вперед, чтобы ее найти, и толпа поддалась.

Мужчина со свежим синяком под глазом танцевал в одиночку, явно разогретый чем-то покрепче ликера. Трое женщин с телами тонкими, как лианы, сплетались воедино и расплетались, будто у них вовсе не было костей, и сливались, как в размытом акварельном рисунке. Я едва не споткнулась о какую-то коротышку, которую я сперва приняла за ребенка, пока на ее лицо не упал свет. Взгляд ее глаз заставил меня отступить на шаг.

И тут я увидела нечто, от чего замерла, до кончиков пальцев наполнившись звездным светом.

Финч. Ошибиться невозможно – это был Финч в самом сердце зала. Финч в белой рубашке, с тяжелыми тенями на плечах. Глаза его пылали, губы мягко изогнулись, и он целиком и полностью был поглощен своей партнершей – невысокой энергичной девушкой с яркими волосами, сбегавшими по спине, как у Барби.

Это была я — только длинноволосая, и эта другая я смотрела на Финча с выражением, которого я не могла представить на своем лице.

Все это не было похоже на иллюзию или сон. Я ощущала запах пота и пролитого вина, и свечного воска, чувствовала привкус крови – я прокусила кожу на губе. Я позвала Финча по имени – или хотя бы попыталась, – но музыка заглушила мой голос.

Тут свет свечей мигнул, как электрический, толпа сдвинулась и изменилась, лица просеялись сквозь ячейки света и тьмы. Мне показалось, что я наблюдаю сразу за дюжиной адских вечеринок, наложившихся одна на другую, полных слишком странных и безумных существ, которым не может быть места нигде, кроме Сопределья. Элла куда-то исчезла – но Финч остался, никуда не делся из центра действия, удерживая мой взгляд.

Дом снова вторгался в мои мысли, вытягивая из них мои сны, мои глубоко запрятанные желания, и перемешивал их с воспоминаниями, которыми сочились стены Орехового леса. Мое дыхание участилось, когда вторая я позволила Финчу запустить руки в струящийся водопад ее волос.

Ее – мое – лицо приблизилось к его лицу. Музыка замедлилась, задрожала, когда настоящая я потянулась им навстречу, разрываемая чувством, больше всего похожим на ревность. Глаза Финча были закрыты, волосы медленно колыхались, как под водой. Даже когда она положила голову ему на плечо, я видела блеск ее глаз – все еще внимательных, наблюдающих. Я наклонилась так сильно, что едва не падала, в ожидании момента, когда их губы соприкоснутся.

Когда это произошло, музыка остановилась. Кто-то в полумаске, с ногами, слишком длинными для его тела, сгреб меня за плечо и жадно поцеловал. Я была так ошеломлена, что даже не отстранилась.

– Танцуй с нами или убирайся, лунатичка, – прошептал незнакомец мне в ухо и сильно крутнул меня.

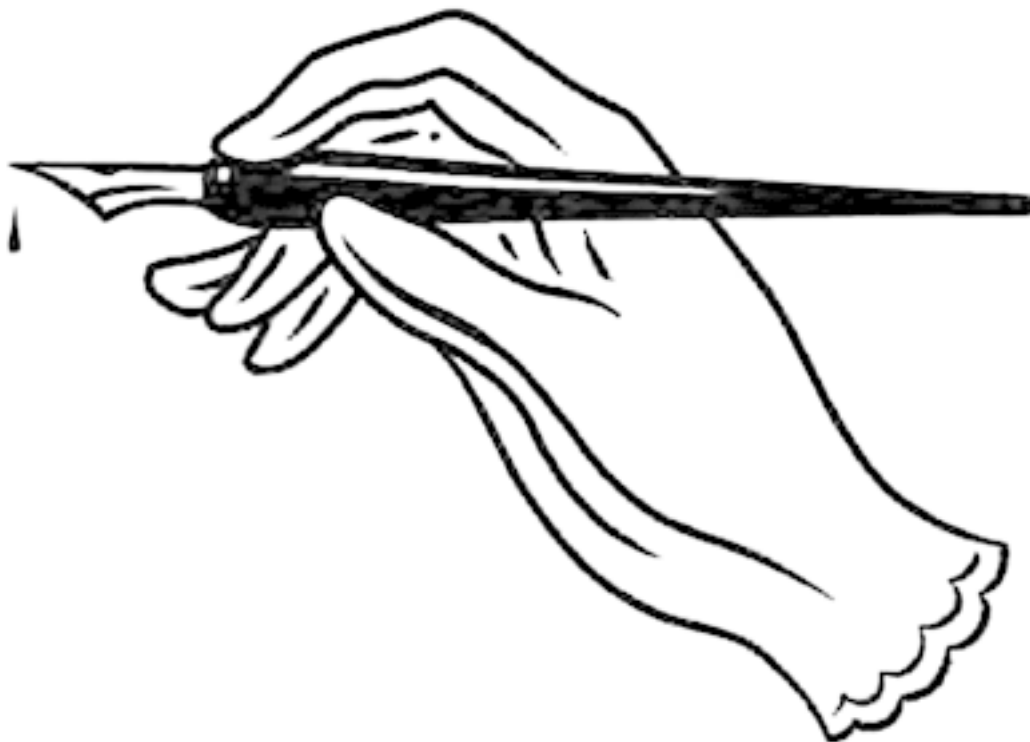
Это движение вырвало меня из толпы танцующих, и я, вращаясь, вылетела в длинный пустой коридор. Элла исчезла, Финч исчез, а девушки, которой я могла бы быть, никогда не существовало. Но вечеринка осталась на моей коже, как навязчивые духи – я все еще чувствовала запах воска от своей одежды.

В дальнем конце коридора виднелась закрытая дверь, сквозь щели которой пробивался свет. Это был теплый свет и настолько же настоящий, насколько все остальное в этом доме было иллюзорным: теплый, живой свет пробуждения от кошмара. Свет окна избушки, на которую

набредаешь после блужданий в темном-темном лесу. Я бросилась к нему и рывком отворила дверь – и оказалась в детской спальне, освещенной ночником.

Сердце мое упало, потому что все это было не более настоящим, чем остальное. Не могло быть настоящим, потому что на краю кровати сидела моя бабушка, куря сигарету и поджидая меня.

23

Алтея выглядела прекрасно. Собственно, она выглядела *реальной*. Она была в узких брючках и полосатой блузке с вырезом «лодочкой», и, как ни странно, в коротких белых перчатках. Как и Ореховый лес, она полностью соответствовала моему представлению о ней – спокойные голубые глаза, изящное телосложение. За окном у нее за спиной я увидела снег и странное белое небо, погружавшее комнату в бледный лунный свет. Тени от него становились темнее. Ночник отбрасывал на стену бравый кружок золотистого света.

– Хочешь послушать сказку? – спросила Алтея.

Я остоленела. Но до того, как я смогла ответить, упрямый девичий голос из кровати сделал это за меня.

– Не хочу.

В тени лежала Элла, закинув руки за голову и спустив одну ногу на пол. Она выглядела еще чуть старше – лет пятнадцать, может быть, шестнадцать. Слишком много для сказок на ночь.

Алтея выпустила тонкую струйку голубого дыма.

– О да, конечно же, ты хочешь.

– Нет, я правда совершенно не хочу. – Однако Элла не изменила позы, только чуть выше устроила голову на руках. Она была достаточно взрослой для полной узнаваемости – хрупкая брюнетка, одновременно яростная и рассеянная. Мне потребовалась вся моя воля, чтобы не броситься к ней – я знала, что все происходящее не реально. Если оно и происходило, то не *сейчас*.

– Давным-давно жили на свете прекрасная королева и отважная принцесса, – начала Алтея. – Они жили в замке в самом сердце леса.

– Эту я уже знаю.

– Тогда я вернусь немного назад. Жила однажды прекрасная королева, которая считала, что слова сильнее всего на свете. Она использовала их, чтобы добыть себе любовь, деньги и

дары. С их помощью она странствовала по всему миру. – Алтея выкладывала слово за словом, будто раздавала их, как карты игрокам, – с отстраненной, гипнотической четкостью. – И пришел день, когда все на свете ей наскучило, и тогда она использовала слова, чтобы убедить некую даму отвести ее в другое королевство. Место из легенд, далеко-далеко за пределами ее собственных владений.

– В Сопредельные земли, – в голосе Эллы прозвучала резкая нотка, выдававшая, что ее равнодушие поддельно.

– Т-с-с. Это моя сказка, а не твоя. Как я говорила, это королевство – Иное королевство – было странным, опасным и очень далеким. Так что королева скоро затосковала по дому и стала искать путь назад. Было сказано, что существуют двери, ведущие туда, куда она хотела попасть, но эти двери скрывались от нее. Знаешь, что делает тот, кто не может отыскать дверь? – она пошевелила в воздухе пальцами, словно ловя что-то невидимое. – Он строит мост.

Я стояла, как вкопанная, между порогом и кроватью. Голос Алтеи действовал на меня как наркотик, расслабляя члены и обостряя зрение, но оставляя в груди горячую боль.

– В Ином королевстве было много королей и королев, обладавших равной властью. Но королева отправилась на поиски истинного владыки этих земель – не царственной особы, а кое-кого куда более важного. Сказительницы. Повелительницы слов. Отыскав ее, королева очень убедительно изложила свою просьбу – она ведь тоже умела повелевать словами – и сказительница поведала ей на ухо секрет, как можно вернуться домой.

Но сказительница совершила ошибку, доверившись королеве. Когда та наконец ушла из Иного королевства, она забрала кое-что с собой – то, что скрепляло стены того мира и удерживало звезды от падения на землю. То, что она принесла в свое собственное королевство и разделила со всеми подданными. Это были истории. Все истории Иного королевства. Она рассказывала их снова и снова, и вскоре их уже пересказывали друг другу по всем ее владениям.

Голос Алтеи терял монотонный усыпляющий ритм, как старый бархат теряет ворсинки. Глаза ее поблескивали в неверном бледном свете.

– Королева чувствовала себя богатой, богаче, чем когда бы то ни было, пока не осознала, что она наделала. Перенеся по мосту величайшее сокровище Иного королевства, она крепко связала два королевства друг с другом. Сначала они были как две горы, растущие бок о бок, затем – как солнце и луна в момент затмения, и наконец сделались как рука и перчатка, сидящая слишком тесно.

Сшивай миры между собой... Строчка песни сама собой пропелась у меня в голове и утихла.

Голос бабушки стих почти до шепота.

– Но об этом никто не знал, кроме самой королевы. Больше никто не замечал, что начали происходить странные вещи. Когда королева устраивала празднества, на них приходили демоны, пряча под масками свои красные глаза. Если она оставалась в одном и том же замке слишком долго, всё и всех вокруг нее начинала оплетать темнота, как дикий плющ. Жители Иного королевства проходили сквозь тайные двери, чтобы насмехаться над ней за ее былую веру в то, что ей удастся совсем от них убежать. Что у нее получилось скрыться незамеченной с краденными сокровищами. И вот однажды ночью кое-кто из Иного королевства проник в ее замок и убил короля, ее мужа.

Теперь ее голос звучал грубо, голова склонилась на грудь. Я сморгнула – и декорации чуть поменялись: теперь Алтея стояла, а кровать, на краю которой она раньше сидела, отодвинулась еще глубже в тень. Сквозь окно больше не проникал тот белый свет от луны или от снега.

– Королева поняла, что изменились не оба королевства, но она, – продолжала Алтея. – Ей больше не нужно было искать дверь – она *сама* стала дверью. И мостом. Местом, через которое в ее земли могли проникнуть демоны. Так что она взяла с собой дочь и уединилась с ней в замке в сердце леса. Иное королевство последовало за ней, и со временем лес, окру-

жавший замок, стал кривым, разорванным между двумя владениями, как разбитый молнией дуб. Но принцесса, дочь королевы, росла сильной и проворной. Она быстро выросла и то и дело перебегала из своего родного королевства в Иное и обратно, потому что уже не помнила времени, когда они с матерью жили иначе.

Рассказ Алтеи утратил все волшебство. Она говорила быстро и безо всякого выражения. Комната менялась на глазах, и с ней сама Алтея. Плечи ее сгорбились, в волосах пробилась седина. Без всякого предупреждения ее взгляд переметнулся на меня. Зубы ее пожелтели, глаза вращались, как детские вертушки.

Элла исчезла. Спальня была той же, но другой. Кровать стала продавленной и неприбранной, мебель скрывал слой пыли, будто вуаль.

– Ты здесь, – голос Алтеи надломился посередине фразы. Она смотрела прямо мне в лицо. – Это ты? Это действительно ты?

Она была призраком. Или миражом. *Не могла* им не быть. Голод в ее голосе должен был встревожить меня – но мой собственный голод мучил меня не меньше.

– Это я. Я, Алиса. Твоя... Твоя...

Я не могла выговорить этого слова. *Внучка*.

– Счастливица Алтея, – низким голосом выговорила она и подошла ближе, так, что я могла рассмотреть блеск пота на ее коже, почувствовать горькое миндальное дыхание. Я застыла, сердце колотилось во мне, как ледяной дождь о крышу, и конец своей сказки она сказала уже мне в ухо.

– Иное королевство не причиняло принцессе никакого вреда, потому что она была очень умна. Умная принцесса Ванэлла, – на ее имени – имени моей матери – Алтея издала какое-то шипение. – Но однажды принцесса нашла в Лесу-на-Полпути ребенка – крохотную девочку, которую оставили поспать под деревом родители, отправившись на охоту со своей свитой. В ее плетеную кроватку падали лепестки вишни. Малышка хватала их своими ручонками и смотрела на принцессу черными-черными глазами. Принцесса немедленно влюбилась в нее – и украла малышку из ее сказки.

Мое сердце знало это раньше, чем слышали уши. Оно короткими толчками рассылало по моим жилам адреналин, как капли яда, твердя мне – *беги, беги, пока не услышала то, чего не сможешь забыть*. Но я не убежала. Я позволила ей досказать нашу историю до конца.

– Трижды-Алиса, – выплюнула она. – Тебя, как лепесток из цветка, вырвала из твоей сказки девчонка, которая не ведала, что творила.

Мой мозг работал четко, как компьютер.

– Я здесь, чтоб найти Эллу, – глупо сказала я. – Мою мать.

– Твою похитительницу. Эта девица никогда не рожала детей.

Последовало долгое мгновение белизны, которое полностью очистило мой разум. Я не могла даже вспомнить лица Эллы. Я не знала, что рука моя сама собой поднялась, пока не увидела, что Алтея отступает от меня подальше.

– Посмотри на себя, – ее смех звучал отвратительно. – Все еще дикая – спустя столько лет.

Я бессильно уронила руку и обхватила себя за плечи, по кусочкам восстанавливая облик Эллы. Худые запястья, дыхание в темноте, остро очерченный профиль, когда она вела машину. Она ничем не напоминала меня. И я никогда не задумывалась, почему так.

Я привыкла представлять, что где-то существует мой отец – мужчина, которого Элла любила, пусть даже недолгое время. И это тоже оказалось ложью.

– Я тебе не верю, – прошептала я. Еще одна ложь.

– Твоя сказка была ее любимой, – голос Алтеи ненамного смягчился. – Ей нравилось, какая ты яростная. Как карающий... ну, не совсем, но ангел.

– Я – девушка, – отчаянно сказала я. – Я человек.

– Ты и то, и другое – и ничто из этого. Ты – персонаж истории, но это не делает тебя менее настоящей.

Я словно бы видела себя снаружи – размытый по краям образ девушки, обнимающей саму себя, как малый ребенок. Образ с силой впечатался в мой разум – один из тех моментов, выводящих за грань себя, который обращается в память, пока еще длится. *Это день, в который я услышала от своей покойной бабушки, что моя мать мне не мать. Что я персонаж истории, вырванный из другого мира.*

– Она сбежала от тебя, – сказала я и увидела, что мои слова произвели эффект пощечины. – Мы обе сбежали. Я выросла в реальном мире. Я помню его – помню, как обдирала коленки, как читала библиотечные книжки, как ела всякое дерьмо в забегаловках на заправках. Как я болела и валялась перед телевизором. Помню, как жизнь шла своим чередом, и я ездила в автобусах, и страдала от одиночества. Я все это помню!

– Правда помнишь?

Я долго смотрела на нее, потом – на свои ладони, загрубевшие, ободранные, такие не-сказочные. Я думала о том, как жизнь сразу выцветала, едва оказываясь позади, слабые отметины на коже мира затягивались, как отпечатки следов в грязи.

– Ты сошла с ума, – сказала я. – И ты *умерла*. А я пришла сюда, чтобы вернуть Эллу.

– Вернуть ее? Откуда? – она улыбнулась почти кокетливо. Лишь слабая тень осталась от того, как она выглядела раньше, когда ее лицо притягивало взгляды. Она очень состарилась с того момента, когда рассказывала дочери-подростку сказку в темной спальне.

– Из Сопределья, – выговорила я. – Ее забрали Сопредельные.

Алтея покачала головой.

– Уверю тебя, ты ошибаешься. Это ты им нужна, Трижды-Алиса. А она послужила всего лишь... – она щелкнула пальцами. – Всего лишь отвлекающим маневром.

Приманка. Финч был прав. Элла, где бы она сейчас ни была, послужила приманкой.

– Тогда где она? Если не здесь, то где? – я повысила голос. – Мне плевать, призрак ты, воспоминание или кто, да хоть голограмма, но, пожалуйста... Она ведь твоя дочь. Пожалуйста, скажи мне, как ее вернуть.

– Ты считаешь меня *призраком*? Ну да, я обитаю в этом старом мертвом доме, как привидение, а он обитает во мне, но однако же я не мертва.

Старуха схватила меня за руку и прижала ее к податливой, как тесто, плоти под пожелтевшей от времени полосатой блузкой – как раз напротив сердца.

Я ощутила глухое биение под своими пальцами.

Она была живая.

– Но... но в письме...

– А, вы все же получили письмо? Я не была уверена, что оно дойдет. Письмо о смерти было нужно, чтобы она привезла тебя обратно, – Алтея хрипло и печально засмеялась. – Но и этого оказалось недостаточно. А что теперь? Что заставило тебя вернуться *теперь*?

Мое сердце пожирало само себя. После всего случившегося я все еще хотела думать, что в этом замешана Алтея – что это она протянула холодную руку в мой мир, чтобы привести меня сюда. Потому что она... Что? Любила меня? Нуждалась во мне? Глупая Алиса. Мне нравилось думать, что детские мечты остались позади – но вот я разговаривала с одной из них, и она заставляла меня чувствовать себя пятилетней дурочкой.

Но зато меня любила Элла. Моя мама. Моя похитительница. *Воровка*, как назвала ее Ханса.

Она все еще была моей – теперь, может быть, даже в большей степени, потому что я знала – это был ее свободный выбор. Нужда в ней, тоска по ней снова зашевелилась в моей груди. Это чувство было еще птенцом, слабым, с мокрыми перышками, но уже яростным. Я стиснула

зубы и решила, что оно станет спасательным тросом, который вытащит меня из зыбучих песков этой душной и тесной комнаты, пропахшей пылью, с ночной темнотой, сочащейся в окна.

– Элла пропала, – сказала я. – Они увезли ее куда-то – может быть, в какое-то место в Нью-Йорке, я не знаю. И книга, твоя книга. Она преследовала меня. Дважды-Убитая Катерина... заставила меня прийти сюда. – Я обнаружила, что не могу сказать ей ни слова о Финче. Ему бы это разбило сердце – видеть Алтею такой.

– Конечно, она тебя отыскала. Ты ведь ходячий и говорящий мост в Сопредельные земли. Куда бы ты ни шла, там истончается стена между мирами. Они проходят *сквозь*. И причиняют ущерб.

– Она пыталась меня убить. Заставить меня вскрыть себе вены в лесу. Зачем ей это?

– А! – глаза Алтеи ярко вспыхнули. – Катерина умна. Убей они тебя сами, цена была бы слишком высока для них. Но если бы ты пролила свою кровь собственной рукой? Ты, Трижды-Алиса? Это могло бы прожечь между мирами не затворяющуюся дверь. И их нечестивым каникулам в нашем мире не было бы конца.

Трижды-Алиса. Это имя прожгло мне кожу, отметилось рубцом.

Старуха смотрела на меня с чувством, напоминающим уважение.

– Значит, ты смогла пройти сквозь лес без проводника. Надо же. Жизнь в нашем мире не сделала тебя совершенно беспомощной. Наверное, ты в чем-то похожа на Эллу.

– Да, похожа, – отрезала я.

Алтея затянулась сигаретой, о которой я уже было забыла.

– Элла не могла спокойно пройти мимо потерявшейся овечки. Особенно мимо тебя в плетеной кровати, тебя с этими ужасными черными глазами. Я собственноручно пыталась отнести тебя назад, пока они не убили ее в попытке тебя вернуть. – Глаза ее потемнели. – Но Элла меня за это возненавидела и убежала вместе с тобой. Подальше от них, а заодно и от меня. Как будто я тоже – сказочное чудовище.

– Но они не черные. Мои глаза, они карие, – с глупой надеждой сказала я. Как будто в подобную замочную скважину можно было проскользнуть и убежать обратно в реальную жизнь.

– Они изменили цвет, когда ты покинула Ореховый лес. И этого было достаточно, чтобы Элла уверилась в своей правоте. Она написала мне – в то время сюда еще регулярно приходили письма, – рассказала, что Сопределье постепенно выходит из тебя. Это стало целью ее жизни – спасти тебя, дать тебе настоящую жизнь. У нее получилось? Твоя жизнь была настоящей? – ее голос постепенно переходил от отчаяния к надежде – чахлой и печальной, но, тем не менее, – надежде.

Я вспомнила нашу жизнь без корней, все время на колесах, в дороге, и проклятые несчастья, которые преследовали нас от дома к дому. Я чувствовала пружины каждого продавленного дивана, на котором я спала, впечатавшиеся мне в ребра, и тяжелые взгляды хозяев, когда мы превышали лимит их гостеприимства, и боль в спине, когда по несколько дней приходилось ночевать на сиденьях в машине, притворяясь, что я не понимаю, что мы бездомные.

Я увидела Эллу. Ее руки, стискивающие мои запястья, когда мы с ней хором считали до ста, чтобы загнать обратно мой безграничный гнев. Крепости из одеял, которые она строила для меня в гостевых комнатах, ее привычку спать без подушки, чтобы я могла позабыть, что мы здесь – только обуза на одну ночь. Тонкие морщинки, лучами разбегавшиеся от уголков ее глаз и такие неуместные на лице женщины, которая толком так и не стала взрослой. Женщины, которая предпочла спасти меня, убежать вместе со мной, тому, чтобы строить свою собственную нормальную жизнь.

– Да, – ответила я. – У нее получилось. У меня была замечательная жизнь. Нет, она и *есть* замечательная.

Алтея вскинула голову, разглядывая меня сквозь опущенные ресницы.

– А она – Элла – говорила когда-нибудь обо мне?

Первым моим побуждением было причинить ей боль. Но я смотрела на тугие узлы ее суставов, на морщинистый мешочек рта, сомкнувшийся вокруг сигареты, и понимала, что не могу.

– Очень часто.

– Лгунья, – мягко сказала она, выпуская из рта облачко дыма. – Я не ищу оправданий своей жизни, но могу тебе сказать, что не выбирала потерять свою дочь. Она думала – впрочем, не знаю, что она думала. Может, считала меня прислужницей Сопределья.

– А разве не так? То письмо – разве оно не было ловушкой?

– Хм... – старуха загасила сигарету о спинку кровати и бросила окурочек на пол. – Если и ловушкой, то не слишком действенной.

– Она думала, что все закончилось. С твоей смертью – с письмом о твоей смерти. Она думала, что теперь мы в безопасности.

Алтея безучастно смотрела на меня.

– Она знала, что я – мост. Но не знала, что и ты тоже – мост.

Во мне пробудилась знакомая боль. Да, причина всегда была во мне. Моя черная энергия сочилась в воздух, как кровь из пореза, и Сопредельные чуяли ее, как акулы. Все эти годы, которые мы провели в бегах, мы на самом деле пытались убежать от *меня*.

– Значит, они всегда меня отыщут? – прошептала я. – Где бы я ни была?

– Они и *есть* ты. Вы сделаны из одной и той же материи, – голос ее звучал почти ласково. – Тяжело это, верно? Узнать, что ты – совсем не то, чем ты себя считала. – Она указала на себя, и слова ее сочились ядом. – Бесстрашная искательница приключений. – А потом – на меня: – Настоящая живая девочка.

Я хотела спорить, возражать, но не могла заставить себя поверить в мир за стенами комнаты.

– И что же ждет такое существо, как я? – отстраненно спросила я. – Если бы письмо сработало, и Элла привезла бы меня обратно. Что бы ты сделала со мной?

– Но оно ведь в итоге сработало, разве не так? Просто работа шла медленно. Оно замедлило тебя, приковало к одному месту и позволило чудовищам в конце концов заманить тебя в Лес-на-Полпути. Но ты смогла там выжить. И пришла сюда, ко мне, по собственной воле. Разве не так?

Взгляд ее глаз стал острым и пугал меня.

– Я... не знаю. Я хотела сюда попасть. Но... не так.

– Это обычное дело, верно? Так всегда бывает, когда мы получаем, что хотели.

Она стянула перчатки и схватила меня за руки. Ее кожа пылала огнем – хуже, чем у Катерины, и я ахнула от боли, пытаясь вырваться из ее хватки.

– Вот что ждет такое существо, как ты, – слова ее звучали сразу и проклятьем, и мольбой. – Она так долго пыталась вернуть тебя на место, Трижды-Алиса. И пока ты находишься не с той стороны бытия, она не позволит мне умереть.

– Кто – она? – боль была так сильна, что я почти не слышала своего голоса. – *Кто* не позволит тебе умереть?

Алтея не ответила, глядя на потолок, как на небо, откуда на нее взирал разгневанный бог.

– Я возвращаю ее тебе! – крикнула она. – Теперь ты дашь мне уйти?

Огонь распространился по моим рукам, захлестнул грудь и стискивал, пока в глазах у меня не вспыхнули звезды. Я чувствовала дрожь пальцев Алтеи, видела желтоватые белки ее вытаращенных глаз и рот, произносящий какие-то последние слова, которых я не могла расслышать. Молитву, просьбу о прощении... Обещание, ложь.

А потом я долго падала, как Алиса в сказке Кэрролла, летя сквозь пространства – или воду – или облака – или атомы. Боль оставила меня, и я чувствовала себя живой – моя грудь

дышала, по венам бежала кровь, ничего не болело. Комната исчезла. Исчезла и Алтея, а я летела откуда-то с высоты, рассекая воздух. Когда же я приземлилась, сильно ударившись о землю, вокруг было Сопределье.

Я снова оказалась в лесу. Но, по сравнению с этой чащей, Лес-на-Полпути казался некачественной фотографией. А земные леса – карандашными набросками, сделанными слепцом, который знал о деревьях только по книгам.

В Лесу-на-Полпути мне казалось, что деревья могут меня слышать, а может, и разговаривать. Здешние деревья в прямом смысле слова дышали. Я приземлилась у древесного ствола шириной с автомобиль; кора его была покрыта объемными разводами, складывавшимися в безжалостное лицо. Дерево шумно окатило мои колени дождем семян. Семена были в форме полумесяца, блестящие, с ноготь величиной и цвета полной луны в ночь равноденствия.

Я подняла голову и посмотрела на небо, как будто ожидала увидеть лицо Алтеи, смотрящее сквозь прорехи в синеве. Потом поднялась на ноги и пошла. Что еще мне оставалось делать? Я чувствовала себя ледяной, окоченевшей. На три градуса холоднее, чем в мире, в котором я выросла – и который даже не был моим.

Финч здесь. Я вспомнила об этом, словно возвращаясь из полусна. Лес-на-Полпути пытался стереть мою память. Сундук со старым барахлом, служивший Алтее домом, да и она сама, охваченная безумием в желтой комнате... Но Финч был *здесь*. Он был еще жив – и истек кровью в лесу между мирами – а теперь его труп остывал в земле мира, куда он так мечтал попасть.

Его закопали? Или, может быть, сожгли? Что в подобном месте делают с мертвыми? От мыслей о нем мои пальцы непроизвольно сжимались в кулаки и болели. Я сунула руки в карманы и так шла через лес, где все – до последней ветки, до последнего камешка – казалось живым.

Огромное солнце низко висело над горизонтом и было не настолько ярким, чтобы я не могла на него смотреть. Так что я невольно пыталась разглядеть, что происходит на его огненной поверхности, прочесть следы записанной на нем истории, безумно далекой от меня. Цветы на моем пути закрывали венчики или начинали испускать странные запахи – кардамон, ледяной чай, шампунь Эллы... Новый мир был слишком чуждым, слишком ярким, от него мой

разум разлетался на части, как семена одуванчика от ветра. Все здесь было обостренно-ясным, обнаженным, как новый день в глазах человека, не спавшего ночь напролет и взбодрившего себя крепким кофе. Я начала перебирать воспоминания, чтобы за что-то зацепиться разумом и сохранить его целостность. Вспоминала последовательность песен в своих любимых альбомах. Потом названия книг про Гарри Поттера по порядку. Потом – названия городов, где мы жили с Эллой, один за другим. Чикаго. Мэдисон. Месфис. Накодочес. Таос.

Это помогало мне нанизывать мысли на тонкую голубую ось вменяемости и отрицания. Но ось ускользала. Теперь я знала, что Элла осталась в мире, из которого меня выдернули. А я была в чужой реальности, среди деревьев, чей бдительный интерес ко мне варьировался от дружелюбного внимания до острого раздражения. Они словно принимались ко мне, как собаки, чувствующие запах другого пса на одежде. Я вся пропахла Землей. Но под этой тонкой пленкой я, если верить Алтее, была из Сопредельных.

Я верила ей. Хотя бы потому – не будь других причин – как хорошо мое тело чувствовало себя в этом лесу. Воздух был свежий, почти осенний, хотя все вокруг зеленело и цвело. Свет был прозрачный, пронизанный золотом, и делал что-то странное с тенями – они походили на чернильные штампы. Моя собственная тень, казалось, оставалась рядом со мной только затем, чтобы посмотреть, что я буду делать дальше. Я подозревала, что если я окажусь слишком скучной, то тень надолго со мной не задержится.

Около часа я пробиралась сквозь лес, отводя с пути ветви деревьев, которые либо вежливо отодвигались под моими прикосновениями, либо пытались дать сдачи. Наконец я вышла на дорогу.

Она была слишком живописной, окаймленной кустами спелой ежевики и цветами, которые роняли толстые пушистые лепестки на утрамбованный дерн. Цветы были желтые, как пух утят, и пахли тостами с маслом.

Я сделала пару шагов и остановилась.

Птицы пели – выпевали мелодии на три-четыре ноты, которых я не могла распознать. Бурная зелень вокруг овеивалась легким ветерком, ветви поскрипывали, листва шумела, невидимые животные тихо пробирались где-то по кустам. Но на дороге все звуки вдруг утихли, уступив место напряженной, сокрушительной тишине. Воздух слегка искривился, по нему пробежала прозрачная волна жара, от которой мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки и засвербило в носу.

Я почувствовала голод. Я была зверски голодна, а руки мои – так холодны, что леденили мне бедра сквозь плотную ткань джинсовых карманов.

Девушку я не замечала до тех пор, пока не оказалась от нее на расстоянии вытянутой руки. Она остановилась в паре шагов от дороги, не глядя на меня. Ее профиль напоминал быстрый набросок гениального художника, а волосы были черные и плотные, как моя тень. Она стояла неподвижно, прижимая ладони к коре дерева, и губы ее быстро и яростно шевелились, как если бы она читала про себя очень неприятное письмо.

Воздух вокруг нее дрожал и изгибался призмой, как летом над раскаленным асфальтом. Это ее я искала – горячую движущуюся точку в центре острова тревожной тишины. Я смотрела на нее с чувством, которому не могла дать определения – страх... или благоговение... или узнавание.

Древесный ствол раскололся надвое под ее руками. Я с шумом втянула воздух сквозь зубы, когда кора стала створками двери, открывшейся вовнутрь. С места, где я стояла – прямо над девушкой, – мне была видна верхняя ступенька уходящей вниз серебряной лестницы и слышны звуки праздника, шумевшего где-то вдалеке. Когда девушка поставила ногу на ступеньку, я сделала шаг вперед.

На мое плечо легла тяжелая рука, и чей-то голос сказал мне прямо в ухо:

– На твоём месте я бы этого не делал. Не стоит становиться между персонажем и его историей.

Я резко отскочила – за спиной у меня стоял мужчина лет тридцати с небольшим. На нем были выцветшие почти до белизны джинсы и потрёпанная кожаная куртка, а на носу – очки в металлической оправе.

Вдобавок ко всему он ел шоколадный батончик *Hershe's*. Он тут же заметил, каким взглядом я смотрю на шоколадку, и прикрыл ее свободной рукой.

– Нет, сестренка. Это у меня последний, все запасы кончились. Я же не могу просто пойти и прикупить себе еще.

Выговор у него был американский... по большей части. Но с примесью чего-то еще, придававшего некоторую излишнюю четкость согласным.

Я еще глубже затолкала руки в карманы, с удовольствием вдыхая обычный прохладный воздух, который мужчина принес с собой.

– Погодите, – произнесла я. – Вы что, с Земли?

Он смерил меня взглядом, потом вздохнул.

– Ох, черт, только не это. Ты новенькая? Нет, я не нанимался давать тебе ориентиры. Стоп, а еды ты собой не принесла? Всяких... готовых продуктов в обертках? – он снова окинул меня взглядом – водолазка, джинсы, никакой сумки или рюкзака... – Очевидно, что нет.

– Давать ориентиры? – эхом переспросила я, все еще глядя вслед девушке. Она исчезла, а ствол дерева сомкнулся, и на нем не осталось ни трещины. – А что вы сказали раньше? Про персонажа и историю?

– Господи, неудивительно, что ты только что чуть не полезла следом за Лесничихой в преисподнюю. Ты совсем зеленая, так? В смысле, «только что провалилась сквозь зеркало в Тунисе», да?

Я обдумала, не сказать ли ему, что я Трижды-Алиса, если это побудит его отдать мне остаток шоколадки. И решила не говорить.

– Значит, так вы сюда попали? – спросила я вместо этого. – Сквозь зеркало в Тунисе? Вы один тут такой?

– Ох, – он затолкал огрызок батончика в рот, разглядывал меня, жуя. – Ладно, я расскажу тебе основное. *Самое* основное, пока ты не найдешь кого-нибудь, кто подробно введет тебя в курс дела. Прежде всего, конечно же, я не один такой. Если под «таким» ты имеешь в виду болвана настолько тупого, что когда-то ему показалось хорошей идеей выпросить, купить или украсть пропуск в измерение, где нет ни плееров, ни бурбона, ни шоколада. Тут полно беженцев. С Земли и из других мест – по крайней мере, я о них слышал. Во-вторых, *всегда держись подальше от персонажей*. Ты их сразу узнаешь. Если кто-нибудь светится по краям, или движется как в трансе, или пахнет дымом, или цветами, или солью, или в целом выглядит как герой кровавой баллады, обходи его стороной. Я знал одного парня – филолога из Кембриджа, вывалился сюда через колодец желаний, – так он попытался спасти Девуцу без кожи в момент, когда кожа была еще при ней. *Господи*, это была худшая идея на свете.

– Что с ним случилось?

– Не заставляй меня рассказывать в подробностях. Скажи-ка, ты вообще собиралась сюда попадать? Потому что по тебе похоже, что не собиралась.

Он явно начинал интересоваться мной, пусть даже против собственной воли.

– Я не собиралась. Меня сюда забросили, – пояснила я.

– Гм, пожалуй... пожалуй, я не хочу знать деталей и ни во что вмешиваться, – смутился парень. – Не хочу вести себя как козел, но знаешь, у меня тут впервые за долгое время появилось нечто стоящее. Наконец-то. Я завел себе девушку, из бывших персонажей, что особенно пикантно – и сейчас просто собирался прогуляться и съесть батончик. Без того, чтобы она на меня паялилась – здешние считают еду в обертках отвратительной, знаешь ли.

Он продолжал болтать, но я уже не слушала – меня зацепили слова про «бывшего персонажа».

– Как это – бывший персонаж? – грубо перебила я. – Это значит, что она раньше была героем сказки?

– Типа того, – парень уже смотрел куда-то за мое плечо, очевидно мной утомившись. – Слушай, если ты пройдешь по этой дороге достаточно далеко, непременно встретишь маленькую старушку. Она тебя попросит кое-что сделать – помочь донести ведро, собрать для нее хворост, что-то в этом роде. Просто сделай это и используй желание, которое она тебе подарит, чтобы найти Дженет. Поняла? Не проси ее отправить тебя домой или сделать принцессой и все такое. На такие большие вещи она уже не способна – она тоже из бывших персонажей. Просто попроси послать тебя к Дженет, она знает, кто это такая.

– Старушка, Дженет, – пробормотала я, запоминая. – Ясно.

Мысли вертелись в моей голове, как белка в колесе – я лихорадочно обдумывала, что значит быть бывшим персонажем. Может быть, даже отсюда, из Сопределья, я смогу найти способ стать свободной.

– Тебе туда, – новый знакомый указал направление. – Может, путь займет пять минут, может, пару часов. Счастливого путешествия.

– Спасибо, – я вытащила из кармана руку, чтобы попрощаться.

Он взял было мою руку в свою – и вскрикнул, отдергиваясь, как будто я его укусила.

– Что? Что такое? – испугалась я. Он поднес пальцы ко рту и дул на них, не сводя с меня глаз. Вернее, с моих рук.

– Черт, – сказал он. – Ты сама персонаж, да?

– А? – я взглянула на свои руки – и задохнулась.

Они были мертвенно-белые, как ткань дешевого свадебного платья. Такие бледные, что даже казались голубоватыми. А ногти стали прозрачными, как куски льда.

– Какого хрена? – воскликнула я, отпрыгивая, будто можно было убежать от собственных рук.

– Не хочу показаться грубым, госпожа! – Мужчина тем временем пятился назад, заодно отвешивая поклоны. – Я вовсе не собирался вмешиваться. Счастливого путешествия вам!

– Подожди! – крикнула я, выбрасывая руку вперед. Он замер на месте, как будто я могла поразить его ледяным лучом. И по всему, что я о себе знала, я это действительно могла.

– Мне нужны перчатки, – сказала я.

Он помедлил, потом сунул руки в карманы куртки и вытащил оттуда пару кожаных перчаток. Скатав их в один комок, он швырнул перчатки мне – и бросился бежать.

Я поймала кожаный сверток на лету и развернула. Перчатки были мне велики и пахли дешевым шоколадом, но я все равно почувствовала себя лучше, когда белые пальцы скрылись с глаз. Сердце мое сжалось – я вспомнила историю, которую Финч рассказывал за ужином: Трижды-Алиса проглотила лед, и это превратило ее – *меня* – в ледяную зомби. Огненное прикосновение Катерины на остановке, то ужасное ощущение – его виновницей была я, а не она. Просто прикосновение к ней, прикосновение к Сопределью пробудило во мне эту силу.

Думать обо всем этом сразу было невыносимо – слишком много, слишком страшно. Так что я просто пошла в направлении, которое мне указали.

Моя дорога проходила мимо избушки, построенной между двумя огромными деревьями. На крылечке сидел старик, внимательно глядя на меня издали. Он прижимал к уху что-то непонятное. Я кивнула ему, поглубже заталкивая в карманы свои руки в перчатках.

Штука в его руке запищала и извергла поток бессмыслицы. *Зеленый, паленый, соленый. Ухо, глухо, невезуха. Токио алебастр красный. Король королева курица.*

– Это у вас что... радиоприемник?

Старик что-то пробурчал и начал писать на куске грубой бумаги. Писал он шариковой ручкой Bic.

– С кем вы разговариваете? – снова попробовала я завязать разговор. Он не потрудился ответить, и я отвернулась.

– С любим, кто меня слушает, – сказал он мне в спину. – В этом мире или в другом.

– И как, нашлись такие?

Радио снова кашлянуло и выдало серию звуков, которую производил, кажется, женский голос. Это было похоже на вокальные упражнения.

– Слышно очень многое, – пробормотал старик. – Но собеседников пока нет.

– Счастливого путешествия, – сказала я ему, думая, что это здешнее вежливое прощание. Старик странно на меня взглянул и вернулся к своему приемнику.

Свет начал меняться, становясь коньячно-желтым; острые тени удлинились. Широкая дорога перешла в пешеходную тропку, и на ней я едва не столкнулась с высоким мужчиной в черном. У него было красивое, полное энергии лицо, от висков до кончика носа покрытое татуировками. А еще от него исходила вонь... ужасная и почему-то знакомая.

Он, несомненно, был персонажем. Это ощущение исходило от него, как низкий гул. Я смотрела прямо перед собой, от прилива адреналина зудели пальцы.

– Счастливого путешествия, – сказал он.

Я кивнула и попробовала было с ним разойтись, но он перехватил меня за руку. И раньше, чем я успела вырваться, стянул с меня перчатку. Я застыла: лед поднялся выше. Неземная белизна теперь дотянулась мне до запястий.

– Привет, персонажик, – ухмыльнулся татуированный. Зубы, открывшиеся в улыбке, были тонкими и острыми, как иглы.

И тут я узнала его запах – вонь гниющего мяса и запустения с дикой зеленой сердцевиной. Этот запах я уже встречала в предыдущей жизни. Именно он отравлял квартиру Гарольда в день, когда я вернулась из школы и обнаружила пропажу своей матери. И вот передо мной стоял ее похититель.

Вересковый король. Это имя всплыло из глубины моей памяти, как смутный шепот в телефонной трубке. Сопределье открывало мне свои секреты. Секреты, которые я уже знала, потому что была его частью.

– Ты, – выговорила я.

– Отличное начало, – отозвался он. – Что – я?

– Ты забрал ее. Эллу Прозерпину. Где она?

Он по-детски надул губы, взгляд его затуманился.

– Элла, Элла, Элла... Не помню такого имени.

Всякий раз, как ее имя выходило из его губ, мои руки пульсировали ледяным холодом.

– Это было в Нью-Йорке, по ту сторону Леса-на-Полпути. Ты забрал ее и оставил для меня послание – страницу из «Историй Сопредельных земель».

Глаза его мгновенно сфокусировались.

– О, да, помню ее. Элла Прозерпина, воровка. А ты, значит, и есть малютка-персонаж, которую она украла. – На какой-то миг, не более, он показался озабоченным. – Но что ты здесь делаешь? У Катерины были на тебя планы в Лесу-на-Полпути.

– Я спрашиваю про Эллу. Где она? Что ты с ней сделал?

– Трудно запомнить то, что происходит в другом мире, тебе не кажется? – он снова показал свои игольно-острые зубы, весь набор сразу. – Но что бы я ни сделал, уверяю тебя, ей это понравилось. Тот мир – отличное место для развлечений.

Я бросилась на него и вцепилась ледяной рукой ему в шею.

Он со свистом втянул воздух. Под моей рукой стремительно образовалась корка инея, распространяясь ему по шее, заползая в открытый рот.

Мне хотелось знать, что случится, если я не остановлюсь. И само это желание так испугало меня, что я опустила руку, тяжело дыша. Ох, как я была холодна. Руки у меня заledenели до самых локтей. Я прижала их к бокам, как сломанные крылья.

– Что ты сделал с моей матерью? – медленно повторила я, чтобы он точно расслышал.

Побелевшие татуировки на его лице снова начинали темнеть, медленно нагреваясь. Потирая шею, он оскалил на меня зубы.

– Я тебе ни слова не скажу, как ты ни старайся. Я не помню, что я там делал. Почти ничего. Хотя вот ее саму я помню, да, – он поежился от удовольствия. – Элла Прозерпина. У нее кровь *поет*. Ее кровь, кровь ее отца – одна и та же. Один раз услышишь – никогда не забудешь.

Ее отец... Отец Эллы. Кожа моя примерзла к костям. Отец Эллы умер в Виллидже до ее рождения, оставив Алтею беременной вдовой. Предположительно, его убил неизвестный наркоман.

Или кто-то еще похуже. Тупой, как акула, и вечно голодный, умеющий следовать за запахом крови своей жертвы, теперь текущей в жилах ее дочери...

Какую часть нашей злой судьбы обеспечил именно он? А какая вина лежит на прочих чудовищах из Сопределья, проникавших в наш мир, подобно теням, стоило нам чуть задержаться на одном месте? Я вспомнила пачку газетных вырезок на унылой желтой кухне Алтеи – историю смертей, которую собирала их невольная инициаторша. Сопредельные психи были не только нашей злой судьбой – они привязывались к каждому, кто слишком близко подходил к Ореховому лесу, этой завесе между мирами, полной прорех, через которые пролезали ужасные создания.

– Если ты причинил зло моей матери, я тебя убью, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал терпеливо и спокойно. – Мне плевать, кто ты такой – непобедимый воин или королевская особа. Я тебя просто убью и постараюсь сделать это больно.

– Она тебе не мать, Трижды-Алиса, – прошипел тот. – Если бы я причинил зло твоей настоящей матери, думаю, ты была бы только рада.

Тут голова его повернулась в сторону – стремительным движением хищника, почуявшего добычу.

Я проследила за его взглядом и увидела движущуюся меж деревьев зеленую фигурку – мимо шла девушка, почти невидимая в платье цвета листвы. К моему горлу подступила тошнота: она остановилась, гордо вскинув подбородок, как королева, а через плечо у нее была перекинута, как котомка, человеческая голова. Девушка небрежно держала ее за прядь ярко-желтых волос.

– Некоторых из нас ждут истории, в которых нужно участвовать, – сказал Вересковый король. – Извини, что не могу как следует за тобой поухаживать.

Он окинул меня взглядом, от которого немедленно захотелось помыться с мылом, и устремился следом за девушкой.

Когда он исчез из виду, я подобрала оброненную им перчатку. Затолкала ее в карман. И побежала, продираясь сквозь деревья.

Я мчалась так, будто по моему следу шла тварь с острыми зубами. Понадобилось пять минут, чтобы оставить позади ощущение чужой руки, хватающей меня, чужого жаркого дыхания на моей шее.

Вересковый король. Я прикасалась к нему – но и он прикасался ко мне. Мои руки зудели, как от ядовитой субстанции, словно я могла заразиться чем-то через его кожу.

Наконец я остановилась, чтобы отдышаться, и осознала, что сошла с тропы. Еще не успев обругать себя за глупость, я огляделась – и увидела старушку, которая сидела под яблоней, скрестив ноги.

Если бы не глаза – черные, как у птицы, – она бы ничем, от макушки до розовых кроксов, не отличалась от бабок, которые постоянно попадают где-нибудь в Чайнатауне. Обычно они тащат огромные матерчатые сумки, полные грязных корнеплодов. Старушка внимательно смотрела на мою белую руку.

– Здравствуй, детка, – сказала она.

– Здравствуйте, бабушка, – ответила я, все еще тяжело дыша. Я прочла достаточно сказок, чтобы выучить правила тамошнего этикета.

– Моя старая спина болит, и я очень проголодалась. Не окажешь ли мне услугу, не достанешь для меня яблочко?

Старушка, по правде говоря, выглядела достаточно бодрой, чтобы обогнать меня на дороге, но спорить я не собиралась. Ветки яблони, под которой она сидела, ломились под весом зеленых яблок.

– Конечно, бабушка, – вежливо сказала я и обошла дерево кругом, ища, как бы лучше на него забраться. Оно задержало дыхание и следило за мной. Кора его была гладкой, а сучья начинались только выше моей головы.

– Я совсем ослабла от голода, внученька, – деликатно заметила старуха.

Я закатила глаза у нее за спиной и положила ладонь на гладкий яблоневоый ствол.

Дерево дернулось от моего прикосновения, подняв ветви, как лепестки, и снова резко опустило их. Добрый бушель яблок дождем осыпался вниз. Старушка ловко раскрыла над головой розовый зонтик, пережидая водопад из фруктов. Одно яблоко стукнуло меня по макушке, и я присела и прикрылась руками, пока фруктовый ураган не прошел.

– Спасибо, внученька, – сухо сказала старуха, когда я протянула ей яблоко со следом удара о землю. Она отбросила зонтик и поднялась на ноги.

Я рассмотрела, что ее обувь уже не так похожа на кроксы – скорее это были розовые туфельки, а дорожная накидка обратилась в нарядное платье с блестками. Морщины ее разгладились, оставляя лицо нежным, как профиль на камее.

– Ты была добра ко мне, думая, что я всего лишь жалкая старушка, – заученно произнесла она – таким тоном официантка зачитывает список блюд последнему столику рабочим вечером. – Я отплачу тебе за доброту, исполнив любое твоё желание. Но только одно, так что выбирай разумно.

Невзирая на предостережения едока шоколадки, передо мной разом пронеслась череда самых разных желаний. Например, можно попросить у нее ответов на все вопросы. Или магическое зеркало, чтобы найти Эллу. Или семимильные сапоги. Или живого Финча рядом со мной... но так далеко ее сила, конечно, не могла простираться. Так что я вздохнула и последовала совету.

– Отправьте меня к Дженет.

Она помрачнела.

– Эх. Слишком просто.

Она взяла меня за плечо, развернула и резко крутнула, так что я упала лицом вперед. Мир вокруг замигал, как объектив камеры – и ноги мои коснулись уже не травы, а булыжной мостовой.

Блуждания по Ореховому лесу вызывали у меня головокружение, но сейчас все было совсем иначе. Ощущение от перемещения было опьяняющим. Я подняла голову – и увидела, что стою прямо перед крашенной в красный дверью уютного домика. Лес остался у меня за спиной, вокруг был поздний вечер.

Кроны деревьев больше не заслоняли небо, и я могла как следует его разглядеть. Лицо луны здесь казалось еще чище и яснее – прекрасное женское лицо с линиями скорби вокруг глаз и у рта. Звезды как будто старались столпиться поближе к ней, но она держалась в отдалении.

Дверь отворилась, и из нее полился мерцающий теплый свет и запах готовящегося мяса – запах людского жилья. Женщина лет пятидесяти, стоявшая на пороге, выглядела по-крестьянски крепкой и сильной; светлые волосы ее были заплетены в толстую косу до лопаток, перекинутую через плечо. Она смотрела на меня откровенно неприветливо.

– Вы Дженет? – мой вопрос прозвучал одновременно с ее окликом. Она смотрела в глубь помещения.

– Дженет, к тебе еще одна бродяжка! – после чего ворчливо обратилась ко мне, отодвигаясь, чтоб освободить проход: – Заходи, добро пожаловать.

Я вошла в дом, настолько теплый от огня и запахов готовки, что едва не разрыдалась. Я уже протягивала руки к огню в открытом очаге в конце просторной комнаты без перегородок, как вдруг вспомнила – и поспешно натянула у себя за спиной перчатку на голую руку.

– Вы только гляньте! – воскликнула женщина, и сердце мое подпрыгнуло – но она разглядывала всего лишь татуировку, видневшуюся над вырезом моей водолазки. – Откуда у новенькой на коже цветок Сопределья?

Ее голос отмечал куда более сильный акцент, чем тот, который я слышала из уст человека с шоколадкой.

– Я не знала, что это цветок Сопределья, – ответила я искренне. Меня всегда завораживало инопланетное растение на плече моей мамы – и я, помнится, не поняла ее ужаса, когда

явилась домой с такой же татуировкой. Теперь все встало на свои места: я носила в себе этот мир, а татуировка означала, что теперь Элле придется видеть его и *на* мне.

– Дай ей отдышаться, Тэм, она же только что прибыла.

С этими словами из двери в задней стене комнаты вышла женщина в джинсовом комбинезоне, состоявшем, главным образом, из заплаток. Мокрые седые волосы спадали ей на спину.

– Вы Дженет.

– Да. А это – моя Тэм Лин. Хотя ты можешь звать ее Ингрид, – она указала на блондинку, которая сразу подошла к ней, словно собираясь ее защитить в случае чего.

Я кивнула, чтобы показать, что узнала аллюзию, хотя и задалась вопросом, какова в таком случае их история.

– Один человек сказал мне, что, если я беженка, мне нужно найти вас.

– Этот человек был прав, *если* ты действительно беженка. Признаюсь, татуировка меня удивляет. Ты уверена, что ты здесь новенькая?

Голос у нее был добрый, но глаза – острые и внимательные. Она отметила и перчатки на моих руках, и дешевые новые джинсы, и остатки карандаша для глаз на веках – им я пользовалась всего-то сегодняшним утром.

– Я уверена.

Ингрид пробормотала себе под нос незнакомое мне слово, но ее тон мне не понравился.

– Иди сюда. – Дженет вынула из шкафа у стены матовую бутылку и три тонконогих бокала и поставила все это на круглый столик, который в прошлой жизни был древесным пеньком. Открыв бутылку, она налила в каждый бокал на дюйм жидкости. Напиток задымился, коснувшись дна, но тут же успокоился и оказался бесцветным и прозрачным. – Ингрид станет куда лучше к тебе относиться, если мы сначала выпьем за наше знакомство.

Дженет умела притворяться куда лучше своей подруги: она спокойно подняла бокал, в то время как Ингрид вцепилась в его ножку, как в рукоять гранаты, и внимательно следила, пью ли я.

Я перестала бояться волшебной еды с того момента, как Алтея рассказала мне свою сказку на ночь, но это не означало, что я готова выпить нечто, предположительно варившееся в ведьмином котле.

– Это яд? – спросила я.

Дженет усмехнулась.

– Тэм, ты совершенно не умеешь держать лицо. Смотри сюда – за твое здоровье, – она отпила из бокала и сжала губы.

Я понюхала жидкость – запаха не было – и сделала то же самое. Во рту напиток ощущался как вода, но в желудок упал, словно ликер. Пришло сильное послевкусие.

– Яблочные «Счастливые ранчеры», – изумленно сказала я, узнавая вкус своих любимых конфет детства. – Нет, подождите... Вкус цветов. Фиалковые леденцы. Нет, нет – это домашние ириски! – я увидела Эллу, смешивавшую в сковородке сахар и сливочное масло. – Господи, а теперь это похоже на латте. – Причем на конкретное оригинальное латте, которое я делала себе в «Соленой собаке» – с медом и лавандовым сиропом. Я чувствовала себя Виолеттой Боригар, болтающей обо всем, что, как ей казалось, она съела, прежде чем обратиться в огромную черничину¹². – Что это такое? – наконец выдохнула я.

– Сыворотка правды, более или менее, – и Дженет улыбнулась при виде моего изменившегося лица. – Мы могли бы поверить тебе и без нее, милая, но она добавляет людям честности.

– Но вы и сами ее приняли.

– У нас с Тэм нет секретов между собой. К тому же разговор под сывороткой правды похож на спортивное упражнение. Должна тебе сказать, милая, ты ужасно выглядишь. Может

¹² Виолетта Боригар – персонаж сказки Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика» и снятого по ней фильма.

быть, тебе стоит позволить этим огрызкам волос у тебя на голове вырасти как следует? – и она тут же зажала рот ладонью.

– Быстро оно действует, – сухо заметила я.

– Ты симпатичная девушка, – смягчила пилюлю Дженет. – Но тебе не помешало бы принять ванну и проспать целую ночь.

– Я бы проспала целый год, – пробурчала я – и тут же прикрыла рот ладонью, пока из него не вылетел целый ворох ненужных фраз. *А вам бы не помешало съездить на лечебные грязи, все лучшие, чем просто так жить в грязище... Вы знаете, что ваш дом пропах кровью и огнем?*

– Откуда ты прибыла и зачем? Можешь рассказывать коротко, – отрывисто сказала Ингрид.

– Нечестно, – заметила я. – Она не выпила ни глотка.

– Ты не нарубишь нам еще немного дров, дорогая? – вопрос Дженет был вопросом только наполовину.

Ингрид нехотя встала.

– Как только она скажет, что у нее нет на уме никакого злодейства и что она не собирается навредить никому из нас.

– Я не хочу вам вредить.

– Ты говоришь о своих желаниях, а это увертка. Говори о намерениях.

– У меня нет намерений навредить кому-то из вас. И никому другому. Ох! – я схватилась за живот – там шевельнулась боль, и я подумала о Вересковом короле. И о чудовищах, которые убили Финча и бросили меня в лесу. – Может быть, и есть кое-кто, кому я желаю зла, – поправила я, – но этого кого-то здесь нет.

Похоже, это удовлетворило Ингрид; она сняла с крюка провощенную накидку и вышла.

– Она вас защищает, – сказала я. – Это хорошо – иметь защиту.

Дженет повела плечом.

– Попав сюда, я осталась одна-одинешенька. Потребовалось время, чтобы найти свое место в этом мире. И еще больше времени потребовалось, чтобы стать кем-то, заслуживающим защиты.

Она опустилась в одно из мягких кресел возле очага, я заняла второе.

– Боже, кресло воняет мокрой псиной, – сказала я и тут же прикусила губу. Дженет чуть улыбнулась.

– Когда ты прибыла сюда? Сегодня?

– Да.

– Ты впервые здесь?

Я помедлила.

– Я не помню, чтобы я когда-то здесь бывала.

Ее бровь слегка поднялась, показывая, что она заметила мою увертку.

– Как ты могла уже догадаться, мой дом – что-то вроде сборного пункта для новичков. Люди попадают сюда из твоего мира – когда-то бывшего и моим – разными способами, порой случайно, но чаще все же намеренно. Моя работа, которую я сама выбрала, – это привечать их, предостерегать и отслеживать их дальнейшую судьбу. Это не очень просто, с учетом всех неприятностей, в которые тут можно попасть, и всех существ, которые могут тебя съесть. Я стараюсь, как могу. Из других миров сюда тоже попадают, но это уже не моя проблема. Конечно, группы беженцев местами пересекаются, хотя и меньше, чем можно было бы ожидать в таком небольшом мире, но... Ты, кажется, хочешь о чем-то спросить?

– Какого он размера, этот мир? – выпалила я. – *Что* он такое? Что лежит за его пределами? Вы сюда пришли намеренно или случайно? Есть отсюда путь назад? И как становятся бывшими персонажами?

Дженет подняла руку, пресекая поток моих вопросов.

– Он довольно маленький. Насколько это возможно, учитывая, что его границы постоянно двигаются, не отмечены ни на каких картах и практически недостижимы. По сути это своего рода королевство, но королей и королев здесь много. Что за его пределами, я сказать не могу. Я прибыла сюда намеренно, помоги мне Боже, и да, пути назад существуют. Бывшими становятся персонажи, чью сказку больше никто не рассказывает. Иногда это их убивает, иногда сводит с ума, но чаще они привыкают к новому положению и ассимилируются с прочим населением. Их судьбы я не отслеживаю, хотя предпочитаю знать о случаях межрасовых браков. Их дети – если у них рождаются дети, – обычно склонны попадать в неприятности – или же в истории, что, на мой взгляд, одно и то же. А теперь расскажи мне свою историю – сама реши, в длинном или коротком варианте.

Едва я успела открыть рот, как уже говорила без остановки. Чем бы Дженет меня ни напоила, этот напиток заставлял просто фонтанировать словами. Говоря, я подспудно надеялась, что обилие информации поможет мне сохранить в секрете то единственное, что я хотела утаить. По крайней мере на время, пока не узнаю, как она отнесется к тому, что перед ней сидит персонаж. Нервно перебирая белыми пальцами в перчатках, я рассказала об Элле, о Гарольде, о Нью-Йорке, о том, как я пришла домой и обнаружила пропажу. Я рассказала и о предполагаемой смерти Алтеи, назвав ее матерью моей матери – достаточно близко к истине, чтобы сыворотка истины это пропустила. После экскурса в прошлое я снова перепрыгнула вперед и поведала об Эллери Финче, о ночи, проведенной в чаще, о часах – или днях, – проведенных в Ореховом лесу. Говорить было настолько огромным облегчением, что я не сразу заметила – лицо Дженет посерело, как пепел.

– А на дороге я встретила мужчину, – на этом месте я запнулась. Руки Дженет стискивали подлокотники кресла, глаза смотрели куда-то мимо меня.

Она встряхнула головой, пытаясь улыбнуться, но попытка не удалась.

– Ты сказала, что ты внучка Алтеи. Алтеи Прозерпины.

– Вы о ней слышали? Вы читали ее книгу?

– К счастью, не читала. В Сопредельных землях нет ни одного ее экземпляра. Того, кто попытался бы пронести книгу сюда, наверное, отдали бы Ночным женщинам. Но я знала саму Алтею – еще там, на Земле. Алтея была... гм... – Дженет крутила на руке браслет – тонкую нитку голубых бусин. Ее пальцы нервно двигались, и бусины вспыхивали в свете очага. – Мы попали сюда с ней вместе, – наконец сказала она.

– Погодите, *что?* – Дженет выглядела, конечно, старше Эллы – но и близко не такой старой, как Алтея. Однако она провела в Сопредельных землях что-то около... – Пятьдесят лет назад вы пришли сюда? Вместе с Алтеей?

– Ты сказала, *пятьдесят?* Там, снаружи, прошло пять десятков лет? – она засмеялась несколько безумным смехом. – Я всегда представляла, как я – ладно, я знала, что на самом деле никогда этого не сделаю, но все же – полагаю, мои родители наверняка умерли? Пятьдесят лет, это значит, там началось новое столетие, так?

Поборов минутное желание поразить ее новостями о том, что такое Интернет, я решила, что это неважно, и перешла к существенному.

– Расскажите мне про Алтею.

– Как бы это сделать в двух словах? Попробуем так: она заключила темную сделку, и это прожгло дыры в завесе, разделяющей два мира.

– Звучит драматично, – сказал мой невежливый язык, опьяневший от сыворотки правды.

– Это и было чертовски драматично, – огрызнулась она. – Эта эгоистичная сука даже не предложила взять меня с собой обратно.

– Ох, – тихо отозвалась я. – Она была вашей... вы были вместе?

– Ну, не стоит меня оплакивать, – снисходительно сказала Дженет. – Она всегда жила одним днем. Со мной она связалась только из-за того, что могла получить от меня какую-то пользу. Нам было весело вместе, но это веселье все равно не продлилось бы дольше одного лета.

– Лета, когда Алтея нашла дорогу в Сопределье.

– Именно так. Мы с ней познакомились в баре в Будапеште – она была хорошенькой американской туристкой, которая сбежала от надоевших друзей. А я была идиоткой, которая никогда не могла устоять против напористых красоток. Я ей рассказала о своих полевых исследованиях, и за бутылкой дешевого вина она решила, что отправится в экспедицию вместе со мной. – Взгляд Дженет слегка расфокусировался, она дергала свой браслет, как струну цитры.

– А что за полевые исследования?

– Я исследовала двери. Двери между мирами. Началось все с курсовой о волшебных сказках – мои родители были профессорами, и отец, и мать, причем в то время научная карьера для женщины была редкостью. Но теория перешла в практику, когда однажды я обнаружила дверь в книге.

– Думаю, вы выражаетесь буквально?

– Буквальнее некуда. Большинство книг обладает чисто абстрактными силами, но порой случается наткнуться на книгу с реальными физическими способностями. Это была дверь в средний, типовой волшебный мир, сплошное разочарование для девушки, которая выросла, представляя себе эльфов в виде духов воздуха, или в их лесной разновидности. Потому что большую часть времени там я провела под землей. Когда я вернулась – через несколько месяцев в реальном времени – я уже крепко попала на крючок. Я оставила план о получении научной степени и перешла исключительно к практике.

Речь Дженет отличалась тем же странным сопредельным акцентом, что и у Ингрид, но чем дольше она говорила о прошлом, тем более британским делалось ее произношение.

– И вы рассказали Алтею о двери в Сопредельные земли? – предположила я.

– Да. Такого рода знания доступны тем, кто готов заплатить должную цену. Мне в свое время было чем платить – знание покупается за знание, а у хорошенькой девушки двадцати шести лет всегда есть и другой способ оплаты. – Она поджала губы и на миг приняла стыдливый вид, будто ожидая, что я буду ее судить. Заметив, что я не собираюсь этого делать, она продолжила.

– Я праздновала завершение очень удачного проекта, когда встретила Алтею, и ликер в сочетании с ее обаянием развязали мне язык. Господи, хорошо, что я отправила Тэм наружу – ей было бы тяжело все это слушать, – Дженет бросила тревожный взгляд на дверь. – Как бы то ни было, ночью я рассказала ей слишком много. Уже наутро я об этом пожалела, но отделаться от нее так и не смогла. Мне показалось, что она... подходит для моих занятий по духу. Душа паломницы и все такое. Потом были несколько безумных недель, занятых планированием. Мы закупали припасы, искали экипировку, которая, как мы думали, нам понадобится. Алкоголь и сигареты для подкрепления духа, книги, непромокаемые ботинки, дорожный магический компас, который, как выяснилось, не работал ни в старом мире, ни в новом. Мы были влюблены – по крайней мере я так думала, и она никогда не сомневалась в существовании Сопределья. Я знаю, что мне следовало быть осмотрительной. Я годами вынашивала идею о том, чтобы покинуть этот мир. Я готовилась к этому, постепенно обрубала связи. Но она действовала совершенно спонтанно. Бездумно. Это выяснилось, когда мы прибыли сюда. И правда оказалась болезненной.

Дверь скрипнула, впуская внутрь холодный воздух и аромат Сопредельных лесов. Дженет умолкла и тихо, со странным выражением смотрела на вошедшую Ингрид.

Ингрид опустила перед очагом охапку наколотых дров.

– Твоя беженка остается ночевать? – спросила она, опускаясь на колени и подкидывая полешки в огонь.

– Конечно, остается, – резко сказала Дженет. – Ингрид, спрячь куда-нибудь свой снобизм. Я тоже когда-то была беженкой, ты об этом помнишь?

Ингрид, не отвечая, покачала головой.

– Вот в чем настоящая проблема с Сопредельем, – сказала Дженет, обращаясь якобы ко мне. – Ни у кого здесь нет чувства юмора. Собственно, и бога у них тоже нет. Может быть, без одного не бывает и второго. К чувству, что ты зависишь от чьего-то милосердия, обязательно должно прилагаться умение над этим посмеяться. – И она сама рассмеялась, как бы иллюстрируя свои слова.

– Ты устала, – сказала Ингрид, не оборачиваясь.

– Слишком много правды, ей тяжело столько вынести, – сообщила мне Дженет.

Я чувствовала себя как тем вечером, когда Элла выпила слишком много шерри и начала при мне скандалить с Гарольдом. После свадьбы прошло две недели, и маска идеальной жены уже начинала ей мешать.

– Вы сказали, что Алтея заключила, м-м, темную сделку, чтобы выбраться отсюда, – напомнила я, пытаюсь вернуть разговор в прежнее русло. – В чем она состояла?

Ингрид обернулась, не поднимаясь с колен; брови ее сердито поднялись.

– С чего вы вдруг обсуждаете эту женщину? Она-то здесь при чем?

– Алиса – внучка Алтеи, – с царственным спокойствием ответила Дженет. – Именно Алиса подняла эту тему, не я.

– Удивительное совпадение, вот что это такое. Я уверена, ты ненавидишь искать предлоги, чтобы поговорить о ней.

Однако Ингрид сказала это без всякой обиды, поднявшись и встав у Дженет за креслом, чтобы опустить руки ей на плечи.

– В чем состояла сделка? – повторила я.

– Ты хочешь знать, чтобы заключить такую же?

– Нет, просто чтобы... – я снова поморщилась и схватила за живот. Стоило мне попытаться солгать, питье в моем желудке, похоже, обращалось в кислоту.

– Ох, да скажи ты ей, – вздохнула Ингрид. – Все равно вред уже причинен, и лучше пусть она узнает правду от нас, чем будет расспрашивать всех и каждого, и ей наговорят всякой дряни. Каждый беженец рано или поздно узнает о Пряхе.

– Я бы предпочла, чтобы поздно, – пробормотала Дженет, прижимаясь щекой к руке Ингрид. – Алтее здесь было плохо. Кого-то вроде меня, кто мог бы объяснить нам, что делать, еще не было – и вообще беженцев в Сопределье было еще очень мало. Нам самим приходилось искать пути, дело шло медленно и трудно. Сначала – главным образом из-за нее – у нас кончилось виски, потом сигареты, потом нам стало нечего читать, а для бедняжки это были единственные три вида топлива. Представь себе ребенка, утомившегося каникулами, с оговоркой, что каникулы вечные. И в конце концов скука толкнула ее на очень большую глупость.

– Какую?

– Она начала преследовать персонажей. Не знаю, как она при этом всякий раз умудрялась выжить – но умудрялась. О том, чему она не была свидетельницей, она расспрашивала второстепенных действующих лиц – нянек, служанок, средних сестер. Она общалась с мертвыми королями и убиенными женами – все эти несчастные призраки вечно толпятся на отшибе сказки, только и мечтая с кем-нибудь поболтать. А потом она возвращалась домой и пересказывала все мне. «Я журналистка, – говорила она, – и это моя работа». – Дженет фыркнула. – Можно подумать, она работала военным корреспондентом, а не кропала статейки о том, как лучше одеваться, чтобы подцепить богатого мужа.

Нечто сломанное во мне заныло от ее слов – целый мир назад Финч именно так описывал Алтею, сравнивая ее с военным корреспондентом. Хотела бы я сказать ему, что он не ошибся.

– В конце концов она, конечно же, пришла к истоку историй, – продолжала Дженет. – То есть к Пряхе Сюжетов.

Я расслышала благоговейное подчеркивание этого имени, его заглавные буквы. Она говорила, что здесь нет Бога – но, кажется, его заменяло что-то весьма похожее.

– Кто это – Пряха Сюжетов?

– Ее имя говорит за нее, разве нет? Для здешних земель это то же самое, что Творец Мира. Ничуть не меньше. Сюжет, История – это материя Сопределья, вещество, из которого оно состоит. Алтея убедила Пряху создать для нее историю, которая могла бы послужить мостом. После чего просто-напросто, – Дженет пошагала в воздухе двумя пальцами, – перешла по нему обратно.

– Перешла по чему? По словам? В этом нет никакого смысла.

Ингрид странно смотрела на меня, но Дженет выдавила улыбку.

– Смысл, – сказала она. – Последний оплот сопротивляющегося беженца.

– Значит, она вернулась обратно. Отлично. Но каким образом это – как вы там выразились? – прожгло дыры в мире?

Внезапно ответ пришел от Ингрид.

– Это началось еще до того, как я встретила Дженет. Жители того мира попадали к нам, наши – выпадали отсюда. Сначала мы думали, что это начало каких-то новых историй. Время от времени такое ведь случается – короли похищают девушек, матери убивают своих сыновей... Потом мы пытались понять, открываются эти двери в другие миры – или в преисподние. – Ее сопредельный акцент был резким и гортанным. Он приводил на ум черные силуэты айсбергов, свет ледяного белого солнца. – Прошел слух о некоем месте в лесах, где мир так истончился, что можно безболезненно пройти туда и обратно. Это место нашел один принц, четвертый сын из семи – его родители и младший брат были персонажами, а он – нет. Какое-то время он держал у прохода стражу, охранявшую его, но потом он сам и его люди были убиты Вересковым королем. Тогда дела пошли много хуже.

– Хуже – это как?

– Персонажи начали всю использовать эту дверь, когда им только удавалось ускользнуть из своих сказок. Им нравится развлекаться, творя злодеяния в твоём мире.

– А Алтея-то в чем была виновата?

– В «Историях Сопредельных земель», – горько сказала Дженет. – Она взяла часть материи, составляющей этот мир, и поместила ее в книгу. Книгу, которая была напечатана и разошлась по Земле. Люди читали истории, запоминали их, рассказывали и пересказывали друг другу, видели о них сны. Строились новые, шаткие и ненадежные мосты между мирами. Большинство их вело только в один конец – своего рода разрывы, сквозь которые люди, любившие эти истории, проходили сюда. Я никогда не понимала, почему дверь Верескового короля оказалась такой долговечной, но теперь я знаю: потому что она выводит в Ореховый лес Алтеи.

– Она старалась охранять ее, – сказала я, сама не зная, почему мне на ум пришло защищать Алтею. – Она думала, что если ей остаться в одном месте и затвориться там ото всех, это будет лучше, чем распространять двери по всему миру.

– Будь она и впрямь столь сознательной, ей следовало бы покончить с собой, – сухо сказала Дженет. – Среди беженцев есть дети лет десяти. Маленькие девочки, одержимые волшебными сказками – и нынче обреченные жить на их задворках.

– А Пряха Сюжетов не может что-нибудь сделать? Чтобы отправить их домой?

– Думаешь, она снова пойдет на такой риск? У нее хватает забот и с тем, чтобы исправить причиненный вред. Единственные, кого она сейчас посылает наружу, – это ее слуги, чья задача – очистить мир от зла Алтеи. Некоторые потеряшки так и находят путь назад: слуги выискивают экземпляры книги Алтеи и уничтожают их. Но намеренно или нет, Алтея сама

стала маленькой Пряхой. Я думаю, она не умеет это контролировать. Пусть даже все копии ее дурацкой книги сгорят дотла – она сама продолжит служить мостом.

– Я думаю, она хотела, – тихо сказала я. – В смысле, хотела покончить с собой. Вот почему она пыталась меня вернуть – пока я была вне досягаемости, она не могла... – Я резко остановилась, вспомнив, что именно этого им знать не нужно. Слова так и крутились у меня на языке и обожгли желудок, когда я наконец их проглотила.

– Пыталась тебя вернуть? Что значит – пыталась тебя *вернуть*? – Дженет сверлила меня взглядом, внимательным, как у терьера.

– Она... – я схватилась за живот. – Это не ваше дело!

– Нет, это именно мое дело. Отвечай, и боль прекратится: кто ты?

Боль в животе мгновенно угасла, когда я стянула с рук перчатки и положила ладони себе на колени. Они были страшные, бескровные, как у трупа, но притом чувствующие, гнущиеся, живые. Ингрид так ахнула, что мне даже стало смешно, и заслонила собой Дженет. А та просто смотрела на меня, как будто я была Рождеством и Четвертым июля в одном флаконе.

– Боже мой. Ты ничья не внучка, ты – возвратившийся блудный персонаж. Неудивительно, что она тебя сюда отправила!

– Вы знаете, кто я такая?

– Все до единого знают, кто ты такая. Ты немногим лучше Алтеи – тоже прожигаешь дыры в завесе, перемещаясь по тому миру, повсюду открывая вход чудовищам. Конечно, подолгу они не могут там находиться... Никто из персонажей не может, кроме тебя. – Глаза ее были удивительно живыми, казалось, я могу видеть сквозь их окошки, как работает ее мозг. Внезапно я представила ее двадцатипятилетней – красивой, стремительной, умеющей выжимать из людей информацию о дверях между мирами. – Трижды-Алиса, как ты это сделала?

– Я ничего не делала. Это все моя... Элла. Дочь Алтеи. Она забрала меня ребенком из Леса-на-Полпути, а потом просто жила со мной – постоянно в бегах. Мы то и дело переезжали – стоило нам задержаться где-то, начинали происходить всякие гадости. Что значит, как вы сказали – я прожигаю дыры?

– Элла Прозерпина. Я помню, что слышала о ней – еще до того, как она забрала тебя. Бедная девочка росла, проводя половину времени в Лесу-на-Полпути, между мирами, и была совсем дикаркой. Наверняка сейчас она наполовину сумасшедшая... – глаза Дженет расширились, когда она увидела выражение моего лица. – Ох, я идиотка. Столько лет прошло, должно быть, по возрасту она годится тебе в матери.

– Она и *есть* моя мать.

Думать об Элле было больно. Представлять ее хрупкую фигурку, всегда слишком тощую, ее утонченное лицо, угольно-черные волосы, унаследованные от покойного отца... Ее жизнь, разбитую на три осколка, два из них – тайна: разрозненные кусочки головоломки Орехового леса, опасные окраины Сопределья и бегство, которое само по себе было ловушкой – жизнь беженки на дорогах.

– Да. Конечно. Она не могла не стать тебе матерью, столько сделав для тебя. Забрав тебя отсюда и сохраняя в целости вдаль от Сопределья... Это потрясает. – Дженет отстраненно смотрела куда-то в пустоту. – Ты знаешь свою историю, Трижды-Алиса?

– Частично.

– Скачки возраста. Взросление прыжками. Оно и в том мире так происходило?

В бардачке нашей машины Элла хранила огнеупорную металлическую коробку с фотографиями. Я двухлетняя, с каменным напряженным лицом. Серьезная восьмилетняя, сердитая четырнадцатилетняя... Я на океанском пляже, я на велосипеде, я с пальцами в сахарном сиропе – приманиваю бабочку...

Я покачала головой.

– Нет, я просто росла и росла.

Дженет покусала ноготь, глядя внезапно лет на девятнадцать.

– Значит, она перенесла тебя в иное измерение времени и там удерживала. Возможно, дело в этом. – Она простерла свои руки над моими, почти касаясь моих ладоней. – Тэм, принеси нам чашу воды. Алиса, можно мне коснуться твоих рук?

Я кивнула, и она легко провела по ним пальцами от кистей. Наморщилась и отдернула руки. Когда Ингрид принесла воду в глубокой глиняной тарелке, Дженет попросила меня опустить пальцы в воду.

Я подчинилась. Ничего не произошло.

– Расскажи мне еще об Алтее, – попросила Дженет. – Ты говорила, что она отказалась участвовать в твоей жизни?

– Отказалась – это слишком сильно сказано. Я просто... никогда ее не видела.

– Гм... А этот юноша, о котором ты упоминала. Эллери Финч.

Я дернулась.

– При чем он тут?

– Его убили на твоих глазах, – холодно сказала Дженет. – И ты не спасла его. Могла ты его спасти?

Напиток все еще действовал внутри меня – и заставил мой язык выговорить слова раньше, чем я подумала, что ответить.

– Могла. Я ведь Трижды-Алиса, так? Думаю, что могла бы.

Мои слова заблестели в воздухе, как мошкара. Я прикрыла рот мокрой рукой.

– Извини, – сказала Дженет вполне искренне. – Это был дурацкий вопрос. К тому же «сыворотка правды» – не лучший способ что-то узнать. Она заставляет говорить вещи, в которых ты уверена, но совсем не обязательно они являются *правдой*...

Ее участие облекало меня, как дым.

– Не пытайтесь меня утешить. И хватит говорить со мной как с ребенком! – Мой голос прозвучал резко, и по воде, в которой еще оставалась моя правая рука, побежала корочка льда, быстро затвердевая по стенкам сосуда.

– Ч-черт! – я выдернула пальцы из воды, ободрав их о лед. Ингрид глядела на меня с неприкрытым благоговейным ужасом, как на святую покровительницу. Покровительницу прохладительных напитков, например.

– Черт, – повторила я. – И как мне теперь принимать душ?

– Думаю, это не самая большая твоя проблема, – Дженет отстраненно изучала меня взглядом. – Алиса, закатай рукава.

Я начала осторожно закатывать их – и тут же ускорила от ужаса, и в конце концов просто сорвала водолазку через голову.

Мои руки были мертвенно-белыми до самых плеч. Они походили на руки манекена, на глубоководных тварей, на что-то, что больше не принадлежало мне.

Я вспомнила, как шарахнулся от моего ледяного прикосновения Вересковый король. Что произойдет, когда лед поднимется еще выше? До моего горла? Проникнет внутрь, в легкие? У меня перехватило дыхание.

Дженет встала и зашла мне за спину, положив успокаивающую ладонь мне на шею, где моя кожа, надеюсь, еще выглядела как кожа.

– Не паникуй. От паники оно может распространяться быстрее.

– Пряха должна знать, что тут делать, – сказала Ингрид. Она стояла, почтительно сгорбившись; я боялась, что сейчас она возьмет и преклонит предо мной колени.

– Вполне возможно. Алиса, наутро ты отправишься к Пряхе.

– Это куда?

– Трудно сказать. Но если Пряха захочет говорить с тобой, ты ее встретишь.

Мне представился ужасный образ паучихи, сидящей посреди липкой паутины.

– Погодите, Пряха – она человек?

Дженет неопределенно помахала рукой в воздухе.

– Опять-таки трудно сказать.

– Извините, – я обращалась к Ингрид. Страх полностью изгнал из меня гнев, и я чувствовала смятение. – Простите, что принесла все это в ваш дом.

– Это добрый знак, – утешительно ответила Дженет. – Он означает, что твой рассудок еще принадлежит тебе.

Она погладила меня по спине и отошла. И сказала с нарочитой бодростью:

– Ну, довольно сказок на ночь. И сказочных персонажей тоже. Самое лучшее, что ты сейчас можешь сделать – это хорошенько поесть и постараться выспаться. И еще помыться. А то от тебя несет, как от протухшего сыра.

Я была не уверена, что в ней говорит сыворотка правды. Это была просто правда, без всякой сыворотки.

Той ночью мне снился Эллери Финч. Сперва живой, потом мертвый, и все время он отчаянно пытался мне что-то сказать. Но когда он открывал рот, оттуда вырывались только клубы красного дыма. Дважды-Убитая Катерина что-то шептала мне на ухо, зеленая земля Сопределья вздыбилась, приветствуя меня... Я проснулась, как от толчка, в изношенном спальном мешке, расстеленном перед очагом.

Первое, что я сделала, садясь в спальнике, – это стянула водолазку. Белизна слегка расползлась у меня по плечам, но шеи еще не затронула. Ее все еще можно было скрыть. Я осторожно встала, как будто от слишком быстрого движения белизна могла распространиться на грудь. Хотя довольно скоро она и так это сделает, независимо от того, насколько осторожно я двигаюсь... Я аккуратно прикоснулась двумя пальцами к груди – и почувствовала легкое обморожение сердца, как бывает во рту, когда глотишь слишком холодного.

В соседней комнате слышался дружеский разговор Дженет и Ингрид, звон посуды – они готовили завтрак и над чем-то смеялись. Когда я вошла, Ингрид тотчас вскочила и подала мне большую кружку с субстанцией, на вид напоминавшей кофе, а на запах и вкус – крупяную кашу. Она смотрела на меня настороженно, как будто я могла заморозить ей сердце в груди – или выплюнуть изо рта пару бриллиантов.

Инструкции Дженет по розыскам Пряхи были безнадежно туманными.

– Обозначь свое присутствие в этом мире, и Пряха сама тебя найдет, – сказала она. – Очень может быть, что Пряха уже о тебе знает.

Отсутствие всяких описаний Пряхи все еще внушало мне подозрения, что я отправляюсь навстречу худшему кошмару Рона Уизли¹³.

– Мне что, идти куда попало и кричать во все горло – «Я Алиса! Я вернулась!»?

– Не смей меня! – воскликнула Дженет, и Ингрид с ужасом глянула на меня, будто ожидая, что я обижусь. – Просто следуй своей интуиции, почувствуй этот мир. Неважно, где прошли многие годы твоей жизни, – ты его часть. Перестань думать о себе как о туристке.

Она дала мне чистую тунику взамен изорванной и пропотевшей водолазки, но с джинсами я расстаться отказалась. В них я чувствовала себя все еще человеком. Более *земной*. Когда наконец я покинула дом Дженет, благодарно обняв ее на прощание (что заставило Ингрид занервничать), обе женщины стояли в дверях, провожая меня, как родители, отправляющие ребенка в школу.

Я шла по направлению к лесу, чьи деревья шевелили ветвями в чистом утреннем свете и шептали листвою. Подойдя ближе, я различила в шепоте слова.

Не сюда. Не сюда.

Я резко остановилась. По моим членам растекалось сладкое чувство освобождения – что-то подобное, наверное, чувствуют по весне деревья, когда сок под корой отогревается и бежит быстрее. Сощурившись, я могла различить лица на коре – веселые, мудрые, приятные... Я моргнула, и видение пропало, но ощущение осталось. Следуя внутреннему компасу, я повернулась к лесу спиной и пошла обратно к домику, а потом – совсем в другую сторону.

Дом Дженет и Ингрид стоял среди обработанной земли; не знаю, какое это расстояние было в акрах, но чтобы пересечь это пространство, мне понадобилось минут десять. Все оно было усеяно огородами, был и фруктовый сад, и какие-то хозяйственные постройки, и длинные полосы луга, где паслись козы, глядевшие на меня своими продолговатыми зрачками. Мне казалось, что они могли бы поговорить со мной, если б захотели, – но, видно, им было нечего мне сказать.

Границу владений Дженет отмечала низкая белая ограда, за которой проходила земляная дорога. Я перепрыгнула оградку и повернула налево. Мимо меня проехала на велосипеде девочка в обрезанных шортах. Когда я обернулась посмотреть ей вслед, я увидела, что она тоже глядит на меня через плечо.

Вокруг дороги росли зеленые кусты. Я попробовала очистить разум и отдаться чувству направления, выведшему меня на дорогу, но это получалось с переменным успехом. Мне всегда из рук вон плохо давалась медитация, как бы часто Элла ни заставляла меня ее практиковать. Почувствовав запах соли в воздухе, я чуть было не последовала за ним – где-то совсем недалеко было волшебное море. Но сопредельная интуиция, проснувшаяся у меня внутри, отчетливо сказала, что мне туда не надо.

Один раз среди деревьев я увидела женщину, которая шла как во сне. Это была красавица в платье цвета крови. Ее полуприкрытые веками глаза скользнули по мне без малейшего интереса, однако она слегка кивнула мне головой. Это наполнило меня глупой тщеславной радостью. *Как будто один водитель за рулем «Тойоты Prius» кивает другому*, сказала я себе – но тут было что-то большее. Со вчерашнего дня кое-что изменилось: я перестала чувствовать себя чужой. Когда дорога внезапно начала спускаться, и мои ноги утонули в густой траве, усыпанной бело-розовыми соцветиями, мои глаза узнали и эту поляну, и эти цветы. Когда я наткнулась по пути на спящего мальчика в белом, прижимавшего к себе серебряное зеркало, я словно бы ожидала встретить его. Воздух вокруг него казался плотным от магии, мерцавшей над спящим, как мираж над раскаленным асфальтом.

¹³ Герой серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере, больше всего на свете боявшийся пауков.

Я миновала несколько домиков, зеленую палатку типа армейской для любой погоды и шалаш из цветущих ветвей. В шалаше сидели двое длинноволосых детей, которые проводили меня безнадежными взглядами. Я ускорила шаг, думая, что они наверняка персонажи, но, когда они пропали из вида, я уже не была в этом так уверена. Когда же я увидела таверну в тюдоровском стиле, стоявшую на поляне некошенной высокой травы, толком не знаю, любопытство или инстинкт заставили меня остановиться.

Судя по солнцу, еще не было и полудня, но в кабаке уже почти не осталось свободных мест. Когда я вошла внутрь, взглянуть на меня повернулось меньше половины голов.

Без малейших сомнений, это был бар беженцев. Посетители выглядели как небогатые туристы в холле европейского хостела вперемешку с участниками средневекового фестиваля. Я видела кеды-«конверсы», рюкзаки, домотканые юбки и голубые джинсы. Девушка в тунике вроде моей держала в руке старую модель раскладного мобильного, поглаживая его пальцем, как будто это было волшебное движение, призывавшее удачу.

Бармен, крупный мужчина в африканской рубашке и с впечатляющей бородой, насвистывал песню «Битлз», когда я протолкалась к барной стойке.

– Привет, – сказал он. – Что будем брать?

У него интересный акцент, подумала я. Французский. С налетом сопредельного.

– А что у вас есть?

Он окинул меня голодным взглядом.

– Новенькая, так? – голос у него был громкий, и я заметила пробуждение интереса к себе, пробежавшее волной по остальной публике. – Для тебя есть кофе, *настоящий* кофе, только если ты можешь заплатить.

Мои руки автоматически метнулись к совершенно пустым карманам.

– Не деньгами, – пояснил бармен. – Информацией.

– Информацией о чем? – осмотрительно спросила я.

Он поднял черную бровь и облокотился о стойку. Внешне он сам мог бы сойти за персонажа, но воздух вокруг него был обычным, жидким и прозрачным, и пах он исключительно пивом и потом.

– О мире, конечно. О нашем мире.

Руки у меня, по счастью, были в перчатках, а рукава – полностью раскатаны.

– Что бы вам хотелось узнать?

– Для начала – из какого ты года. Потом я предложу тебе любой напиток за счет заведения за каждую песню, написанную после 1972-го, которую ты сможешь исполнить от начала до конца. И любое блюдо из меню – за каждую песню, которую ты споешь мне под запись.

– Дай ей передохнуть, – из-под стойки вынырнула голова второго бармена – золотоволосой женщины, которая до того что-то убирала внизу, а теперь распрямилась. – Новое правило заведения: не докапываться до вновь прибывших до их вторичного появления в баре.

Барменша ободряюще мне улыбнулась. В традиционном немецком платье с облегающим лифом, подчеркивающим ее груди, и широкой юбкой она выглядела девушкой с этикетки пива «St. Pauli Girl».

– Первый напиток – за счет заведения, новенькая, – сказала она.

– Только не кофе, – заспорил бородач. – Кофе я храню для сделок.

– Как скажешь. Чай стодится? – не дожидаясь ответа, она развернулась и стала наполнять чашку. Чай оказался прозрачной жидкостью, зеленоватой, как газировка «Mountain Dew», пах сосновыми иголками – но в целом был приятен на вкус.

– Спасибо, – поблагодарила я, стараясь не пялиться на ее полуобнаженную грудь, приподнятую лифом. Второй бармен даже не старался и пялился в открытую, когда она перепрыгнула через стойку и начала собирать кружки и тарелки с шатких столиков. А потом обратился ко мне:

– Нет, я серьезно. Какой там год?

Я сказала, и у него отвисла челюсть.

– Ого, – храбро сказал он. – Неслабо. У тебя есть с собой какие-нибудь книжки?

Барменша расслышала его и закатила глаза, исчезая за задней дверью со стопкой посуды.

Я пересказала ему сюжет «Гарри Поттера». А потом – «Золотой компас». Он влил в меня, одну за другой, три кружки маслянистого желтого пива с привкусом киви, и я кое-как напела ему на магнитофон пару-тройку песен: «Smells Like Teen Spirit», «Landslide», «Billie Jean». Магнитофон, собранный из подручного хлама, выглядел так, будто принадлежал еще Александру Грэму Беллу – хитроумное устройство с хаотическим переплетением трубок, торчащими наружу проволочками и тощей иглой на ручке, при записи царапающей по дощечке из мягкого металла.

Бородач наблюдал, как я слежу за процессом.

– Представления не имею, как оно работает, – признался он и открыл устройство, показывая мне, что оно внутри совершенно пустое. – По всему не должно бы.

К тому времени вокруг нас уже собралась небольшая толпа, включавшая в себя женщину с бронзовой кожей и полусонным лицом, как будто ее только что подняли с постели. Я немедленно опознала в ней бывшего персонажа. Ее сопровождал мальчик лет пятнадцати в стильных очках в пластиковой оправе. Старик в винтажном костюме кружка за кружкой наливался здешним ярко-зеленым чаем и внимательно слушал меня, сияя улыбкой цвета пергамента. Были здесь и двое босых неформалов, которые как будто ввалились сюда напрямик с фестиваля «Burning Man» – они здорово меня раздражали. На лицах их застыло одинаковое выражение нирваны, но белки их глаз были налиты кровью. Может, флора здесь и отличалась от земной, но в любом случае поблизости росло что-то, чем можно обкуриться.

Люди входили и выходили, бармен – его звали Ален, и я ошиблась с национальностью, он был швейцарец – принес мне лепешку и мясное рагу с приправой, которая обжигала горло. Тени вокруг таверны изрядно удлинились, когда наконец он вздохнул и подобрал с пола кожаную суму.

– Мне пора, – сказал он. – Ты где сегодня ночуешь – снова у Дженет? – Я ведь сказала ему, откуда пришла, хотя не объяснила, куда направляюсь. Похоже, Дженет была известна и ему, и всем остальным здесь.

Я неопределенно пожала плечами и пошла в глубь бара, повинаясь новой интуиции, которая меня сюда привела. Она снова проснулась, на время усыпленная ликером и разговорами. Я не снимала перчаток и поэтому почти забыла, что я – не одна из этих людей. Но на самом деле они не были моим народом. Это было не мое Сопределье – до того, как я найду способ стать бывшим персонажем.

А вдруг я не найду способа?

Я могла бы остаться как есть. Призрак этой мысли обитал в той части моего разума, которая вошла в Сопредельные земли легко, как вилка в розетку. Она приносила страх – но под биением страха было и еще кое-что: жажда наконец сдаться и принять себя. После жизни в бегах, после постоянного бегства... Больше не нужно будет медитировать, считать до десяти, цепляться за руки Эллы в попытках удержаться на плаву в океане гнева.

Я могла бы, подумала я. Если только откажусь верить, что где-то там меня ждет Элла.

Но если я откажусь от этой веры, я утону.

Когда ушел Ален, белокурая барменша обошла столы, ставя на них приземистые свечи, как в бруклинском ресторане, готовясь ко времени ужина. Но, наблюдая за ней, я поняла, что она делает что-то еще. Что-то происходило с ее руками – странная игра света. Передвигаясь по залу и расставляя свечи, она рисовала в воздухе сложные узоры, будто писала слова, или

ткала, или играла в «веревочку». Один за другим люди стали подниматься из-за столиков и молча покидать помещение, оставляя деньги, забирая свои вещи и выходя наружу, в ночь.

Когда ушел последний посетитель, она вздохнула и вынула заколку из волос, массируя кожу головы, когда волосы рассыпались по плечам. Они были длинными и прекрасными, как у принцессы – мои сейчас могли быть такими же, если бы я дала им вырасти.

Женщина уселась на табуретку напротив меня и тронула указательным пальцем мою затянутую в перчатку кисть.

– Привет, Трижды-Алиса.

У нее был низкий грудной голос, и даже сквозь перчатку ее прикосновение до кончиков пальцев обожгло меня бледным огнем.

Я сняла перчатки, до хруста вытягивая пальцы.

– Наверное, вас я и искала.

Она рассмеялась.

– Я искала тебя куда дольше.

Теперь, когда она больше не притворялась барменшей, я по-настоящему *увидела* ее. Почувствовала ее как сгусток энергии – настолько неукротимой, что воздух вокруг нее искажался. Глаза ее, предельно сфокусированные, были совсем близко от моих – два огромных голубых сосуда, поглощавших свет. Я не позволила себе отвести взгляд.

– Что вы сделали, чтобы они все ушли? Это была магия?

– Нет, нечто не настолько непредсказуемое. Я просто... слегка подправила сюжет. Сделала так, что у каждого появились свои причины уйти.

– Значит, вы управляете всеми здешними? Не только персонажами?

Пряха Сюжетов оперлась на локти и пододвинула к себе пинту чего-то пенистого.

– Мне не приходится никем управлять, и менее всего – персонажами. Когда я выпускаю их в мир, это все равно что завести часы. Они действуют сами собой, автономный двигатель. – Она сухо взглянула на меня. – Ну, практически всегда. Чем я занимаюсь – это слежу, чтобы нити историй не путались, королевства оставались отделенными друг от друга, у каждого сюжета было достаточно места для развития. Но *ты*, – он направила на меня палец, как пистолет, и я на миг задумалась, есть ли в Сопределье пистолеты, – механизм, который дал сбой. С моей стороны слишком наивно надеяться, что ты вернулась завершить свою историю?

Это же *она*, о которой говорила Алтея, вдруг догадалась я. Та, кто не позволяла Алтее умереть и горько сожалела, отпустив ее однажды. Дважды одну и ту же ошибку она совершить не могла.

– А я могу? В смысле, могу завершить историю? Если это все, что вам нужно, чтобы потом меня отпустить, – я это сделаю.

Я сама не знала, что именно обещаю, что это может значить, но ее слова подразумевали некое конечное действие. Как будто я могла заключить сделку.

Пряха смерила меня взглядом – оценивающим и деловым, словно я была отрезом ткани или кофейной чашкой. Это выражение промелькнуло на долю секунды – и снова сменилось мягкой приязнью.

Нельзя ей доверять. Хотя это и так было ясно.

– Когда ты завершаешь историю, – терпеливо объяснила Пряха, – она начинается с начала. Пока я не перестану ее рассказывать. А пока истории рассказываются, они создают энергию, которая движет этим миром. Они держат звезды на небосводе. Они заставляют траву расти.

– Вы сами – тоже персонаж? Или бывший персонаж?

– Я не отсюда. Впрочем, и не оттуда, – добавила она раньше, чем я успела спросить.

Значит, она из какого-то третьего места. Эта мысль краешком задела мой разум. Мне представилась вселенная, полная миров, плавающих в неизмеримо громадном пространстве –

как чечевичные зерна, рассыпанные по золе. Это зрелище дышало таким одиночеством, что сердце мое сжалось от боли.

– Вы собираетесь отпустить меня домой? – прошептала я.

– Ох, Алиса, – сожаление в ее голосе казалось реальным. – Взгляни на себя. Взгляни на свои руки. Скоро это доберется и до твоего мозга, знаешь ли. И до твоего сердца. Твоего возвращения очень долго ждали – король, королева и прочие. А стазис, говорят, куда хуже, чем жизнь в сюжете. – Она рассмеялась, как будто забавно пошутила.

– Вы сказали, что истории работают, пока вы их рассказываете, – отчаянно заговорила я. – Значит, наверное, вы могли бы принять решение? Просто перестать рассказывать мою – и отпустить меня?

– Что из виденного тобой в Сопределье навело тебя на мысль, что я *добра*? – она отпила половину своего пива длинным глотком и наклонилась вперед. – Однажды я оказала милость одной женщине, тоже в своем роде Пряхе – я питаю слабость к своим коллегам – и посмотри, куда это меня привело. Правила существуют не просто так. Но. *Но!* – она подняла указательный палец. – Закончить свою историю навсегда ты не можешь, но можешь ее изменить. Технически говоря, можешь. Тебе по силам выбрать другое окончание и расшатать сказку изнутри. Если ты не замкнешь круг, не дашь истории правильный конец, она может отпустить тебя. В теории.

– Я могу это сделать, – быстро сказала я. – Я это сделаю. Если у меня получится, я отправлюсь домой?

Она подперла подбородок ладонью, созерцая меня с живым интересом, как подопытную сложного эксперимента.

– Это очень большое *если*. Но да, возможно, ты отправишься домой. Если выберешь именно такой новый конец.

– Как это сделать? Когда мне начать?

– А когда начинаются все сказки? *Давным-давно на белом свете*. Вот оттуда и... начинай.

Еще одна мысль испугала меня: Финч ведь так и не успел рассказать мне мою историю до конца.

– А что, если я не знаю, какой там конец? В смысле, у сказки «Трижды-Алиса»?

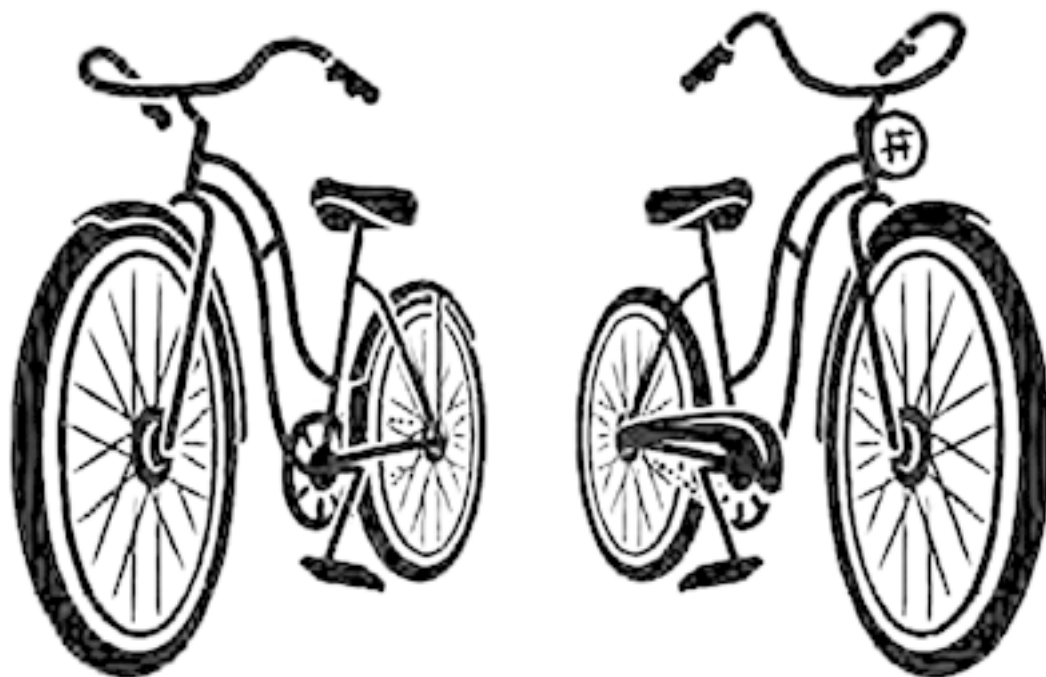
– Возможно, это повышает твои шансы на успех. Еще более вероятно, что правильный конец сам тебя найдет. И тогда ты просто начнешь сначала. Но даже если у тебя все получится, и ты оставишь этот мир позади, помни – время в нем работает иначе, чем ты думаешь. Нет никаких гарантий, что ты узнаешь мир, в который так стремишься вернуться.

Я содрогнулась при мысли о мире летающих машин и роботов-политиков, мире, в котором Элла давно умерла, а сама я стала реликтом из прошлого, известного только по книгам.

– Но ведь есть шанс, что мне удастся вернуться в свое время? – жалобно спросила я. – Хотя бы маленький?

Пряха взглянула на меня, будто уже зная окончание моей истории – причем разные ее варианты, – но при этом ей явно любопытно было посмотреть, как все будет разворачиваться. Она одним длинным глотком допила свой напиток и встала.

– Идем со мной.

Я пошла за ней, оставив перчатки на барной стойке. И не разглядывая себя, я знала, что лед распространяется все дальше, чувствуя холодное покалывание на шее.

Пряха вывела меня через заднюю дверь. Я думала, что за ней окажется служебное помещение, как было в «Соленой собаке», – вешалки, коробки, заваленный вещами стол.

Но дверь открылась непосредственно на мощенную булыжником улицу. Она была пустая, освещенная яркой луной, висевшей над крышами. Через дорогу виднелась витрина магазина, в которой горели свечи; в их свете выставленные там игрушки словно бы мерцали и шевелились. Там были марионетки, и маленькие инструменты, и озеро из голубого металла, прочерченное дугами коньков крохотных жестяных конькобежцев. Маски, обручи, ярмарочная кукла в старинных кружевах, с лицом из полированного дерева... В центре витрины стоял игрушечный замок, похожий на свадебный торт. Я различила движение в его крохотных окнах и сделала было шаг вперед – но Пряха преградила мне дорогу рукой.

– Не слишком-то восторгайся. Это не твоя история.

За освещенной витриной в темноте шевельнулась непонятная фигура – слишком худая и длинная, чтобы быть человеческой. Я поспешно отвернулась и поспешила за Пряхой.

К стене таверны были прислонены два велосипеда. Она забралась на один, а я взяла второй – огромную антикварную тварь, чертовски тяжелую, с полуспущенными шинами.

– Езжай тихо, – прошептала Пряха, – и ни во что не вмешивайся.

Это было полезное предостережение. Деревня, сквозь которую мы ехали, спала, но в ней встречалось немало бодрствующих существ.

Мы проехали мимо дома, слишком сильно выпиравшего на дорогу, будто он перерос свой участок. По его карнизам, словно сгустки тумана, ходили три женщины, поднимаясь на цыпочки, чтобы поскрести ногтями в стекла. Одна из них оглянулась на меня – глаза ее были как бледные стеклянные шарики, и я сильнее налегла на педали. Еще через несколько улиц я заметила маленькую фигурку в ночной рубашке, лежавшую на самом краю крыши и тянувшую

руки к луне. Одна ее нога свисала с края, покачиваясь в воздухе. Я видела ее не дольше секунды – но мне показалось, что это могла быть Ханса.

На краю деревни стоял самый большой и красивый дом, окруженный широким, освещенным факелами садом. По саду, обхватив руками голову, расхаживал туда-сюда юноша и говорил с кем-то невидимым. Возле него я различила слабое колебание воздуха – еще чуть-чуть, и рассмотрела бы, с кем или с чем он говорит, но мы быстро проехали мимо, в темноту.

На выезде из селения дорога блестела красной мокрой глиной. Луна отражалась от нее под странными углами, пуская пучки лучей мне прямо в глаза.

– Не съезжай с дороги, что бы ты ни увидела в лесу, – предупредила Пряха.

Голос ее изменился. Она оставалась едущей передо мной фигурой на голубом велосипеде, но звук ее речи стал низким и грубым, и сама она вроде бы увеличилась в размерах.

Она оглянулась на меня через плечо и улыбнулась – белые зубы блеснули на рубленом незнакомом лице.

– По лесам лучше не ездить в облике трактирной служанки. Слишком большое искушение для некоторых особенно тупых персонажей.

Я не спускала глаз с ее спины, ожидая новых изменений, но меня отвлекали леса по сторонам. Почуввав Пряху, деревья немедленно пробудились. Они расправляли ветви, наполняя воздух густым смоляным запахом своего дыхания. Он проникал мне в ноздри и под кожу, дразня и заставляя задаваться вопросом, зачем я еду сквозь сказочный лес вслед за этой незнакомкой.

Ради Эллы, напомнила я себе. Чтобы закончить свою историю.

Но Элла сейчас казалась дальше всего на свете.

Дорога изменилась – теперь она была вымощена белым камнем и стала узкой, извиваясь светлой лентой меж кипящими кронами деревьев. Я была мокрой от пота, кожу облепили листья, которые падали с веток – и немедленно высыхали. На Пряху не упало ни единого листа.

Из чащи послышалось внезапное биение метронома, которое наполнило мою грудь, как стук сердца, и нарушило ритм моего дыхания.

– Что это?

Пряха резко затормозила, съезжая на обочину. Я остановилась рядом, глядя на ее профиль. Синие глаза оставались теми же, но черты были грубыми и тяжелыми.

– Не смотри на меня, смотри на дорогу.

По дороге из белых камней, занимая ее во всю ширину, навстречу нам двигалась кавалькада. Спереди и сзади – эскорт из мужчин в военной форме на черных конях. Между ними две лошади несли паланкин. Я поморщилась при виде того, как они задыхаются под его тяжестью, а потом ахнула, рассмотрев, что у паланкина внутри.

Там ехала женщина – настолько прекрасная, что это казалось обманом зрения. Голова ее была гладко обрита, на одежде – никаких украшений, так что ничего не отвлекало и не спасало смотрящего от ее лица. Я видела его под одним углом, потом под другим, и оно слегка менялось, как голограмма. Лед медленно поднялся по моему горлу.

Я не могла дышать, а тиканье метронома сводило меня с ума. Оно исходило от женщины в паланкине. Женщины в белом платье невесты, тикающей, как часы. Ее прекрасная лысая голова медленно – за двенадцать ударов метронома – повернулась, и она взглянула на меня.

Пряха встала между нами и положила мне на горло теплые руки. Под ее касанием лед отступил, и я снова смогла дышать.

– Пока еще нет, Трижды-Алиса, – прошептала Пряха.

Я со свистом втянула ледяной воздух. *Пока еще нет?*

Когда Пряха отпустила меня, кавалькада уже прошла мимо.

– Пока еще нет? – повторила я. – Что значит – *пока*?

– Это значит, что единственный путь наружу проходит сквозь лес, сквозь историю, сквозь боль. Или ты думала получить то, что хочешь, *задаром*?

Я сумела сдержаться.

– Вы хотя бы можете сказать, куда мы едем?

– Я уже сказала. На белый свет, в давным-давно.

Я снова ступила на белые камни свободной дороги, выкатывая с обочины свой тяжеленный велосипед.

– Что это вообще... и почему на велосипедах? Разве лошади не быстрее?

– Лошади непредсказуемы, – сообщила Пряха. – Даже для меня. Они всякий раз норовят завезти в историю. – Она развернулась, устремив на меня палец; лицо ее было раздраженным и снова совершенно человеческим. – *Никогда* не доверяй Сопредельной лошади.

Мы покатали дальше. Ноги у меня устали, потом онемели, потом устали еще сильнее, пока мы крутили педали по ровному пространству, которому не было конца. Один раз я заметила смотрящее на меня лицо меж ветвей. Только что оно было здесь – и тут же исчезло, и глаза у него были такими грустными и чувствительными, что мне понадобилось время, чтобы осознать, что это был не человек, а медведь. Стоявший на задних лапах и наблюдавший за дорогой.

В самое темное время ночи, когда луна истончилась, завеса деревьев перед нами расступилась, открывая озеро. Вода его была как зеркало, и плотная, как ртуть, неподвижно лежавшая меж берегами. Там и тут что-то сверкало под его поверхностью, оставляя шлейфы зеленых и пурпурных искр, или мелькало белое пятно, похожее на человеческую рубашку – или на массу плавников. Бледные ладони существа были развернуты наружу и почти касались поверхности, как корки льда. Холод в моем теле протек ниже, охватывая бедра, наливая тяжестью живот. Коленные суставы теперь хрустели при каждом нажатии на педали. Наконец водная гладь кончилась и снова начались деревья – теперь покрытые черными блестящими цветами.

Незадолго до рассвета я услышала треск факелов среди стволов и почуяла запах дыма. Потом появилась музыка – дикая и грустная, ускользавшая, как гаснущий сон, всякий раз, когда я пыталась как следует ее расслышать. Я замедлила ход, чтобы ухватить мелодию и понять, что это за инструмент.

Нет – не инструмент, а голос. Голос, прибывающий и убывающий, как прибой, даже деревья заставляющий умолкнуть. Я запрокинула голову, чтобы увидеть небо.

И тут рядом появилась Пряха, которая, вытаращив глаза, во весь голос запела «Yellow Submarine» и сильно хлопнула меня по спине.

– Вперед! – кричала она между строчек. – Где твоя родовая гордость? Ты не какая-нибудь дура-беженка, ты Трижды-Алиса!

Я ехала за ней, борясь с гневом, который пульсировал у меня в голове. Когда мы отъехали достаточно далеко, я наконец почувствовала, как выветривается опьянение музыкой, после которого остался легкий озноб.

В конце ночи мы доехали до края леса, острого, как нож. Дорога из узкой ленты превратилась в широкую белую полосу. Луна сошла на нет, и из-за горизонта выкатилось солнце, но на один сияющий момент оба светила встретились в небесах, породив фейерверк света, наполнивший меня беспричинной радостью.

Пока Пряха не повернула к замку.

Дом.

Это слово всплыло из позабытого тайника внутри меня – там же хранилось имя Верескового короля, оттуда исходило узнавание контуров этого мира, подобно тому, как я ощущала очертания собственного тела в темноте.

Замок выглядел как брошенная ребенком игрушка. Дорога обтекала его кругом, как река – остров, и он выросал посреди дороги, созданный из того же белого камня. Он весь порос башнями, был испещрен мутными окнами и кое-где сохранял остатки скальной породы. Посреди вздымалась узкая башня с горизонтальными бойницами. Все строение было окутано пеленой тумана – дышащим коконом вечной непогоды.

Я тяжело спешила, чувствуя во рту привкус желчи.

– Я туда не пойду.

Пряха расхохоталась, и я шарахнулась от нее. Она снова изменилась. Теперь ее лицо округлилось, волосы стали даже короче моих. Одета она была в рыцарские доспехи.

– И все же, – сказала она, держа руку на рукояти короткого меча, – пути наружу нет, если прежде не войти вовнутрь. Войти в давным-давно, Трижды-Алиса.

Ее последние слова породили эхо, долгий отзвук. Будто призванный скрыть их настоящее назначение.

Не доверяй ей. Но сердце мое замедляло ход, и разум не находил спасительной лазейки.

Туман клубился и вращался сам в себе, двигаясь, как пар над горячим чаем. Вокруг меня собиралась черная тень, аура головной боли, сужающаяся конусом в направлении шипастого силуэта замка. Мы катили велосипеды рядом с собой, приближаясь к нему, и в какой-то момент я перестала умолять, сама того не заметив. Мой разум был на удивление пуст.

Заднее колесо велосипеда Пряхи тихо стрекотало на ходу, будто ему что-то мешало. Я нагнулась и увидела игральную карту на его спицах.

С карты на меня глянуло лицо Дважды-Убитой Катерины – два ее лица, зеркально повернутых друг к другу, образ карточной дамы. На верхней половине она выглядела только что наевшейся и яркой, на нижней – иссохшей, со скунсовой седой полоской в волосах.

Пряха сорвала карту и разорвала ее надвое.

– Беженцы, – пробормотала она сквозь зубы. – Со своими идиотскими шуточками.

При виде жестокого лица Катерины я пришла в себя. Тень вокруг меня стала прозрачной, и я смогла разглядеть пятна оранжевого рассветного света на белом камне, высокие деревья одичавшего сада вокруг замка. И собственные руки, торчавшие из рукавов туники, как конечности ледяного пугала.

– Элла, – прошептала я. – Мама.

Пряха взглянула на меня в пол-оборота.

– В сказку идешь только ты, остальным нечего там делать, – сказала она. – Прямо сейчас ты должна избавиться от другой своей жизни, иначе ее запах учуют у тебя на коже. – Она растянула губы в улыбке, которая должна была казаться ласковой, но плечи мои сами собой расправились, готовясь к обороне. – Они будут ревновать. Самый быстрый способ покончить с делом – это его начать, а такое начало тебе не очень-то поможет, верно?

Меня покорило от ее снисходительного тона. *Самый быстрый способ покончить с делом* – как будто она правда верит, что у меня это получится. Но она ведь не верит. Никогда не верила. Не за этим она привела меня сюда.

Она была тюремщицей, возвращавшей беглянку обратно в камеру, а я ей это позволила. Повелась на идиотскую приманку – будто где-то внутри спрятан ключ.

По мере нашего приближения замок все вырастал, а я чувствовала, что уменьшаюсь с каждым шагом. Башни заострились, но все остальное, наоборот, сглаживалось и тускнело: запах зелени, цветочной пыли и дождя, дымный привкус утра. Пение птиц и ветра стало тихим и прерывистым, как будто я слышала его сквозь плохие наушники, и вовсе оборвалось, когда мы ступили на замковый двор.

Я глубоко вдохнула воздух, желая ощутить его вкус на языке – но вкуса не было. Замок был мертв.

– Он не мертв, – сказала Пряха. – Он просто остановился. Механизм застопорился без шестеренки.

Я всполошилась.

– Как вы...

Она не дала мне договорить, нетерпеливо качая головой.

– Раньше начнешь – раньше закончишь.

У механической невесты в паланкине были глаза Пряхи, осознала я. Если Пряха создала здесь все, могла ли она создать некоторых из нас по своему образу и подобию? Она умела менять лица, но от своих глаз избавиться не могла.

Я на миг закрыла глаза и увидела свою руку, открывающую ворота «Орехового леса». И свою руку здесь и сейчас, толкающую высокие каменные двери замка.

Первым, что я услышала, была музыка. Лихорадочный и нестройный фрагмент на две ноты, все повторявшийся и повторявшийся по кругу. Мы вошли в чертог, высокий и широкий, как спортзал, позолоченные украшения по его углам сглаживались какими-то темными волокнистыми пятнами, в которых я опознала птичьи гнезда. П-образный стол в центре зала был заполнен людьми. Жующими, смеющимися, шепчущимися друг с другом, разрезающими куски мяса на блюдах... Выделялся и источник кошмарной музыки: кудрявый парень в грязно-зеленой одежде, игравший на скрипочке. Вернее, яростно пиливший смычком туда-сюда – конвульсивным движением, которое, казалось, причиняло ему боль.

Я замерла, и Пряха подтолкнула меня в спину.

– Не бойся. Страшнее нас в этом замке ничего нет.

Так что я начала пробираться вперед, будто двигаясь сквозь толщу воды и каждую секунду ожидая, что скрипач сейчас обернется и прекратит свою ужасную игру. Но он меня не замечал. Как и никто из гостей за столом не обратил внимания на нас – на Пряху в доспехах и на меня в джинсах. Неправильность движений людей страшно царапала взгляд – и тут в едином жутком озарении я поняла, что происходит.

Их *заело*. Всех до единого. Они двигались, как бабочки, насаженные на булавку, повторяя раз за разом свои последние содрогания на свободе.

Мучительные звуки, издаваемые скрипкой, состояли из пары повторяющихся нот. Женщина в тяжелом нарядном головном уборе поднимала нож к губам и снова опускала его, и опять поднимала, и опять, и опять. Мужчина, запрокинувший голову от смеха, бесконечно издавал один и тот же смешок, хрипло выходявший из сухого горла, которое, должно быть, было изодрано в кровь. Я медленно обошла музыканта и зашла спереди, чтобы взглянуть ему в лицо. Голова его была опущена над инструментом, темные кудри заслоняли лицо завесой, но все же я смогла встретить взгляд его глаз, вытараченных и полных сплошным темно-синим страданием.

Это сделала я. Мой уход сделал это с ними. Я оторвала взгляд от глаз скрипача, как присохший кусок ткани. Но теперь я увидела все эти глаза – все взгляды в зале были устремлены на меня, как прожектора. Десятки движущихся островков страдания, ужаса и мольбы, пока эти люди ели, болтали, смеялись, и повторяющийся рокот их голосов заполнял воздух под взвизги скрипки, как бормотание больных в сумасшедшем доме.

Пол начал уходить у меня из-под ног, и Пряха заставила меня встряхнуться, слегка усмехаясь.

– Не обращай на них внимания, – буркнула она. – Семнадцать лет твоего отсутствия они как-то продержались, продержатся и еще пару минут.

Семнадцать лет. Семнадцать лет этого кошмара. Вот теперь меня радовало, что время здесь идет иначе – может, ими оно ощущалось быстрее, как время, проходящее во сне.

Я сбросила с плеча руку Пряхи.

– Вы могли им помочь, – прошипела я. – Вы могли их, в конце концов... усыпить, например.

– Никто не может починить сломанный механизм, если нет запчастей, – ответила та, уводя меня в коридор, где между плит на полу пророснул тростник. Он тихо шуршал, когда по дороге у нас из-под ног прыскали какие-то мелкие зверюшки.

Стены коридора были увешаны гобеленами, вызывавшими мысли о непрочитанных историях: девушка ждет на причале у края подземного озера, на воде качается пустая лодка... Женщина со стеклянным лицом танцует с кавалером, глаз которого не видно... Маленькая девочка, которую я узнала, замерла на носу корабля...

В темном углу спиной к нам стоял мужчина, державшийся обеими руками за пояс – навеки пойманный за расстегиванием штанов. В кухне, жаркой, как преисподняя, три женщины с пылающими красными лицами производили ужасную какофонию повторяющихся звуков – стук мешающей ложки, шлепки теста, зловещий скрежет ножа о точильный камень.

В середине комнаты, полной инструментов, девочка щипала струны арфы под бдительным взглядом женщины, бесконечно прихлебывавшей чай из чашки. В другом темном коридоре к стене жалась служанка с мокрым от слез лицом и вздрагивала от давнего плача.

В центре замка обнаружился идеально круглый внутренний двор, где на двигавшиеся в вечном танце фигурки падали хлопья снега: один мальчишка замахивался снежком, другой бесконечно поскользнулся и упал на обледелый камень. Застывший крик радости, когда снежок поражал цель, повторялся и повторялся воплем умирающего животного.

Я знала, что меня к чему-то толкают, куда-то ведут – не только Пряха, но и внутренний компас, скрытый у меня в груди и направлявший меня к сердцу замка, к подножию винтовой каменной лестницы.

– Почти пришли, – выдохнула Пряха.

Единственный путь наружу проходит сквозь. Я начала подниматься по ступеням. Мы шли выше и выше, мимо лестничных пролетов, гобеленов и людей, застрявших в коротких повторяющихся циклах движений: малыш плакал, укушенный кошкой за палец, кошка вздыбила спину, готовясь напасть... Парень и девушка шевелились в непрекращающемся поцелуе на пустой площадке лестницы...

Лестница совсем сузилась на последнем витке, который вывел нас в комнату, открывавшуюся взгляду постепенно, пока мы поднимались. Холодный камин у стены, покрытые гусиной кожей ноги женщины из-под подоткнутой юбки. Каменная стена, не смягченная гобеленами, кровать – и лежащая на ней вторая женщина, с длинными рассыпанными волосами.

В комнате был полумрак. Здесь пахло сгоревшими спичками и дыханием обеих женщин – у той, что лежала на кровати, лицо было творожно-бледным, живот вздымался, как гора, а руки сжались в яростные кулаки. Стакатто ее дыхания заполняло всю комнату – магия захватила ее

на волне родовых мук. Повитуха с пустым лицом склонилась над ней, издавая звуки, которые, очевидно, были призваны успокоить роженицу.

Мои ноги стали такими тяжелыми, что я с трудом поднимала их со ступеньки на ступеньку, пока не добралась до лестничной площадки. Я знала, что, если закатаю штанины джинсов, увижу там побелевшую кожу.

– Когда тебя выдернули из истории, все они вернулись к исходным местам, – сказала Пряха. – И там, в самом начале, ждали тебя.

Глаза ее скользнули по двум женщинам, как по предметам мебели. Потом – по мне. Она долго, медленно выдохнула, лицо ее менялось с каждым миготом, не давая себя запомнить.

Пряха закатала рукава – у нее снова были рукава, а не латные наручи – и открыла рот.

– Зачем вы меня создали? – спросила я раньше, чем она успела заговорить. Я чувствовала себя осужденной, стоявшей под виселицей, с петлей вокруг шеи – и при этом задавала вопросы о природе божества. – Почему я такая? Смогу ли я вправду закончить свою историю? Вы собирались когда-нибудь меня отпустить?

– Отпустить? – голос ее был как вымазанное медом лезвие бритвы. – Отпустить *куда*? Вот твоё предназначение, начало твоей сказки. Для этого ты и создана.

– Значит, вы солгали. И я на самом деле не могу ничего изменить.

Она улыбнулась – нежной улыбкой, из-за которой по моим жилам разлился острый страх.

– Ты и не захочешь, Алиса. Неужели ты еще не поняла? Вы, персонажи, совершенны. Ваши истории – целые миры. Я создала мир ради тебя, и в нем тебя ждет то, чего никто не может добиться: жизнь, и снова жизнь, и снова жизнь. Все будет происходить как должно, неизбежно, как именно оно должно. Я так устроила.

– Но что это за жизнь? – прошептала я.

Тень жалости и снисходительности пробежала по ее лицу.

– Ты уже прожила больше, чем многие. Ты так ярко горюшь, Трижды-Алиса. В тебе столько гнева и столько льда. Ради кого попало сказка не стала бы столько ждать.

– Но я буду еще и умирать. Таков конец моей сказки, разве нет?

– Ах, вот что тебя беспокоит? Умирать вовсе не страшно, Трижды-Алиса. Ты уже делала это много раз.

Я повернулась обратно к лестнице. Я знала, что далеко мне не уйти – ноги были тяжелыми, как бревна, дыхание вырывалось изо рта белыми облачками. Но я хотела совершить последнее действие свободного человека, которым Элла могла бы гордиться. Элла, которая купила мою свободу семнадцатью годами в бегах – и все для того, чтобы в конце концов я проиграла.

Я не ошиблась – далеко уйти мне не удалось. Стоило мне развернуться, как Пряха рывком вернула меня назад. Она коснулась моей щеки – и из-под моей кожи навстречу ее касанию всплыл лед, прокатываясь по мне волнами.

Не должно было быть больно. Если я всего-навсего персонаж, лед, запечатавший мне горло, не должен был гореть огнем, боль утраты дыхания не должна была казаться бесконечной, а ужас, охвативший меня плотно, как кожа, не должен был вонять, как кровь загнанной дичи. Боль была так огромна, что вытеснила рассудок. Я не могла даже стонать.

Голос Пряхи заговорил мне в ухо:

– Алиса родилась с глазами черными-черными, без белков.

Я ослепла. Мое тело сложилось внутрь себя самого, как подзорная труба, и я утратила ощущение своих членов, вдруг оказавшись бестелесной – сплошным отчаянным вскриком темноты и холода, и средоточием гнева, который должен был сжечь меня в пепел.

Я взорвалась внутрь себя, не имея рта, чтобы кричать, мой разум расплавился, как пластмасса в огне, и последняя моя мысль была о безумных голубых глазах Пряхи, прожигающих насквозь стекло моего тающего сознания. Потом я стала ничем, и была тьма.

Тьма была глубокой и колеблющейся. Она расходилась от краев моего Я. Все вокруг было – эхо и пульсация, плавание в невесомости, сон и пробуждение, и отдаленный голод. Что-то выжидало в моем крохотном сердце: готовность. Далекий гнев. Я всасывала его, как сладкую воду. А потом был толчок, потрясший все мое существо, и бархатная тьма прорвалась посередине. Вне ее был холод и ужас, и ослепительный белый свет.

Первым, что я увидела, было лицо – красные щеки и водянистые глаза. Лицо не моей матери. Я жила у нее под сердцем, быстрым и беспокойным, слишком долго, чтобы не знать, что это лицо относилось к другому сердцу. Водянистые глаза смотрели на меня, в них отражался страх и что-то еще – удовлетворение. Хотя слов для этих явлений у меня еще не было. Две грубые руки подхватили меня и развернули.

Следующее лицо, которое я увидела, выйдя наружу изнутри, соответствовало биению сердца, под которым я росла девять месяцев. Широкий рот, мокрые пряди светлых волос. Глаза – жарко-карие, как влажный мех. Женщина сжимала руками окровавленные простыни. Она взглянула на меня – и отвернулась. Моя мать.

Но это слово всколыхнуло какой-то другой образ в моих новорожденных мозгах. Мама. Я увидела другое лицо – молодое, с непослушными черными волосами, увидела руки с длинными гибкими пальцами. Она переплетала пальцы с моими и говорила, успокаивая пульсацию гнева у меня в висках. *Считай до десяти, Алиса.*

Щупальца сказки потянулись снизу вверх и обхватили меня, как лианы плюща, обрушивающие башню. И я все забыла.

После этого стало очень легко отдаться на волю сказки, дать ей происходить со мной. Я была принцессой. Я жила в замке. Мои глаза были такими черными, что впитывали свет. Братья и сестры боялись меня; они разбегались, как кролики, едва заслышав стук моего серебряного мячика. Мой отец был – грива черных волос, взметавшихся за спиной, когда он выходил из комнаты, громовой голос, пугавший служанок. Моя мать была безмятежной сказочной королевой на дальнем конце стола, перебиравшей струны лютни или нити очередной никому не нужной вышивки.

Я росла. Я росла прыжками. Еще вчера старший брат дразнил меня, а наутро после моего семилетия получил свое, когда я проснулась выше его ростом. Мои кости вытянулись за одну ночь. Это было мучительно. Как будто в моих суставах взрывались ядовитые звезды.

Но в остальном мне было хорошо и свободно. Мне не составляло особого труда держать темноту под контролем – я отдаленно помнила, что когда-то, при других обстоятельствах, это уже умела. Где-то, где я была уже взрослой. Когда я слишком сильно задумывалась об этом, перед моими глазами трепетало что-то вроде серебряной паутины. Когда переставала думать – взор очищался.

Были и другие намеки, что в моей жизни когда-то существовало что-то еще. Некая тайна, жившая по ту сторону и готовая расколоться, как яйцо при вылуплении птенца. Иногда ночью я слышала, как о мое стекло ударяются камешки – будто кто-то стучал по нему ногтями. Иногда я видела лицо, казавшееся мне почти знакомым, смотревшее на меня в безлюдном месте – в лесу среди ветвей или из глубины замерзшего двора. Если я слишком долго вглядывалась в это лицо, в глазах вспыхивали серебристые искры, от которых болела голова, так что я старалась не всматриваться.

Быть жестокой было приятно. Я позволяла гневу обтекать меня, как теплому черному потоку. Мать никогда не наказывала меня – у нее для этого были особые слуги. За каждую полосу, оставленную розгой на моей спине, я отыгрывалась на прочих детях моей матери. Она обращалась со мной не как с родной дочерью, а как с кукушонком. Думаю, она почти убедила себя, что я не ее дочь. Поэтому она ненавидела мои волосы, так похожие на ее собственные.

Лед завораживал меня с тех пор, как я впервые его увидела. На одном из пиров в честь очередной кровавой победы моего отца нам подали колотый лед, политый кремом, медом и лавандовым сиропом. Лакомство проскользнуло мне в желудок и загло там тайный огонек. После этого в холодные месяцы я выходила наружу, чтобы сосать сосульки и есть снег. Летом я пряталась по темным углам и старалась поменьше двигаться. Лето было безопасным сезоном для моих братьев и сестер.

Зато зимой приходило мое время. Я играла с ними злые шутки, подбрасывала им всякую гадость в кровати и портила им праздничные балы. Когда младший братишка разбил мое зеркальце, я холодной ночью увела его далеко в лес под предлогом поисков оленя эльфийского короля. Там я бросила малыша на заснеженной поляне, оставив возвращаться домой в одиночку. Через несколько часов его привел в замок дровосек, нашедший ребенка в лесу. Брат так и не посмел рассказать взрослым, что это сделала я.

Когда однажды утром я спустилась к завтраку в теле молодой женщины, спотыкаясь на новых ногах, как новорожденный олененок, отец впервые за все время взглянул мне в глаза. Потом осмотрел меня с головы до ног и обратно. И улыбнулся улыбкой, которая меня испугала.

Вскоре после этого мать объявила, что пришла пора выдать меня замуж. Она хотела этого не ради моего спасения, а чтобы навредить отцу. Так женщина отнимает игрушку у ненавистного ребенка.

Мне было все равно, откуда придет избавление. К тому времени я уже знала, что король на самом деле не отец мне – за несколько месяцев до моего рождения отряд чужих воинов провел в замке несколько недель. Они были родом из ледяных пещер на самой границе Сопредельных земель и подчинялись королеве-воительнице. Ходили слухи, что она недолгое время была любовницей нашего короля. Моя мать отомстила мужу, отдавшись воину, от которого я унаследовала глаза, разрезавшие лед.

Когда повсюду было объявлено о том, что я вошла в возраст, я знала, что получаю право вести себя легкомысленно. Принцесса может устанавливать правила для претендентов на ее руку, даже жесткосердная девушка вроде меня. В середине лета я сказала отцу, что выйду замуж только за того, кто привезет мне атласный кошель льда из дальних пещер. Мною двигала не столько сентиментальность, сколько любопытство.

Нет, это было даже не любопытство, а инстинкт. Я чувствовала – не в первый раз – присутствие некоей незримой силы в своей жизни, властной управляющей ею руки, которая при-

надлежала не мне. Однажды это чувство заставило меня бросить игрушечную тележку брата в камин. То, как он осторожно вытягивал ее из пламени за ручку, слишком напомнило мне меня.

Претенденты все прибывали. Они приносили мне лед – но не из пещер. Я узнавала это по его виду, на ошупь и на вкус: лед из амбара, выкопанный из-под слоев опилок, лед из замерзшего ручья, лед с ледника на вершине горы. Лето перешло в зиму, и еще никто не выполнил моего задания.

Братья, которые в конце концов победили, оба были высокими, с волосами цвета лисьего меха, – но на этом их сходство заканчивалось. Старший брат был широк в груди, тверд, как кремь, с непроницаемыми карими глазами. Представляясь моему отцу, он не удосужился умыться лицо. Младший брат стоял у него за спиной, глядя в пол. Он был худым и переминался на месте. Он выглядел как человек, которого я могла бы сломать.

Они явились в самом начале весны. В то время как остальные претенденты подавали мне дары, опускаясь на колени, старший брат швырнул кошель льда мне в подол платья. Еще до того, как я открыла кошель, я уже знала, что за этого мужчину мне придется выйти замуж.

Лед был прекрасен. В его кристаллах танцевали призрачные зеленые огни небес над пещерами, в которых его добыли. Лед был нарезан аккуратными кубиками. Я взглянула на грубые руки старшего брата, потом – на тонкие пальцы младшего, и поняла, что это работа второго. Он стоял, опустив голову, будто стыдился сам себя. Лица его я не видела.

Старший брат громко провозгласил свои намерения: они собирались сделать меня не женой, но рабой. По лицам родителей я увидела, что им нет до этого дела, коль скоро меня получили честным путем и выполнили задание. Они не могли спасти меня. Не хотели.

Тогда я проглотила лед.

Он огнем прокатился по моему горлу и зажег внутри голубой огонь. Он укоренился у меня в животе и пустил побеги по жилам, проникая в руки и ноги. Он заморозил последнюю искру жизни в моем омертвелом сердце и замедлил работу мысли. У меня всегда был живой и быстрый ум, но я успела только почувствовать, как в меня проникает ужас, когда мои мысли обратились в ледяную патоку.

Словно издалека я слышала вопли моей матери, яростные крики отца. Я видела все сквозь стекло замороженных слез: как спорят братья, как старший вскидывает меня на плечо, словно мешок зерна. Самая младшая из моих сестер подбежала и вонзила зубы мне в руку, когда меня уносили, – но тут же отшатнулась, отплевываясь и кашляя.

Братья привязали меня к спине лошади, доставшейся мне в приданое. Я не видела ничего, кроме завесы собственных волос и облачков своего дыхания, быстро замерзавших, едва они срывались с губ.

Кто-то последовал за нами, когда мы выехали за ворота по грязной дороге, в густой лес. Некто, от присутствия которого в голове у меня пульсировал страх, а перед глазами вспыхивали искры. Я слышала стук копыт его коня, как эхо коней братьев. Я была заморожена и связана, меня увозили к рабской жизни, но страхом наполняло меня не это, а тот, кто скакал следом.

Когда братья остановились на отдых и стали устраивать лагерь, они оставили меня привязанной к лошади – обездвиженной и беспомощной. Как со дна колодца я слышала смех старшего брата, треск огня. Много позже чьи-то руки отвязали меня с коня и положили под дерево.

Когда братья уснули, лед, лежавший у меня в желудке, как холодные угли, зашевелился. Заморозка медленно проходила. Глаза и губы оттаяли, к пальцам вернулась подвижность, и я начала дрожать. Почувствовав себя достаточно сильной, я освободилась от веревок и подошла к старшему брату. Во сне он был еще уродливее, жестокие сновидения искажали его лицо. Я склонилась над спящим, прижалась губами к его рту и вдохнула в него свой лед вместе со своей ненавистью. Он в ужасе задергался, испустил смрадный вздох – и сердце его замерзло раньше, чем он попытался защититься.

Я вернулась к лошади и прислушалась, чтобы узнать, где наш преследователь. Стоило мне замереть, как меня сморил ледяной полусон, которого я не могла побороть, но даже во сне я ожидала стука копыт.

Прошло несколько часов, свет стал серебряным, и воздух разрезал крик младшего брата, который проснулся и обнаружил старшего мертвым.

Я услышала звук его шагов по оттаивающей земле. Что-то внутри меня сжалось, готовясь к удару сапогом, – но удара не последовало.

Вместо этого младший брат присел и теплым дыханием дунул мне в глаза.

Они на миг оттаяли и снова замерзли, но я смогла слегка двинуть ими в глазницах. Впервые с того момента, как меня увезли, я смотрела младшему брату в лицо. И на его грязные рыжие волосы.

– Привет, Алиса, – прошептал он.

Я смотрела и смотрела, во мне пробуждалось невероятное узнавание. Слова вышли из рта слабым шипением, пальцы лежавшей на груди руки чуть шевельнулись.

– Старайся, – прошептал он – так близко к моему лицу, что это был почти выдох. – Вспоминай.

Я уже видела его дважды – до того, как он вместе с братом привез мне лед, – но я не могла вспомнить, где именно. Он не член моей семьи, не слуга, не солдат. *Кто же он?* Перед глазами мелькнул пыльный бок голубой повозки, обруч, упавший в траву.

Нет, не совсем так.

Это был ржавый голубой «бьюик». И хула-хуп, который я крутила на бедрах, когда он подошел сбоку.

– Привет, – сказал он.

Я проигнорировала незнакомца, сердясь, что из-за него мой обруч упал на землю.

– Я друг твоей бабушки, – сказал он. – Писательницы, Алтеи Прозерпины. Она хочет тебя повидать. Поедешь к ней в гости со мной?

Я сразу развернулась.

– А у нее есть лошадка?

– Даже несколько. И пруд, чтобы в нем плавать. Она очень хочет, чтобы ты к ней приехала, Алиса.

Я подождала, когда упавший обруч успокоится на земле, и забралась к нему в машину. И щелкнула каблуками своих белых ковбойских сапожек – как Дороти, на удачу. И мы поехали.

Воспоминание прорвалось сквозь тонкую паутину, скреплявшую воедино мой мир. Я дрожала и оттаивала на траве, лежа в луже талой воды и цепляясь за свои видения. Женщина в белом джинсовом костюме стряхнула пепел с сигареты. Она тихо выругалась, и я проснулась в море тормозных огней, полосой протянувшихся на дороге перед нами. *Засытай опять, Алиса. Нам еще далеко.*

Ее имя. Как ее звали? Воспоминания кипели во мне – новогодняя гирлянда на белой стене, я просыпаюсь рано утром, женщина спит рядом и слегка придавила мне ноги, я освобождаю их. Запах кофейных зерен, дешевые имбирные печенья, горящая полынь. Болезненный хруст моей лодыжки, когда я неудачно спрыгнула с яблони, а она не успела меня поймать. Ощущение ее присутствия в мире рядом со мной, невидимый луч, протянувшийся между нами.

– Элла, – прохрипела я замерзшим горлом.

Мужчина меня не расслышал и ниже склонился к моему рту.

– Ты меня помнишь?

– Голубой «бьюик».

Он улыбнулся.

– Мы уже меняем все, – прошептал он. – Узы почти разорваны. Чтобы сломать это изнутри, мне нужно было вернуть тебя.

– Зачем...

– Потому что я – не книжная страница, – сказал он, обхватив мою голову ладонями.

И вскрикнул – тонким кроличьим криком, от которого вскипели остатки льда в моей крови.

Он упал сверху, пригвоздив меня к земле. Я была все еще слаба, и потребовалось много времени, чтобы освободиться. Мне казалось – целую вечность. Наконец я выбралась из-под его тела и увидела, что из спины его торчит топор. Позади стоял старший брат, сгорбленный и замороженный, и смотрел на меня мертвыми глазами. Воздух вокруг нас сверкал серебряными искрами, такими яркими, что я закрыла глаза, но все равно продолжала видеть их вспышки сквозь веки: сверкающее полотно из тонких нитей. Крохотные, еще более яркие искры сверкали в прорехе, которую мы проделали: в дыре в форме фигуры рыжеволосого брата, который попытался изменить нашу историю. Я заставила себя открыть глаза и увидела, как обрывки нитей соединяются вновь, заплетая дыру под невидимыми пальцами.

Облачко крохотных лучистых солнц метнулось в мою сторону. Я с криком откатилась, еще не в силах двигаться достаточно быстро. Одна искра коснулась моего лба, обжигая его, как уголек, вылетевший из костра. Я чувствовала его на коже – а через мгновение уже *под* кожей, и там он остался островком тепла, пробуждая к жизни мой замерзший мозг.

– Элла, – выдохнула я, удерживая ее образ перед глазами. Ее карие глаза, длинные светлые волосы... *нет!* Это не она, это другая мать. Та, что взрастила мой гнев, как виноградную лозу.

Крохотные солнца окружили меня, и рыжеволосый человек на земле пошевелился. Его мертвый брат снова упал и замер, выполнив то, что требовала от него история.

– Пряха, – прошептала я. Теперь я вспомнила ее – и то, как я шла за ней, как потерявшаяся собака, в самое злое сердце Сопределья. В сказку, из которой я давным-давно хотела вырваться. Потому что моя жизнь внутри нее была не настоящей жизнью – лишь *историей*.

А когда уже стало слишком поздно, она сообщила мне, что выхода на самом деле нет. Но не объяснила, почему: потому что история сопротивляется попыткам ее разрушить. Искры с паукообразными лучиками все еще трудились в воздухе, соединяя разорванные нити, латая дыры. Они извлекли топор из спины младшего брата, починили мой разум, после чего подняли моего спасителя на ноги и закрыли разрыв в его плоти.

Он не может умереть, поняла я. Не может, пока является частью истории. Это я должна его убить, как убила его брата. Потому что в этой сказке именно я была чудовищем.

Но была ли это в самом деле я? От ужаса моя кожа стала тверже, и жестокие искорки теперь отскакивали от нее, как искры кузницы – от наковальни. Я держалась за этот неотвязный страх, смешанный с гневом. Я не хотела дать моей истории кончиться вот так.

Рыжий парень уже стоял на ногах, хотя и с трудом. Глаза у него были дикие. Он пошатнулся, упал на колени, и его стошнило желчью.

– Нам надо идти, – выдавил он. – Пока это не...

Пока это не случилось снова. Я встала между ним и валяющимся на земле трупом. Если уж я чудовище, надо по крайней мере быть полезным чудовищем.

– Садись на коня, – сказала я. Слова выходили изо рта с трудом, как будто меня обкололи новокаином.

Я подобрала топор, лежавший рядом с мертвецом. Нити полотна снова вспыхнули вокруг моих пальцев, сомкнувшись на рукоятке – рассерженная матрица, впивающаяся мне в кожу сотнями иголок. Боль сперва просто раздражала, но постепенно становилась невыносимой.

– Садись на коня, – повторила я, отворачиваясь от своей горячей руки. – Быстро!

Тяжело дыша, юноша с трудом взгромоздился на моего коня-приданое. Труп его брата на земле дернулся, потом с трудом поднялся и, пошатываясь, заковылял в нашу сторону. Его движения достаточно сильно напоминали человеческие, чтобы разница была пугающей.

Я крепко сомкнула пылающие пальцы вокруг рукояти топора. Труп перевел на меня глаза, похожие на замороженные незабудки, и бросился вперед.

На меня волной накатило его запах – льда и пота, и чего-то неопределенно-гнилого, – когда я размахнулась и ударила. Топор вошел ему в плечо с тошнотворным чавкающим звуком – как шлепок ботинка по глубокой грязи.

Труп тупо посмотрел на топор у себя в плоти, потом снова на меня. Клянусь, он мне улыбнулся – зубы у него были мелкие и серые – прежде чем ухватить меня руками за горло.

Можно ли умереть в сказке?

Может, и нет.

Но зато можно умереть в целом мире, сработанном под нее – полном жестоких королев и черноглазых принцесс, и мужчин с руками, созданными для насилия. По крайней мере – временно умереть. Веки мои поднимались и опускались, как крылья бабочки, голова свесилась вперед. Труп снова расхохотался и смеялся до тех пор, пока я не выгнулась у него в руках и не прижалась ртом к его губам.

Я дунула. Но выдыхала я на этот раз не лед. Я вдунула ему в легкие нечто противоположное льду – жар и гнев на разлуку с Эллой. На пленение сказкой. На роль убийцы, навязанную мне далекой сказительницей, которую лично все это вообще не затрагивало. Я сделала это, потому что девушка, которая отказывается от решительных действий в волшебной сказке, умирает или что похуже, а девушка, принявшая решение, обычно получает награду.

И награда не замедлила себя ждать: привкус металла и пота на губах, похожих на пару холодных слизней. Руки трупа на моей шее резко ослабели и наконец свесились вдоль его тела. Он издал ужасный звук отработанного мотора и кулем свалился на землю. Я наклонилась и вытащила из его тела топор.

Развернулась я с трудом, как будто на мне был надет тяжелый ледяной доспех. Дрожа, я побрела к лошади, которая шарахнулась от меня – вернее, от роя искр, окружавшего меня. Рыжий юноша наклонился к голове коня, прикрыл ему глаза ладонью и что-то ласково прошептал на ухо.

Ткань мира была отчетливо видна – сверкающее полотно, опутавшее нас и не дававшее двигаться. Я взмахнула топором, пытаюсь разрубить полотно между мной и лошадью, но ничего не изменилось.

– Черт *подери*! – завизжала я, упала на колени и двинулась к лошади ползком. Лошадь, окруженная мерцающим и дрожащим программным кодом мироздания, сделала то, о чем я сама мечтала: она взбрыкнула в священном ужасе, сбросила всадника и понеслась прочь.

Всадник тяжело упал на землю, застонав от удара. Искры угасли и отступили. Опять остались только мы – я, он и мертвец на земле. Я почувствовала у себя внутри слабое холодное шевеление – там снова собирался лед.

Воздух вокруг нас подрагивал и сбоил, как помехи на экране плохого телевизора, и перед нами появилась лошадь. Только что было пусто – и вдруг пустое пространство заполнила фигура коня. Того же самого животного, только теперь – с шорами на глазах.

– Нет, – отчаявшимся голосом произнес младший брат. – Не может быть.

Но оно могло. И было. *Элла, Элла, Эллаэллаэллаэллаэлла*. Я повторяла это имя, пока оно не стало сплошным болезненным набором слогов в моей голове. Что означало это слово? Стоило мне перестать об этом думать слишком сильно, режущая боль за глазами яблоками тут же отпустила.

Выхода нет. Только не изнутри.

Холод распространялся по моему телу, как яд. Его пальцы подобрались к моему горлу; скоро они дотянутся и до глаз. Сверкающий воздух выцвел до серого. Я не могла вспомнить, почему плачет этот мужчина рядом со мной.

Я распласталась на земле, ожидая, что мои запястья вот-вот обовьет веревка.

И тут внезапно воздух вокруг нас вспыхнул, как рождественская елка. Две фигуры быстро двигались в нашу сторону, зажигая вокруг себя полотно мира.

Молодой мужчина и женщина постарше. Оба на... велосипедах. Они ехали на велосипедах – красном и зеленом.

– Держи ее за ноги! – крикнул юноша. Голос его был прерывистым и странным, как будто в горле ему что-то мешало. У него была темная кожа, облако черных волос и яркие, внимательные глаза, как у животного.

Горячий удар узнавания пробил ледяной панцирь насквозь.

Это же он преследовал меня. И не только сегодня, а всю мою жизнь. И во дворе, и в лесах, однажды даже в тронном зале моего отца – пока его не выгнали прочь. Вот оно – лицо, при виде которого у меня всегда болела голова, а по границе обзора начинали плясать яркие искры.

Юноша спешился рядом со мной и схватил меня за руки, пытаясь поднять. Его касание пробудило все мои чувства, тут же всплывшие на поверхность. Я инстинктивно начала бороться с ним – и с его спутницей, седой женщиной в синей тунике, которая пыталась удерживать меня за ноги.

– Алиса! Черт возьми, Алиса, – юноша с трудом увернулся, когда я попыталась вонзить ногти свободной руки ему в подбородок.

И тут я по-настоящему узнала его. И окаменела – так внезапно, что они уронили меня на землю.

– Финч.

– Ага. Нет времени объяснять, мы должны вытащить тебя отсюда.

Мне нужно было ему кое-что сказать. Он был кем-то важным, кого я знала в прошлой жизни. Перед глазами мелькнули деревья, и кровь, и потолок с горящими звездами...

– Но... ты же умер. Разве нет? – Он наклонился, чтобы меня лучше слышать, и я увидела застарелый шрам поперек его горла – рваную коричневую полосу.

– Не совсем. Ты не могла бы... Можешь встать? Это будет проще, чем тебя нести. Но если нужно, я понесу. Если ты забыла, кто ты такая.

– Финч, оно меня не отпустит.

– У нас нет времени на болтовню. Оно отпустит, – сурово отрезала женщина.

Я ахнула.

– Дженет?

Она улыбнулась краями губ и кивнула на рыжеволосого парня, безмолвно скорчившегося на земле.

– Он друг или враг?

– Друг. Я так думаю. Да, друг.

Дженет помогла ему подняться, но говорить он все еще не мог. Мерцающие вены мира слегка погасли: они уже не окружали нас, горячие и слепящие, а тлели на приличном расстоянии.

– Что вы здесь делаете? – спросила я.

– Я провела полевое исследование, – торжествующе сказала Дженет. – Все опрошенные мной бывшие персонажи утверждают, что есть два способа разорвать историю: либо ее расплетает сама Пряха, либо происходит какой-то несчастный случай. В этом инциденте всегда задействован беженец, который забредает в сказку в неподходящий момент. Отсюда мы сле-

ляли вывод... – она запнулась, глядя на нас с Финчем. – Ох, впрочем, ты, кажется, об этом не спрашивала?

– У тебя глаза совсем черные, без белков, – сказал он. Его сломанный голос так изменился, что я не могла читать его интонацию. Он коснулся пальцами моего подбородка – и зашипел от боли.

– Господи, ты очень... Очень ледяная. Естественно. Но время поджигает, садись на велосипед.

Он очень изменился с нашей последней встречи, которая туманным воспоминанием всплывала в моем искореженном сознании. Этот юноша стал крепким и широкоплечим. Волосы у него были подстрижены короче, чем раньше, а руки покрыты шрамами: тонкими полосками, и ожогами, и швами, сшитыми грубой серебряной нитью. Лучше всего я помнила его глаза, но сейчас они казались такими усталыми.

Я подобрала свои юбки и взгромоздилась на багажник велосипеда Дженет, а Финч усадил к себе рыжего. Два человека нажали на педали, увозя с собой тяжелый груз из двух персонажей. Я оглянулась через плечо и увидела, что лошадь, которой тут не должно было быть, рассыпалась облачком искр.

Мы ехали к дыре, зарешеченной полосками раскаленного света. Я сжалась, ожидая, что сейчас будет труднейший прорыв или слепящая боль от соприкосновения со стеной огня.

Но по мере нашего приближения стена отдалилась. Она все время оставалась впереди и вне нашей досягаемости, сверкая, как солнце над дорогой. Дженет тяжело дышала, вращая педали, колеса скользили в весенней грязи. Мы миновали рощицу, потом полосу взъерошенных кустов, потом покрытое зелеными почками дерево вроде плакучей ивы. И снова – рощица, кусты, ива. И опять, и опять, пока я не осознала, что лес повторяет сам себя, замкнувшись в кольцо.

Нам давали шанс повернуть назад. Каждую минуту на ветвях расцветающей ивы появлялась одна и та же птичка с голубой грудкой, выпевавшая обличительную песенку из четырех нот.

– Дженет! – предостерегающе крикнул Финч через плечо.

– Я вижу!

– Стоп! – воскликнула я. Дженет резко затормозила.

Я спрыгнула с велосипеда и сделала несколько неверных шагов вперед.

– Не ходите за мной, – предупредила я товарищей, обернувшись. И в одиночку пошла к мерцающей стене.

Она казалась бесконечной – сеть лучей, спускавшаяся от холодного солнца Сопределья. На этот раз она не двинулась, позволяя мне приблизиться. Я шла и шла, пока глаза у меня не начали слезиться от света, и остановилась, закрыв глаза. Яркий свет, обтекавший меня, казался красным сквозь веки.

Что бы сделала Алтея? Женщина, которая построила мост между мирами, а потом соединила их, как руку и перчатку?

Я думала о ней, рассказывающей сказку дочери в темной комнате – много лет и целый мир назад. Я думала о написанных ею словах, которые повторяли другие уста на других континентах, пробивая прорехи в стенах мира.

– Давным-давно на белом свете, – шепотом начала я, – жила-была девушка, которой удалось вырваться на волю.

Свет запульсировал чуть менее ярко – я видела это сквозь веки. Если мне не показалось.

– Давным-давно на белом свете была девушка, которая смогла изменить свою судьбу, – произнесла я чуть громче. Слова выходили из моего рта одно за другим, как бусины, нанизан-

ные на единую нить. Как история, как мостик, на который я могла бы подняться – вверх, вверх, шаг за шагом, как паучок из детской песенки¹⁴.

– Она выросла бездомной беженкой, потому что ее жизнь принадлежала другому месту, – я вытянула вперед руки, и лед моих пальцев соприкоснулся с живым теплом стены. – Она помнила свою настоящую мать, оставшуюся на Земле – в мире, созданном из элементов и частиц и, и... и разума. Не из историй. И она прорвала дыру в ткани мира, чтобы отыскать путь домой. И вернулась, и жила долго и счастливо далеко-далеко от Сопредельных земель, – сказала я. Я умоляла. – И холод ушел из ее тела. И она нашла свою настоящую мать в мире, в котором ее оставила.

Медленно-медленно я открыла глаза. В стене зияла дыра. Воздух вокруг отверстия слабо светился – в нем словно бы опадали последние искры большого фейерверка. Проход был небольшой, подходящего размера для невысокой девушки.

Я вытянула руку назад и сделала манящий жест.

Спицы двух ржавых велосипедов застрекотали у меня за спиной. Звук приближался, а стена оставалась на месте. Я все держала руку вытянутой, пока пальцы Финча не соединились с моими, теплые и настоящие. Пригнувшись, я повела своего друга сквозь проход, который сама создала, а Дженет и брат из сказки следовали за нами.

Когда я пересекла границу истории, я почувствовала это костями челюстей, пупком, корнями волос. Позади меня застонал рыжий, тяжело ковыляя за Дженет. Финч обнял меня рукой за талию, и его тепло смягчило мой холод.

Мы стояли на краю неглубокой долины, по колено наполненной туманом.

Я жадно втянула воздух, который пах дождем и барбекю. Неподалеку от нас маленькая девочка пробиралась сквозь туман, достававший ей почти до шеи. За ней шел мужчина в белой футболке; смеясь, он подхватил ребенка и посадил себе на плечи. У девочки на ногах были старенькие роликовые коньки.

Все мое тело болело и ныло от усталости. Солнце грело жарко, мне хотелось есть. В носу свербило, как будто я страдала от аллергии на что-то цветущее, и от меня плохо пахло. От Финча – тоже. Наш ужасный запах был настолько человеческим, что меня накрыло острым желанием. Рыжий парень шагнул вперед, глядя на все огромными глазами. Он оглянулся на деревья, откуда мы пришли, потом перевел взгляд на свои руки.

Я кулем опустила в траву и заплакала. И могла поклясться, что чувствую, как слезы вымывают блестящую черноту из моих глаз.

– Ты меня спас, – выговорила я сквозь слезы.

– Я пытался, – сказал Финч. – Но похоже на то, что закончила работу именно ты.

Я потрясла головой, вспоминая лошадь, возникшую из ниоткуда прямо в воздухе.

– Нет, я была слишком... Я прожила там много лет. В этой истории. – Вся сказка от начала и до конца прокрутилась у меня перед глазами, как карусель. Холодная королева, далекий король, мои темные пристрастия... – Сколько прошло времени?

– Я не знаю, сколько мы здесь пробыли, – тихо сказал Финч. – Время работает не линейно, так что никто не пытается его исчислять.

– Как ты остался в живых?

– Парень, который перерезал мне горло, по пути в собственную историю бросил меня неподалеку от деревни беженцев. Оставил умирать. И я чуть было не умер, но меня подобрали и подлатали. Исцеление заняло некоторое время.

¹⁴ Имеется в виду песенка «Incy Wincy spider» – про паучка, который полз по трубе, и его смыло дождем. Но солнышко высушило дождик, и паучок снова пополз вверх.

– А Дженет?

– Мы довольно скоро вычислили, что у нас есть общие знакомые, – ответила женщина. – Потом выяснили, что случилось с тобой, и решили, что можем тебе немножко помочь. Это была его идея, – она кивнула на Финча, и мое сердце подпрыгнуло от материнской гордости в ее глазах.

– Вы были рядом, – вспомнила я. – Все это время. Вы ходили по грани, стараясь дать мне себя заметить.

Финч рассмеялся.

– Черт, Алиса, я знал, что в конце концов ты меня разглядишь.

Смех его тоже изменился – теперь это был смех мужчины, трепетавший ниже шрама на его горле. Почему-то это меня смутило.

– Эгей!

Мужчина в белой футболке заметил нас и махал нам рукой над озером тумана. Он отнес дочку к одному из домов, столпившихся на восточной стороне долины, и теперь подбежал к нам. Но остановился неподалеку.

– Счастливого путешествия вам, – осторожно сказал он.

– У вас есть вода? – спросила Дженет. – А еда? Им это очень нужно, – она жестом указала на меня и рыжего парня.

Лицо мужчины просветлело, и он улыбнулся.

– Я тоже из бывших персонажей, – сообщил он.

– Как вы... – начала я.

– По одежде. И по запаху. Жженный волос и, вы знаете... – он неопределенно помахал в воздухе рукой. – Запах магии.

Он был красивым. Лет двадцать назад он мог быть принцем какого-нибудь королевства. А может, отравителем. Сопределье не баловало добрыми сказками.

Он принес нам ведро воды, и я всасывала кружку за кружкой, пока у меня не вздулся живот. Рыжеволосый парень не сказал ни слова, пока тоже не напился до одури. Он шумно глотал, позволяя воде стекать по подбородку.

– Я чувствую вкус, – сказал он наконец. – Он сладкий и... пыльный. Как камень. Ты его чувствуешь?

Я понимала, о чем он. Все, что мне случалось есть или пить в сказке, бледнело перед электрическим вкусом этой речной воды.

– Да. Чувствую.

Он снова посмотрел на свои руки, шевеля пальцами в воздухе, как сумасшедший.

– Посмотри на это. Это же я. Я это делаю. Это все мое. – Он оглянулся на меня с внезапной тревогой. – Все кончено, правда же? Больше никаких сказок? Никаких умираний?

Дженет маячила у меня за плечом, и я ясно видела, что ей нейдет начать задавать вопросы. Я нарочно игнорировала и ее, и Финча, глядя только на человека, который ради меня отправился в другой мир, чтобы передать дары, спасшие мне жизнь в Лесу-на-Полпути.

Глаза у него были ореховые, по щекам рассыпались крупные веснушки. От этих деталей голова шла кругом – неужели Пряха в самом деле создала его таким? Это она решила подбавить чуть больше коричневого в радужку его левого глаза? Это она придумала мою любовь к меду?

– Зачем ты меня тогда увез? – спросила я, стараясь, чтоб мой вопрос звучал мягко.

Он слабо улыбнулся, глядя куда-то внутрь себя.

– Ради нее. Ради воровки.

– Воровки? Ты имеешь в виду... Эллу?

Он вылил очередную кружку воды себе на голову и подставил лицо восходящему солнцу.

– Прежде чем она украла тебя, она хотела украсть меня.

Ого. Четырнадцать лет моя мама провела с Алтеей в Ореховом лесу, в полном одиночестве... Но, оказывается, не могло быть одиночества так близко от Леса-на-Полпути.

– Но если ты... Если ты любил ее, зачем пытался увезти меня от нее?

– Я хотел *помочь* ей. И тебе. И себе, конечно. Тебе никогда не удалось бы освободиться, не взломав сказку изнутри. Я ведь прав, верно? Ты никогда не была по-настоящему свободна?

Я покачала головой, чувствуя изумление и пустоту при взгляде на этого чужака, которого, должно быть, любила моя мать. Мне никогда не постичь глубины того, чем Элла ради меня пожертвовала. Никогда не узнать всех секретов той жизни, что была у нее до побега со мной.

– И что теперь? – хрипло спросила я. – Ты возвратишься сквозь лес, чтобы найти ее?

Он улыбнулся мне улыбкой, которая многого стоила. По возрасту его можно было принять за студента колледжа. Мое глупое томящееся сердце словно упало, когда я вспомнила, как представляла в детстве, что он и есть мой отец.

– Я прожил слишком много жизней с тех пор, как любил ее, – сказал он. – И слишком много раз умер. Это не проходит так просто... Остается эхо.

Остается эхо. А как обстоят дела со мной? Даже до того, как я оказалась в своей истории, были бешеные, пронзительные моменты, когда Сопределье громко пело в моей крови, и я задавалась вопросом, а не остаться ли в нем навсегда? Если где-то там, в другом мире, Элла уже умерла... Может быть, я принадлежала Сопределью, где мои кости вырастали за одну ночь, глаза были как черные омуты, а клетки тела состояли из того же странного вещества, что и деревья, и реки, и сама почва.

Но сейчас я чувствовала под кожей зуд. Где-то далеко стрелки часов отсчитывали дни жизни моей матери. Семь лет прошло или семьдесят, неважно. Я собиралась отправиться к ней, где бы она ни была. Она заслужила увидеть, кем я стала – бывшим персонажем, а не просто украденным.

Я отвернулась от рыжеволосого.

– Где лежит граница мира?

Симпатичный мужчина вежливо отошел в сторону, пока мы разговаривали, и всем видом показывал, что не слушает нас. Теперь его лицо приблизилось к моему, и он указал нам главную дорогу, выводящую из долины и из Сопределья.

– Не знаю, что вас там ждет, – честно предупредил он. – Но в любом случае желаю вам счастливого путешествия.

– Пора, – сказала я Финчу. – Пошли домой.

Лицо Финча выражало мягкое сожаление. Дженет тронула рыжеволосого за рукав и деликатно отвела его на пару шагов.

– Алиса, – начал Финч.

И тут на меня снизошло, хотя я давно должна была догадаться.

– Ты не пойдешь со мной, верно?

Он со вздохом взял меня за руку и повел за собой в туман. Туман клубился у наших коленей, у бедер, поднимался все выше. Касание его было мягким и гибким, как будто по моей коже скользили влажные лепестки цветов.

Неважно, сколько времени Финч провел в этом мире и сколько в том – но он изменился. Он вырос. На задворках моей сказки, в жестоком выдуманном мире. Но не там прошла его жизнь – остальное время он проводил среди других беженцев. Я представила его в беженском баре, крутящим роман с какой-нибудь земной девушкой... В моем представлении у этой девушки была улыбка безо всякой тени и идеально облегающие джинсы.

С каждым мигом я чувствовала себя все более человеком.

– Я не вернусь, – сказал Финч, отвечая на мой вопрос после долгого молчания.

– Почему?

– Потому что я всегда этого хотел. Не такой ценой и не таким путем, конечно. Все должно было произойти по-другому. Не должно было быть той чертовой сделки.

– Я знаю. Но ты сполна за нее расплатился, как думаешь?

– Надеюсь на это, – серьезно ответил он. – Но я не только сделку имел в виду. Я хотел видеть что-нибудь целиком, от начала до конца. И я прожил здесь, в этом мире, достаточно времени, чтобы многое разглядеть. Он вовсе не плох. Он прекрасен и странен. И еще он больше, чем ты думаешь. Алиса, это целый океан. А ледяные пещеры – ох, ну о них ты знаешь. Я слышал, в горах есть озера в тысячу футов глубиной – и прозрачные, как стекло.

– Обычная сказочная чушь.

– Именно, – он засмеялся. – Сказочная чушь.

– У тебя здесь есть девушка?

Он улыбнулся. Улыбка его была такой доброй, что я едва не умерла от смущения.

– Может, и есть. Но поверь – я не оставил бы целый мир только из-за девушки.

– Конечно, оставил бы.

Я тоже говорила правду. Он вырос в мужчину того сорта, который и большее бы сделал ради любимого человека.

Черт, да он неизмеримо много сделал для меня.

– И что мне теперь делать?

– Найти Пряху. Это будет нетрудно – она уже в пути сюда, с того момента, как история разорвалась. Убирает мусор, ищет тебя.

Я сама и есть куча гребаного мусора, не более того. Вот что я хотела сказать – и не сказала. Финч заслуживал лучшего, чем сеанс моего нытья. Похоже, он стал слишком взрослым для подобной ерунды.

Когда мы вернулись к остальным, Дженет изводила рыжего брата расспросами о его первом побеге и моем похищении.

– Ты сам научился водить машину и не убился в процессе, – говорила она обнадеживающе. – Ты прекрасно обойдешься без всякой истории. Кому они нужны, эти сказки?

Он покорно кивал, нервно дрожа от неуверенности. Я понимала его – жизнь безо всякой карты действительно была сложной штукой.

Дженет обратила суровый взгляд на нас.

– Ты уходишь искать свою страну?

– Пойдемте со мной? – сгоряча предложила я, хотя и знала, что она откажется. Но все же, когда она и впрямь вежливо отказалась, это было немножко больно. Передо мной лежал путь, который нужно было пройти в одиночку.

Я обняла Дженет и пожала руку рыжеволосому. Теперь я оказалась перед Финчем и стояла, не зная, что делать. Он раскинул руки и обнял меня, и последний обжигающий кристалл льда внутри меня навеки растаял.

Я была голодна и так устала, что земля раскачивалась у меня под ногами, как морские волны. Но я не позволила себе остановиться и отдохнуть. Я села на красный велосипед Дженет и крутнула педали, устремляясь к краю мира.

Земля за краем долины была неровной, траву усеивали обломки камней, о которые то и дело цеплялось колесо моего велосипеда. Небо было пестро-голубым, каким-то крапчатым, солнечный свет казался неестественным. Некоторое время я ехала вдоль потока, который нес свои воды вперед без единого звука. Я проехала глубокий карьер и пересекла мост – узкий, в ширину автомобиля, – перекинутый через ущелье настолько глубокое, что дна я не разглядела. Земля и небо здесь выглядели какими-то незавершенными, набросками беспокойной кисти. Воздух был плотным и безмолвным. Я крутила педали по узкой дорожке в чаще темных елей, которые двигали ветвями и потрясаяще пахли дождем на горячем асфальте. За ельником началась земляная дорога между бесконечных плоских полей. Далеко впереди, на горизонте, я видела мерцающую полосу. Океан? Я понюхала воздух, но не уловила в нем запаха соли.

Я ехала, пока вода не перестала плескаться в моем желудке, и я снова не захотела пить. Когда же я достаточно приблизилась к водному массиву, он оказался пустыней сверкающего песка. На границе пустыни сидела Пряха Сюжетов, выглядевшая так же, как в нашу первую встречу. На этот раз на ней было что-то вроде короткой комбинации и леггинсы. Рядом стоял на подпорке голубой велосипед. Она отхлебывала что-то из пластикового термоса и не подняла на меня глаз, пока я не оказалась в шаге от нее.

Пряха сощурилась, наклонив голову.

– Ты разорвала свою историю. Теперь она не стоит того, чтоб ее рассказывали.

– Это была не моя история, – ответила я. – Она была ваша.

– Надеюсь, ты приехала сюда не в поисках мести?

Одной подобной идеи хватило, чтобы я ощутила себя бесконечно усталой. И покачала головой.

– Это хорошо, – Пряха поднялась, стряхивая песок с леггинсов. – Я не могу ничего обещать относительно того, что ты найдешь по возвращении. Время здесь работает...

– Иначе, чем я думаю. Да, знаю.

Я слезла с велосипеда и встала напротив нее. Мои колени подгибались от усталости.

Существует ли какой-нибудь верный способ попрощаться с собственной создательницей? Со своей тюремщицей? С женщиной, загнавшей меня обратно в мою грустную бесконечную сказку так же легко, как выгоняют осу в открытое окно?

Она улыбнулась моему смущению и отсалютовала двумя пальцами – как девчонка в старом кино.

Никаких особых прощаний, поняла я. И повернулась к ней спиной, зная, что ее глаза будут последним, что я буду помнить, когда все прочие воспоминания об этом мире станут плоскими, как фотографии.

Я ступила на сверкающий песок на самой границе Сопредельных земель.

Песок был горячим, как уголья. Его жар обжигал мне стопы, обжигал все тело, раня больше, чем лучистые искры. Я набрала в грудь воздуха, чтобы закричать, но боль уже прошла. Песок становился из сверкающего просто белым, потом бурым, потом сквозь него потянулись стебли – и наконец я шла по сплошной траве. Взглянув вперед, я увидела около акра заросшей лужайки перед покосившимся, полуразрушенным домом. Перед «Ореховым лесом».

Маленькая часть меня, которая еще не устала что-то чувствовать, почувствовала страх. Сколько же прошло лет, что особняк превратился в такую развалину? Издалека он выглядел живописно, но чем ближе я подходила, тем яснее видела разрушения. Огромное строение выглядело так, будто выросло из земли, – и теперь земля пыталась вернуть его себе. Плющ оплетал потрескавшиеся оконные рамы, трава прорастала сквозь ступени. Пруд выглядел как лягушачья лужа, заросшая ряской, и пах еще хуже.

Дойдя до ступеней, я приподняла край своего богатого платья принцессы и пнула обломки концом туфельки. Потом я поднялась к двери и постучала.

Я долго ждала, но ответа не было. Дверь оказалась заперта, и, хотя можно было забраться внутрь через окно, я не видела в этом смысла. Стрелки сумасшедших часов Орехового леса закончили свой бег. Если Алтее повезло, она уже была мертва.

Но я искала вовсе не ее.

Ворота Орехового леса вывели меня обратно в обычный мир. Никаких ущелий, никаких сверкающих рощ. Я босиком пошла в сторону шоссе, чувствуя ступнями каждый камешек, каждый желудь на лесной дороге. Первая же машина, проезжавшая мимо, замедлила ход, чтобы получше рассмотреть меня – девицу в рваном длинном платье, со спутанными волосами, спадавшими до середины бедер. Но никто не останавливался. По внешнему виду машин я пыталась определить, сколько здесь прошло времени, и не преуспела. По крайней мере, летающих автомобилей еще явно не изобрели.

Наконец мини-вэн, проехавший было мимо, затормозил и дал задний ход. Машину вела пожилая женщина в косынке на седых волосах. Она опустила стекло со стороны пассажира и уставилась на меня.

– Детка, с какого перепуга ты разоделась в такое платье в лесной глуши?

Я разучилась говорить с обычными людьми. Не могла найти слов. Я попробовала успокаивающе улыбнуться. *Не бойся меня, старая женщина, я не причиню тебе вреда.* Наверное,

вот тут-то она и испугается. До совсем недавнего времени я была – в прямом смысле слова – сказочным чудовищем.

Дама фыркнула.

– Не надо на меня *скалиться*. Ты либо отбилась от компании на ролевой игре, либо твоя история еще интересней, но в любом случае...

– У меня нет *истории*, – выпалила я. Голос мой звучал как скрип ржавых петель.

– Нет так нет. Тебя нужно подвезти или как?

Я покачала было головой, потом одумалась и кивнула. И медленно обошла уродливую машину, чтобы забраться внутрь. Тормозные огни мигали, как глаза насекомого, а запах внутри не был похож ни на один другой запах на земле и на небе. Это запах нового автомобиля, вспомнила я. *Давай, вспоминай, Алиса*.

– Спасибо, – пробубнила я – минут на пять позже, чем следовало.

– Боже, как от тебя пахнет, – ужаснулась водительница. – Слушай, тебя что, похитили? И ты смогла убежать? Может быть, мне сразу отвезти тебя в полицию?

– Какой сейчас год? – вырвалось у меня невольно.

Глаза женщины расширились.

– Бедная девочка. Ты правда не знаешь?

Она сказала – и я с закрыла глаза. Два года. Со дня, как я вошла в Ореховый лес, прошло два года. Это было одновременно лучше и хуже, чем я могла рассчитывать; в моей груди смешались облегчение и ужас, вызвав дрожь во всем теле. Начав дрожать, я уже не смогла остановиться. Паника накрыла меня, как огромная рука, и я сдалась.

В детстве я пробовала ходить по узкой оградке детской площадки, представляя, что это веревка канатоходца. В конце концов я поскользнулась и упала на нее прямо животом. У меня перехватило дыхание, и изо рта вырывался только хриплый свистящий звук, от которого остальные дети бросились врассыпную.

Примерно так же мой голос звучал сейчас. Я не могла дышать и не могла прекратить издавать эти ужасные звуки. В сочетании с моим оборванным видом это страшно напугало женщину за рулем, она погнала как сумасшедшая, одновременно звоня кому-то по телефону и отодвинувшись от меня, насколько это было возможно. Прошла целая вечность, пока машина наконец со скрежетом не затормозила на парковке у заправки, где уже поджидала «скорая помощь».

Когда медики открыли дверцу с моей стороны и помогли мне выйти, я молча им подчинилась. Они было отшатнулись, но быстро оправились и бережно повели меня к своей машине.

– Вы можете назвать свое имя? – мягко спросил один из них, похожий на более худой вариант Гарольда.

– Элла Прозерпина, – отчаянно сказала я.

– Отлично, Элла, ты можешь идти сама? Постарайся разгибать колени.

– Нет. Элла – это моя мать. А я Алиса. Алиса Кру. Алиса Прозерпина. Я – Трижды-Алиса.

Санитары обменялись взглядами у меня над головой и почти что внесли меня в машину на руках.

По дороге мне как-то удалось заснуть. Проснувшись, я обнаружила, что на мне чистый больничный халат. Я сморщилась от ужасного запаха, проснулась окончательно и поняла, что запах исходит от меня самой. Казалось, что с момента, когда я заснула, прошла еще пара лет.

Я глубоко вдохнула, готовясь во весь голос закричать в паническом страхе, и тут увидела ее. Она сидела и дремала в больничном кресле возле моей кровати. Голова ее свешивалась на грудь, и в черных волосах виднелись нити седины. На ней была черная толстовка с капюшоном, черные джинсы и потрескавшиеся ковбойские сапожки – ее вечная обувь, которую я помнила с раннего детства.

Моя мама. Элла Прозерпина.

31

Я села в кровати, подождала, когда отхлынет волна головокружения, и спустила ноги на пол. Мои мышцы затекли и работали странно, будто отвыкли действовать, но холод линолеума отчасти утишил горячую пульсацию в стопах.

– Элла, – прошептала я. – Мама.

Она резко вскинула голову, шумно вдыхая через нос. При виде меня она улыбнулась, потом ахнула, и ее глаза наполнились слезами. Вскочив, Элла обхватила меня обеими руками и до боли сжала, и долго не выпускала из объятий.

Когда мы обе наплакались и насмотрелись на лица друг друга, и я, пересчитав ее новые морщинки в углах глаз и седые волоски, решила, что готова пережить потерю двух лет жизни, она наконец задала вопрос.

– Ты уже знаешь, да?

Глаза ее тревожно ощупывали мое лицо.

– Знаю что?

– Кто я такая – что я сделала. Что я на самом деле не твоя...

– Моя, – отрезала я, произнося это, как торжественный обет. И повторяла, пока она мне не поверила.

Прошло много времени. Ко мне успели зайти доктора для осмотра, Элла успела выгнать прочь полицейского, явившегося за моими показаниями, а я – жадно, как дикая собака, сожрать содержимое больничного подноса с ужином и половину содержимого автомата с закусками. И наконец, после всего этого, Элла рассказала мне свою часть истории.

Сопредельные забрали ее из квартиры Гарольда, отвезли в Бронкс и заперли в пустой захлавленной квартире-студии. Без телефона, без пожарной лестницы, без соседей, без возможности чем-нибудь взломать дверь или окна. Через три дня она страшно оголодала и сорвала горло криками, и в тысячный раз ударила в дверь – и...

Дверь открылась. Никто не охранял ее, и никто не остановил Эллу, когда она спустилась с четвертого этажа и, дрожа, выбежала на улицу. Она отправилась было домой, в квартиру

Гарольда, но консьерж при виде ее вызвал полицию. Подруга с бывшей официантской работы помогла ей одеждой и деньгами – ее кредитка была заблокирована, а старая банковская карточка еще до-гарольдовых времен – почти пуста. Она продала украшения, что были на ней, и пошла той же дорогой, что мы с Финчем: арендовала машину и поехала в Ореховый лес.

Но Лес-на-Полпути не пустил ее в себя. Сперва она жила в мотеле, потом нашла квартиру над парикмахерской в Берче – изо всех возможных мест там. Она работала в кафе, а выходные тратила на то, чтобы колесить по лесам в поисках входа. Месяцы проходили за месяцами без проблеска надежды – и так до самого дня, когда я вышла из леса и назвала санитарам ее имя раньше, чем свое собственное.

Сопредельные земли ничем не давали ей о себе знать – ни в лесах, ни в городах. Дни злой судьбы навсегда закончились для нее после моего исчезновения – хотя она, конечно, не сказала об этом ни слова. Но то, что ее печалила невозможность проникнуть в Лес-на-Полпути, было очень заметно.

– Может быть, теперь я просто слишком старая для этого, – сказала она. – Может, так оно работает.

– Это не Питер Пэн, – уверенно сказала я. – Это *свобода*.

Она взглянула мне в глаза и улыбнулась.

– Весь лед вышел из тебя. Даже тот маленький кусочек, который я всегда видела на дне твоих глаз... моя сердитая девочка.

Я не могла поверить, что это может ее огорчить – но, как ни удивительно, видела, что огорчает. По крайней мере, чуть-чуть. Я действительно перестала быть такой скорой на гнев, сделалась осмотрительнее. Каждый день уже не казался мне запалом, который так и ждет, когда его подожгут, взорвут и забудут.

Мы вместе состряпали для полиции шитую белыми нитками историю про амнезию, мое лицо пару раз промелькнуло в новостях, меня предупредили, что полиция свяжется со мной, когда ей удастся выяснить, что, собственно, со мной произошло.

Через пару недель, когда меня отпустили домой, Элла дорассказала мне свою историю. В своих странствиях она не смогла отыскать Сопределье, но зато нашла «Ореховый лес». Не волшебный особняк, по которому я бродила, как во сне, а полуразрушенное здание, полное кошачьего дерьма и битого оконного стекла. Она забралась внутрь и нашла Алтею, сидевшую в своем кабинете. К тому моменту Алтея была уже несколько дней как мертва.

Руки Эллы почти не дрожали, когда она мне об этом рассказывала.

– Когда я в первый раз сочла ее мертвой, я думала, что со злой судьбой покончено. Я ведь всегда считала, что она насылает на нас Сопредельных, чтобы вернуть тебя. И подумать не могла, что...

Что дело во мне. Она никогда не думала, что это я виновата – темная магия во мне тащила Сопределье за собой, как леска тащит рыбу на крючке.

– Я усвоила свой урок, – продолжила Элла. – Нельзя верить письмам, когда речь идет о смерти. И нельзя убежать от собственного наследия.

Выяснилось, что «Ореховый лес» теперь принадлежит нам, как я некогда мечтала. Элла продала особняк некоей даме, задумавшей устроить там писательский санаторий, и купила нам хорошую квартиру в нашем прежнем районе в Бруклине.

Она нашла себе очередную работу официантки, а я устроилась расставлять товары на полках в продуктовый магазин, а в свободное время притворялась обдумывающей план возвращения в школу. По документам мне было девятнадцать, и Элла старалась на меня не давить.

Но дни, проходившие один за другим без перемены мест, казались мне пустыми, и я не находила себе места. Я часами гуляла, проходя пешком от Бруклина до Манхэттена и обратно,

или вниз, до Кони-Айленда. Я начала перечитывать книги, которые мне раньше нравились – все эти томики в бумажных обложках, происходившие из дешевых магазинчиков, пахших плесенью, с книжных развалов и с библиотечных полок. Книжки, которые я увозила с собой и теряла где-нибудь по пути.

Когда я перечитывала «Мальчик, снег, птица», я вспоминала Айова-Сити, где мы с Эллой жили в покосившемся сборном доме неподалеку от рабочей общаги. «Ходячий замок» ассоциировался с перестроенным под жилище сараем в Мэдисоне, где мы провели три одиноких месяца после страшного финала нашей жизни в Чикаго. Как буквы, написанные на оконном стекле, снова проступают, если на них дохнуть, так возвращались ко мне воспоминания, когда я читала. Холодным февральским днем я захватила с собой на Лонг-айлендский паром пару бутылок пива и всю дорогу, пока мы с пытением бороздили воду, читала «Мудрое дитя». Я закрывала глаза и вспоминала красные цветы, росшие вокруг нашей мини-гостиницы в Лос-Анджелесе, когда мне было десять. Открывала глаза – и ловила языком нью-йоркские снежинки. Они были невкусные и грязные, как кислотный дождь.

Я засыпала в своей собственной комнате, но очень часто просыпалась рядом с Эллой, которая обнимала меня, запуская мне руки в волосы. Я сбрила наголо всю свою копну колтунов, едва вышла из больницы, и новые волосы отрастали мягче и темнее прежних. Более похожими на волосы Эллы.

– Т-с-с, – шептала она, как всегда, когда меня успокаивала. – Все прошло. Все уже прошло.

Однажды в парке Хай-Лайн я встретила Одри. Она полностью сменила стиль: бронзовые, плотно прилегающие к голове волосы, ярко-красная помада и курточка-матроска с отложным воротником. Мне понравилось. Она выглядела как Эми Уайнхаус, косившая под Джеки О.

Мы с ней посидели на солнце в шезлонге и выкурили на двоих сигарету – французскую, из пачки в стиле поп-арт. Одри ни слова не спросила об Элле, или о том, как я поживаю, и вообще, что с нами было после того, как ее отец, угрожая мне пистолетом, выкинул меня за двери в долгую холодную ночь, полную опасностей похуже уличных воришек. Потому что она была Одри. И я любила ее за это.

Она улыбнулась, когда я закашлялась сладким импортным дымом, глядя на меня сквозь темные очки от *Fendi*.

– Ты, похоже, слегка растеряла свою крутизну?

Я вцепилась в этот драгоценный источник информации о том, какой я казалась со стороны два года назад.

– А она у меня была? Крутизна? Ну, когда мы жили вместе?

– Черт, да я тебя боялась до усрачки. И ты это знаешь. Ты выглядела как китайская кукла, в которую вселился демон. – Она сдвинула очки и взглянула на меня поверх стекол глазами с длинными стрелками. – Теперь ты кажешься малость... Не знаю, как объяснить. Потерянной.

– Как там Гарольд? – я резко сменила тему.

– В полном порядке. В очередной раз влюблен. Как всегда. А как Элла?

Я помолчала, глядя, как сигарета тлеет у меня в руке. В самом деле, а как Элла?

– У нее все разрешилось, – сказала я наконец. – Со всеми теми... стремными делами. С ними покончено.

– Отлично, – сказала Одри, явно закрывая тему. Она вытащила у меня из пальцев сигарету и последний раз глубоко затянулась, а потом загасила ее и убрала в карман. Обняв меня на прощание – вернее, прикоснувшись ко мне обоими локтями, – она быстро ушла, ни разу не оглянувшись.

Я знала, что этого делать не следует, но все равно то и дело проходила мимо дома Эллери Финча, глядя вверх, на его окна. Конечно, он пропал одновременно со мной, но его отец наверняка списал его со счетов как сбежавшего из дома. Насколько я знала, он даже не объявил его в розыск. Может, Финчи наняли частного детектива. Или им действительно не было до сына особого дела, как он сам говорил. Но я в это не могла поверить. Не понимала, как можно не любить Эллери Финча.

Иногда он мне снился. Во снах мы с ним делали то, чего не успели в жизни – гуляли по паркам, держались за руки в книжных магазинах. Пробудившись от сна, в котором мы вместе переходили реку вброд, в воде по колено, я осознала, что теперь легко могу представлять его, не вспоминая сцену его неудачного убийства. Она слишком много раз проигрывалась у меня в мозгу – и наконец окончательно затерлась.

Думаю, я бы могла провести так вечность – пробуждая с помощью книг старые воспоминания и бродя по миру в полусне, как после долгого лежания на солнце. Но в один прекрасный день, когда с моего возвращения домой прошло чуть больше года, я наткнулась на Дженет и Ингрид, которые пили ледяной кофе на открытой веранде кафешки в Ист-Виллидже.

Глаза у меня вытаращились, едва не выпав из орбит. Я остановилась так внезапно, что какая-то женщина сзади наехала детской коляской мне на пятки. Я быстро убралась с дороги, пробормотав извинение, при этом не отрывая глаз от лица Дженет. Я пошла в их сторону, вытянув руки вперед, как зомби, будто ожидая, что видение вот-вот исчезнет.

Дженет, судя по всему, была рада меня видеть, но особого восторга или изумления не испытывала. Как будто это был приятный сюрприз, не более того, а не космический сдвиг реальности, как она ее себе представляла.

– Без ледяной корки ты выглядишь куда лучше, – сказала она, пожимая мне обе руки. Ингрид только холодно кивнула, прячась за своей чашкой.

– Но как вы... Что вы...

– Т-с-с. Присаживайся. Съешь что-нибудь. Ингрид? – выговор Дженет был куда более британским, чем когда я последний раз его слышала. Менее... Сопредельным.

Ингрид нехотя подвинула мне кусок маслянистого пирога, завернутый в пергамент. На вкус он походил на мокрый песок, но от него мне все же стало лучше.

– Как вы сюда попали? – спросила я, когда наконец смогла снова говорить.

Дженет запустила пальцы себе за воротник и достала плоский мешочек на веревочке – старушки берут похожие нагрудные кошельки с собой, отправляясь в отпуск в большие города. Да, собственно, они с Ингрид и были такими старушками. Но из кошелька Дженет вытащила не пачку дорожных чеков, а плоскую твердую книжечку.

Обложка у нее была зеленая, с золотым тиснением. *ПАСПОРТ*, гласила надпись сверху; *Сопредельные земли* – курсивом внизу. Между надписями красовался тисненый цветок – такой же, как у меня на плече. Я взяла и открыла документ – с опаской, как будто он мог испариться. Внутри он пестрел штампами – некоторые были с датами, имевшими смысл, а некоторые – без оных. По большей части штампы изображали собой дверь; но были и штампы с кораблем, с поездом, а один – со стилизованным рисунком башмака. Названия мест были мне незнакомы и казались такими странными, что ускользали из памяти прежде, чем я над ними задумывалась.

Так широко я не улыбалась уже несколько месяцев.

– Еще больше дверей. Вы нашли их.

– Я работала над этим не одна, – скромно сказала Дженет. – В самом конце разные группы беженцев начали смешиваться. Некоторые знали уловки, которые мне не были известны – от правильной работы с источниками зависит больше, чем ты думаешь.

– В самом конце? Конце чего?

Она вытащила паспорт у меня из рук, убрала его обратно и заправила кошелек под одежду.

– В общих чертах, дела в Сопределье в последнее время шли не особо стабильно. Боюсь, мы ненамеренно запустили некую тенденцию. Одна разорванная история влечет за собой другую – ты была не единственной обреченной принцессой, мечтавшей о хорошем конце.

– Погодите. Я была обречена? Чем должна была закончиться моя история? Я ведь так и не узнала.

– Думаю, лучше тебе и не знать. Не хочу породить самоисполняющееся пророчество или вроде того. Короче, тот мир сильно подкосило уничтожение историй, на которых он держался. Он начал несколько... сбоить.

– Я чуть не провалилась сквозь тонкое место, – вставила реплику Ингрид.

– Верно, – подтвердила Дженет. – Она по колени ушла в землю, и под ногами у нее не было ничего, кроме черных звезд, а чертова история пыталась заплести отверстие и выталкивала ее из мира. Но нам удалось ее вытащить, а значит, все стало хорошо, верно, Ингрид?

Выражение лица Ингрид говорило, что хорошо стало далеко не все.

– А Финч – он вернулся вместе с вами?

Черты Дженет смягчились.

– Нет. У этого юноши в планах еще много неисследованных миров. Мы не всегда рождаемся в подходящем нам мире, ведь так?

Я даже не представляла, насколько отчаянно хочу снова увидеть Финча, пока не узнала – во второй раз в своей жизни, – что больше его никогда не увижу.

– Я не знаю, кто я такая без этого, – неожиданно для себя выпалила я. Словно поделилась постыдной тайной.

– Без Сопределья? Но ты вроде бы не стремилась обратно?

– Нет. Безо льда.

– А-а. Ну что же, ты не первый бывший персонаж, испытывающий подобные чувства. Похоже, будто половину тебя высосали сквозь соломинку?

Да. Именно так. Иначе не скажешь.

– И что же мне делать? – отчаянно спросила я.

Дженет погладила меня по щеке, а потом что-то написала для меня на уголке салфетки. Адрес, дату и время.

Вот так я попала в пахнущий индийскими благовониями кабинет психотерапевта на Двадцать шестой улице. Самого доктора не было – она начинала работать с полудня, а сейчас было только десять утра, к тому же воскресенье. Несмотря на это, кабинет наполовину заполняли посетители, причем все как на подбор – с яркими, запоминающимися лицами. Жесткие черты, и милые, нежные... Безумные глаза Мэнсона, кроваво-красные рты, потрескавшиеся, искушенные в кровь губы. У двух третей присутствующих на коже виднелись нашлапки никотинового пластыря, почти у всех были татуировки. Памятные татуировки – кусочек Сопредельной флоры, кинжал, капли слез, чаша. Или дверь.

У каждого из нас была некая пустота в глазах. Вакуум, жаждущий быть наполненным. Здесь присутствовали и чистокровные люди – беженцы, слишком долго прожившие в Сопределье и теперь не знающие, куда себя девать на Земле, – но большинство все же составляли бывшие персонажи. Когда их мир – наш мир – развалился, они пришли сюда.

Беженцы из Сопредельных земель собирались в кабинете психотерапевта раз в неделю. Мы пили кофе. Улаживали конфликты. Для большинства это была последняя остановка перед тюрьмой или спецучреждением. Самые жестокие – вроде Верескового короля – уже покинули наш круг. Они сливались с толпой, прячась там, где могли принести максимальный вред, или быстро погибали. Когда умирает целый мир, он это делает не без судорог. Я и в этом обществе

чувствовала себя чужой, но так было со всеми нами. В этой жизни мне часто приходилось сидеть за обеденным столом в неподходящей компании, так что я хорошо знала это чувство. Каждый из нас был отдельным островом, и вместе мы составляли очень неоднородный архипелаг.

На работе я раскладывала по полкам упаковки орешков, растворимых хлопьев и сахарной пудры, а по ночам старалась до утра оставаться в собственной постели. Я продолжала читать – это помогало мне замостить трещины и расщелины собственной памяти, – и позволяла Элле зачесывать мне в волосы хну. По воскресеньям я пила скверный кофе и слушала истории беженцев, и моя пустота постепенно начинала заполняться. Воспоминания становились все более плотными. Я опирала на них леса, чтобы выстроить свою реальную жизнь.

С одной девушкой, чья прошлая сказка была настолько темной, что социопатия еще казалась легчайшим из возможных последствий, мы заключили пакт. Мы решили пойти в школу. Она – впервые, а я – после долгого перерыва. К тому времени в нашей группе появился человек, который выправлял поддельные документы для всех нуждающихся. Моя подруга выбрала имя Снежана – имя корнями из ее сказки, мне так и не удалось ее от этого отговорить, – и простую человеческую фамилию. Я остановилась на Алисе Прозерпине и передвинула свой день рождения на два года назад. Мне должно было быть семнадцать по документам.

Двери в Сопредельные земли закрылись, тот мир погас. Лед покинул меня. Мир Пряхи отпустил на волю и Финча. Ночью, когда я не могла заснуть, я представляла его странствующим сквозь звездные вселенные, сквозь пыльные двери, по странным мирам, которые он мог пересыпать в горстях, как кофейные зерна.

Иногда после такой беспокойной ночи я просыпаюсь совсем рано, одурманенная темными снами. Я встаю и проверяю свое отражение в зеркале. А потом, пока Элла еще спит, я надеваю темные очки и иду гулять. Пью обжигающий чай, катаюсь на пароме, согреваю руки дыханием. Когда же я снова возвращаюсь домой, у меня безупречно карие глаза, и даже можно сказать, что они почти, ну почти совсем такие, как у моей мамы. У Эллы Прозерпины.

Благодарности

Первое и главное спасибо тебе, Файе Бендер, великолепный агент и невероятно терпеливый партнер, сперва подробно объясняющий, как это все работает, а потом воплощающий слова в жизнь, как волшебник. Мои друзья и домашние уже устали от постоянных моих восклицаний «Боже мой, я обожаю Файе», так что я просто оставляю это здесь для потомства: Боже мой, я обожаю Файе.

Спасибо Саре Доттс Барли, идеальной спутнице жизни моей книги: спасибо за то, что сделала процесс редактирования захватывающим, вдохновенным и необычайно радостным, свободным от всякого страха. Я не могла и мечтать о лучшем адвокате и источнике энергии для этой книги – а также о лучшем доме для нее, чем *Flatiron/Macmillan*. Огромное спасибо Эми Эйнхорн, Лиз Кинан, Эмили Уолтерс, Патрисии Кейв, Нэнси Трайпак, Роберту Аллену и команде аудиокниги, Анне Горовой, Кийту Хйесу, Лене Шехтер и Молли Фонсеке. За потрясающую обложку и иллюстрации, и за форзацы (форзацы!) спасибо Джиму Тирни.

Спасибо Мэри Пендер-Коплан, замечательному киноагенту, и прочим агентам, которые помогли этой книге найти себе дома по всему миру. Вот эти люди: Лора Фаунтин (и Лео Торчински); Айя Аттерхолм; Себастьян Ритшер, Николь Мельо и Аннели Гейссер из *Morhbooks*; Милена Капларевич, Ана Миленкович и Нада Чипранич из *Prava I Prevodi*; Грэй Тан и Клэр Чи из *Grayhawk Agency*; Когэй Хаттори из *The English Agency*. Спасибо Райану Догерти из *Sony Pictures Entertainment*, а также Люси Фишер, Лукасу Визендангеру и Чарли Моррисону из *Red Wagon Entertainment*.

Спасибо моим родителям, Стиву и Дайане Олберт. Спасибо вам за все, в том числе за мое детство – настолько полное любви и защищенное, что я могла себе позволить теряться в придуманных мирах – в ущерб социальной жизни, зрению и благосостоянию Мемориальной Библиотеки Кука, чему я очень рада. Люблю вас всем сердцем.

Спасибо Брайану, сообщнику в моем детском преступлении. И Эми – моему постоянному товарищу по играм в прошлом и лучшей подруге на веки вечные.

Спасибо моим занудным и вредным бета-читателям, отличным писателям как на подбор: Жану-Мари Анайя, Натали Заттер и Дженнифер Кавески. Спасибо за воодушевление на начальном этапе Эмме Шастэн, чьи мудрые, веселые и глубоко истинные книги вдохновляют меня. Спасибо Молли Шуманн-Маккенн, одной из лучших известных мне писателей-юмористов, за то, что она прочла первые десять страниц этой книги и сказала, что это стоит продолжать. Спасибо Джоэлу Каннингему, истинному рыцарю научной фантастики, за блестящие образчики этого жанра, а также за поддержку.

Спасибо Стервам Квиддича – Таре Сонин, Анни Стоун, Саре Джейн Эбботт, Камилле Бенко и Элли Кампизано – за обратную связь, за поддержку, за вашу писанину, которую я так рвалась почитать при каждой нашей новой встрече – и за то, что вы те самые люди, с которыми я просто хочу быть рядом, потому что это побуждает меня писать еще больше. Спасибо Киму Граффу и Филу Стамперу за установленные сроки, которые побуждали меня писать вместо того, чтобы сидеть дома и есть арбуз.

Спасибо Далии Адлер и команде *B&N Teen* – за любовь и поддержку молодежной литературы и за значительное расширение моего круга чтения.

Спасибо моим тонко чувствующим и внимательным читателям – Дилану Стейса и Марии Баркер (представителям Гриффидора и Хаффлпаффа, соответственно) – за обратную связь и ценные советы, и за оценку моих отсылок к Гарри Поттеру.

И, наконец, спасибо Майклу – моему необычайно красивому мужу, который по счастливому стечению обстоятельств является еще и самой смешной и прекрасной любовью всей моей жизни.

Спасибо вам всем.